ROSA LUXEMBURG STIFTUNG
CENTRAL ASIA

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: МЕСТО И РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МУЛЬТИПОЛЯРНОМ МИРЕ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ФОНДА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: МЕСТО И РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МУЛЬТИПОЛЯРНОМ МИРЕ

Сборник статей международной конференции
«Формирование нового мирового порядка: место и роль Центральной Азии в мультиполярном мире»
15 июля 2024 года, г. Алматы

Алматы, 2024

УДК 339
ББК 65.5
Ф 79

Ответственный редактор-составитель: Черных И.А. – д.и.н., профессор, проектный менеджер Представительства Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

Ф 79 Формирование нового мирового порядка: место и роль Центральной Азии в мультиполярном мире. Сборник статей международной конференции (Алматы, 15 июля 2024 г.) Отв. редактор И.А.Черных. – Алматы: Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии, 2024. – 168 с.

ISBN 978-601-08-4601-2

Сборник статей посвящен широкому кругу вопросов, связанных с трансформацией системы международных отношений и местом и ролью Центральной Азии в изменяющемся мире. Авторы статей представляют концептуальное видение мультиполярного мира, рассматривают внешние факторы, влияющие на процессы регионализации в Центральной Азии, например в контексте ситуации в Афганистане или в фокусе развития формата «С5+1». Серия статей посвящена тому, как Центральная Азия позиционирует себя в формирующемся миропорядке, рассматриваются теоретические основы регионализации через призму теории регионального комплекса безопасности, идеи многополярного регионализма, потенциал и возможности региона как единого целого. Анализируются экономические предпосылки позиционирования стран Центральной Азии в мультиполярном мире, динамика развития транспортной связанности в регионе, а также перспективы центральноазиатской интеграции в контексте опыта ЕС и АСЕАН. Сборник статей рассчитан как на специалистов в сфере центральноазиатских исследований, изучения вопросов безопасности и международных отношений, так и на широкую читательскую аудиторию, нацеленную на понимание происходящих социальных процессов в регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с позицией Фонда Розы Люксембург.

The digest covers a broad range of issues pertaining to the transformations the international relations system is currently undergoing, as well as the place and role of Central Asia in the changing world. The authors present their conceptual visions of the multipolar world and consider external factors affecting the regionalization processes in Central Asia, e.g. the situation in Afghanistan or the evolvement of the C5+1 format. The presented papers focus on how Central Asia positions itself in the emerging world order, simultaneously examining the theoretical basis of regionalization through the prism of the regional security complex theory, concepts of multipolar regionalism, potential and capabilities of the region as a whole. The digest likewise parses the economic prerequisites for the positioning of Central Asia countries in a multipolar world, the region's internal transport connectivity dynamics in the context of emerging international transport corridors, and the prospects for Central Asian integration against the background with the account of EU and ASEAN experiences.
This collection of papers may serve specialists engaged in Central Asian, security and international relations studies, and may be also relevant to a wider audience striving to better understand the ongoing social processes in the region.

The opinions expressed by the authors may not coincide with these of the Rosa Luxemburg Stiftung.

УДК 339
ББК 65.5

ISBN 978-601-08-3691-4

© Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Черных И. Введение 7

Chernykh I. Introduction 12

ВЛИЯНИЕ МУЛЬТИПОЛЯРНОГО МИРА НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Сыроежкин К. Центральная Азия в полицентричном мире: внешние факторы 17

Акимбеков С. Регионализация в Центральной Азии в контексте текущей ситуации в Афганистане 29

Мураталиева Н. Площадка С5+1 как формат регионализации в странах Центральной Азии: контекст, возможности, ограничения 42

Гусейнов Э. Внешняя политика средних держав в Центральной Азии в условиях многополярного мира: потенциал для сотрудничества и конфликтов 53

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРОПОРЯДКЕ

Бурнашев Р. Центральная Азия в современном мире: прочтение через теорию регионального комплекса безопасности 67

Ризоён Ш. Потенциал и возможности регионализации в Центральной Азии: взгляд из Душанбе 78

Рахимов М. Центральная Азия в контексте регионализма и мультиполярности 91

РЕГИОНАЛЬНАЯ СВЯЗАННОСТЬ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ОГРАНИЧЕНИЯ, ПРАКТИКИ

Додонов В. Экономические предпосылки позиционирования стран Центральной Азии в мультиполярном мире 103

Пархомчик Л. Динамика развития транспортной связанности в Центральной Азии в контексте формирования новых международных транспортных коридоров 116

Голунов С. Перспективы центральноазиатской интеграции в контексте опыта ЕС и АСЕАН 130

Игамбердиев Б. Роль формирования мультиполярного мира в развитии стран Центральной Азии (на примере Кыргызстана) 141

Резюме статей на английском языке 157

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится в процессе трансформации системы международных отношений. Эта установка для специалистов-международников в последние десятилетия стала если не банальностью, то отражением серии комплексных изменений, происходящих в мире в конце XX – начале XXI веков. Глобальные перемены в мире имели место еще на рубеже 1980-х и 1990-х годов, в период окончания Холодной войны и распада биполярной системы международных отношений, построенной на идеологическом противостоянии. Не менее существенные трансформации происходили в начале 2000-х, когда после террористических актов в США международные отношения начинают определяться не только государствами, но и негосударственными акторами. О глобальных изменениях мы говорим и сегодня, в начале 2020-х годов. Среди аналитиков и специалистов-международников идут дискуссии относительно описания современного этапа международных отношений, который часто называют «Второй холодной войной», «Новой холодной войной», «Холодной войной 2.0». Конечно, отсылка к Холодной войне не отражает текущую ситуацию, ключевой особенностью которой является ее незавершенность. Мы не знаем, что станет ее финалом, и можем только предполагать, что в условиях неопределенности и турбулентности формируется новый миропорядок, который предполагает формирование нескольких центров сил, полюсов, ведущих акторов, формирующих принципы сотрудничества, нормы, модели и практики взаимодействия на международной арене. Такое мироустройство описывается через концепты «мультиполярность» или «полицентричность», которые к настоящему времени не имеют однозначного определения и находят отражение в большом количестве подходов, зачастую противоречащих друг другу и вкладывающих в эти концепты различные значения и смыслы. Каким будет этот новый мир, каковы будут новые принципы взаимодействия, покажет будущее.

В настоящее время можно говорить только о тех или иных симптомах трансформации. Например, об обострении нерешенных в предшествующие этапы и кризисы региональных конфликтов и их глобализации. Примерами являются война между Россией и Украиной, эскалация палестино-израильского конфликта и его расширение на другие страны Ближнего Востока, напряженность отношений между Китаем и Тайванем, смена политических режимов в ряде стран Африки и изменение их внешней политики. Происходит формирование военно-политических коалиций и «квазикоалиций». Симптомы трансформации можно найти и в иных составляющих международных отношений. В практику мировой политики

возвращается блоковое мышление в форматах «Запад – Не-Запад», «Глобальный Север – Глобальный Юг». Особую нагрузку этой тенденции придает риторика деколонизации. Страны, не видящие целесообразности в такой поляризации, подвергаются серьезному давлению, что вновь актуализирует идею Движения неприсоединения. Системный характер приобретает введение санкций (и принуждение к их поддержке) как инструмента давления на страну-оппонента. Нарастает взаимное обвинение в «двойных стандартах», что позволяет говорить об эрозии или даже разрушении современного международного права и международной системы, основанной на правилах.

Очевидно, что в существующих условиях меняется характер взаимодействия стран Центральной Азии как между собой, так и с глобальными и региональными державами. Трансформируются отношения между странами Центральной Азии. Происходит перестройка транспортно-логистических коридоров, проходящих по территории Центральной Азии. Фиксируются попытки оказать влияние на эти страны с целью склонить их на определенную сторону или побудить занять более четкую позицию относительно того или иного конфликта. Активизируются как контакты отдельных стран региона с международными акторами, так и взаимодействие стран Центральной Азии с внерегиональными партнерами в формате «5+1».

Насколько системны эти изменения, как они воспринимаются в странах Центральной Азии? Происходит ли, с точки зрения стран Центральной Азии, изменение их места в современной международной системе? Что обуславливает происходящие трансформации? Как страны Центральной Азии позиционируют себя в трансформирующемся мире, каково их видение нового мироустройства? Можно ли говорить об изменении концептуальных оснований внешней политики стран Центральной Азии? Способны ли страны Центральной Азии сформировать и продвигать свое видение мировой политики? Можно ли говорить об усилении регионализации Центральной Азии и формировании ее как самостоятельного региона с собственной повесткой или, напротив, данное пространство размывается, в том числе за счет включения в более тесные связи с внерегиональными силами и структурами и наложения на регион внерегиональных динамик? В каких формах и форматах происходят процессы регионализации в Центральной Азии, каковы основные механизмы и инструменты этих процессов? Эти вопросы стали предметом обсуждения на международной конференции «Формирование нового мирового порядка: место и роль Центральной Азии в мультиполярном мире», организованной и проведенной Представительством Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

В данный сборник включены статьи, написанные на основе выступлений, прозвучавших на конференции и в ходе их обсуждения. Структурно сборник состоит из трех частей.

В первой части – «Влияние мультиполярного мира на Центральную Азию» – представлены материалы, отражающие мнения участников конференции о том, как трансформация системы международных отношений влияет на страны Центральной Азии и регион в целом.

Константин Сыроежкин, критикуя идею многополярности как ставшую иллюзорной в современном мире, предлагает заменить ее понятием «полицентричность». Отвечая в этом контексте на вопрос, можно ли ожидать в современном мире достижения консенсуса конкурирующих интересов, он акцентирует внимание на изменении «правил игры» в мировой политике и международных отношениях, а также на росте конкуренции между центрами сил, в том числе – на пространстве Центральной Азии. Особое внимание при этом уделяется влиянию на процессы региональной безопасности со стороны усиливающегося Китая, который стремится играть более значимую роль на Евразийском пространстве.

Султан Акимбеков фокусируется на влиянии на регионализацию Центральной Азии событий, происходящих в Афганистане. Он ставит вопрос о субъектности государств Центральной Азии в их отношениях с конкурирующими между собой великими державами. Также в его статье рассматривается вероятность того, насколько позиции стран Центральной Азии по регионализации этого пространства могут быть ими скоординированы.

Статья Наргизы Мураталиевой посвящена формату «С5+1» и поиску ответа на вопрос, почему этот формат в последние годы стал так популярен. Автор выделяет сильные и слабые стороны этого многостороннего формата сотрудничества, возможности и лимиты его развития, факторы его устойчивости.

Эльданиз Гусейнов рассматривает присутствие в Центральной Азии «средних» внерегиональных держав, к которым он относит такие государства, как Турция, Иран, страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Япония, Южная Корея, Индия и Пакистан. Его статья фокусируется на анализе интересов и ролей этих держав в Центральной Азии, выявляя как возможности для сотрудничества, так и конфликтный потенциал, который формирует взаимодействие с этими странами. Ключевая идея статьи состоит в том,

что странам Центральной Азии нужно формировать собственные форматы сотрудничества со средними державами, а не следовать исключительно тем проектам, которые им предлагаются извне региона.

Во второй части сборника – «Центральная Азия в формирующемся миропорядке» – дискуссия о месте стран Центральной Азии в современной системе отношений продолжается, но уже с «внутрирегиональной» точки зрения.

Рустам Бурнашев предлагает рассматривать эту тему в фиксированных теоретических рамках – с точки зрения теории регионального комплекса безопасности. В его статье на основе данной теории рассматривается вопрос о том, в какой степени в Центральной Азии сформированы структурные основания для углубленного сотрудничества в региональном (многостороннем) формате. В статье утверждается, что, несмотря на происходящие перемены последних лет, Центральная Азия остается «квазирегионом» – номинальным комплексом, единство которого определяется скорее идеей или термином («Центральная Азия») и традицией его использования, чем региональной структурой.

Шерали Ризоён фокусируется на особенностях регионализации Центральной Азии и ее потенциале во всех секторах международных отношений: от вопросов безопасности до вызовов, связанных с изменением климата. Особое внимание в его статье уделяется «сдерживающим факторам» регионализации в Центральной Азии. Регионализация рассматривается не как линейный процесс, а как процесс вариативный. В этом контексте в статье фиксируются ключевые условия, от которых зависят вероятные сценарии развития ситуации в Центральной Азии.

Мирзохид Рахимов исходит из уровневого анализа международных процессов и считает, что анализ ситуации в Центральной Азии должен строиться на основе изучения национальных, региональных и глобальных аспектов. Это, по его мнению, позволит определить и спрогнозировать ожидаемые средне- и долгосрочные тенденции в развитии стран Центральной Азии и региона в целом. В статье указывается, что одним из главных факторов обеспечения региональной безопасности и стабильности в Центральной Азии является формирование сбалансированной многоплановой системы отношений с ведущими государствами мира, международными и региональными организациями. Однако устойчивость межгосударственных связей в Центральной Азии должна обеспечиваться усилиями именно стран региона.

Третья часть сборника – «Региональная связанность: экономические предпосылки, ограничения, практики» – посвящена анализу отдельных направлений сотрудничества в Центральной Азии, а также сравнительному анализу регионализации в Центральной Азии и аналогичных процессов в других регионах.

Вячеслав Додонов фокусируется на экономических предпосылках позиционирования стран Центральной Азии в современном мире. По его мнению, укрепление новых центров экономической силы определяет смещение векторов двустороннего и регионального сотрудничества в их сторону. В этом процессе страны Центральной Азии не являются исключением: их экономические связи с Китаем и Россией усиливаются, что фиксируется через такие индикаторы, как динамика внешней торговли и взаимных инвестиций. В статье указывается, что смещение векторов экономического сотрудничества на внешнем контуре Центральной Азии сопровождается некоторой активизацией внутрирегиональных связей, которые, однако, остаются недостаточно значимыми. Ограниченный экономический потенциал стран Центральной Азии и слабая связанность их экономик не позволяют прогнозировать успешность проектов региональной интеграции, но не исключают укрепления регионального сотрудничества.

В статье Лидии Пархомчик рассматривается вопрос транспортной связанности стран Центральной Азии с акцентом на формирование новых международных транспортных коридоров. Автор указывает, что, несмотря на то, что страны Центральной Азии находятся в фокусе внимания таких транспортных инициатив, как китайский проект «Пояс и путь» и европейский проект «Global Gate Way», транспортно-логистический сектор этих стран нуждается в большей гибкости по отношению к меняющейся конъюнктуре рынка. Прежде всего – в региональном масштабе. В статье раскрываются сложности и перспективы «совместимости» национальных транспортных систем в Центральной Азии, а также позитивные и негативные последствия влияния внерегиональных игроков на формирование транспортной повестки в Центральной Азии.

Сергей Голунов анализирует перспективы интеграции в Центральной Азии через призму опыта стран Европейского союза и АСЕАН. Ключевой вопрос его статьи: насколько интеграционный опыт этих организаций применим к условиям Центральной Азии? Автор утверждает, что, хотя опыт и условия каждого региона уникальны, отдельные элементы моделей, реализованных в пространстве Европейского союза и АСЕАН, могут быть полезны при разработке подходов к региональной интеграции в Центральной Азии.

Бахтияр Игамбердиев рассматривает то, как формирование мультиполярного мира влияет на страны Центральной Азии. При этом автор осмысливает понятие «мультиполярность» через экономическую призму и помещает в центр своего анализа Кыргызстан и то, какое влияние на эту страну оказывают дедолларизация и формирование организаций и многосторонних платформ, таких как БРИКС, ШОС и ЕАЭС, которые, по мнению автора, «альтернативны Бреттон-Вудским институтам».

INTRODUCTION

The modern world is witnessing the transformation of the international relations system. In recent decades, this claim has become if not a banality among foreign policy experts then a reflection of a series of sophisticated changes unfolding across the planet since the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. Tectonic shifts had taken place in the late 1980s and early 1990s with the end of the Cold War and collapse of the bipolar international relations model built on ideological confrontation. No less significant transformations had occurred in the early 2000s after the terrorist attacks in the US, when not only states but also non-state actors had started defining international relations. Today, in the early 2020s we are still seeing even more ongoing global changes. Analysts and international experts are debating trying to diagnose the status quo international relations, often referred to as the Second Cold War, New Cold War, or Cold War 2.0. The reference though by no means reflects the current predicament, the key feature of which is its incompleteness. We do not yet know what will its final outcomes be and can only allege that a new multipolar world is taking shape under the current circumstances of uncertainty and turbulence.

We do not yet know what will its final outcomes be and can only allege that a new multipolar world is taking shape under the current circumstances of uncertainty and turbulence. A new multipolar world order is emerging, which implies the formation of several centers of power, poles, leading actors that form the principles of interaction, norms, models and practices of interaction in the international arena. Such a world order is described by the concepts of 'multipolarity' or 'polycentricity', which have a variety of approaches, interpretations and meanings. The future will show what this new world will look like and what the new principles of interaction will be.

Thus, at the moment, we can merely point to certain symptoms of these alterations manifesting themselves in relapsing unresolved old crises and regional conflicts, as well as their globalization, like the war between Russia and Ukraine, escalation of the Palestinian-Israeli clash with its spill-over to other Middle Eastern countries, ramp-up between China and Taiwan, or revision of political regime and foreign policy by several African countries. New military-political coalitions and quasi-coalitions are likewise emerging. Transformation symptoms are also evident in other components of the international relations plexus. The bloc mentality in West vs. Non-West or Global North vs. Global South formats is finding its way back to world politics, with the decolonization rhetoric only aggravating the trend. Countries not believing in the expediency of such polarization become subject to considerable pressure, re-actualizing the Nonaligned Movement attitudes. Sanctions and coercion to their support as a tool of leaning on opponent nations are taking on a systemic nature. Mutual accusations of double standards are mounting as well suggesting erosion or even decay of modern international law and international rules-based frameworks.

Against this backdrop, the very nature of Central Asia states' interactions both among themselves as well as with global and regional powers, is obviously changing too. Bi- and multi-lateral relations between the region's members are transforming. The transport and logistics corridors crossing the territory of Central Asia are undergoing restructuring. Attempts are made to gain these nations over to a certain side or push them to take a clearer stance regarding a particular conflict. The engagement of individual Central Asian states with international actors and non-regional partners within the 5+1 format are intensifying. How systemic are these changes, and how are they perceived inside the region? From the viewpoint of Central Asia countries, is their plight in the modern international system changing? What drives the ongoing shifts or absence thereof? How do the countries of Central Asia position themselves in a transforming world, and what is their vision of a new world order? Is it possible to allege the modification of the conceptual basis of their foreign policy? Are Central Asian states capable of formulating and promoting their world politics vision? Can one contend the strengthening of Central Asia's regionalization and its becoming an independent region with its own agenda or, on the contrary, the region's erosion, including due to the increasingly closer ties with extra-regional forces and entities and superimposition of extra-regional dynamics on the region? What forms and formats do the regionalization processes unwinding in Central Asia are taking, and what are the main mechanisms and instruments underlying them? The International Conference *Formation of a New World Order: Place and Role of Central Asia in a Multipolar World* organized and held by the Rosa Luxemburg Foundation Office in Central Asia zoomed in on these and other pertaining issues.

This digest includes articles written based on the reports presented and discussed at the conference, blocked into three parts.

Part 1 *"Multipolar World's Impacts on Central Asia"* comprises papers reflecting how – as per the opinion of the conference participants – the transformations that the system of international relations is undergoing affect the countries of Central Asia and the region as a whole.

Konstantin Syroyezhkin criticizes the idea of multipolarity as having become illusory in the current setting, and suggests replacing it with the concept of *polycentricity*. In this context, contemplating on the feasibility of competing interests arriving at a consensus in the contemporary world, he focuses on the changing *rules of the game* in world politics and international relations, as well as on the crescenting rivalry among the centers of power, including within Central Asia. The author renders special attention to the exposure of regional security to consolidating China seeking to play a more significant role in the Eurasian space.

Sultan Akimbekov focuses on the impacts of events taking place in Afghanistan on Central Asia's regionalization, as well as examines the agency of Central Asian states in their liaising with the competing great powers. His article likewise queries the possibility of Central Asian countries coordinating their visions of regionalization.

Nargiza Murataliyeva's article dwells on the C5+1 format searching for an answer to the question of why it has turned so popular recently. In addition, the author assesses the strengths and weaknesses, as well as sustainability factors of this multilateral cooperation scheme, opportunities and limitations in terms of its further development.

Eldaniz Gusseinov evaluates the presence in Central Asia of *middle powers,* characterizing as such Turkey, Iran, countries of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (Gulf Cooperation Council, GCC), Japan, South Korea, India and Pakistan. His paper investigates the interests and roles of these nations in Central Asia, identifying both opportunities for cooperation and conflict potential shaping the dialogue with these actors. The article's pivotal idea is that instead of exclusively following along with the projects offered by extra-regional actors, Central Asian states should cast their own cooperation formats with middle powers.

Part 2 *"Central Asia Amidst an Emerging World Order"* continues the discussion of the stance of Central Asia countries within the system of relations as it exists today, yet from the "intra-regional" perspective.

Rustam Burnashev suggests considering this issue based on a fixed theoretical framework, i.e. the regional security complex theory. Armed with this methodology, the author analyzes the maturity degree of the institutional basis for regional (multilateral) cooperation in Central Asia. The article argues that, despite the changes taking place in recent years, Central Asia still remains a "quasi-region" – a nominal complex, the unity of which is determined more by the idea or term ("Central Asia") and the tradition of its use, rather than by its actual regional unity.

In his paper, *Sherali Rizoyon* describes the specifics of Central Asia's regionalization and its potential in all sectors of international relations – from security to climate change. The author lays special emphasis on the "restraining factors" of regionalization in Central Asia, which he deems not a linear but a variative process. In this regard, the article highlights the key conditions guiding the likely scenarios for the overall development of the situation in Central Asia.

Mirzohid Rakhimov proceeds from the level analysis of international processes and argues that the assessment of the situation in Central Asia should rely on the exploration of its national, regional and global aspects. The author maintains that this approach makes it possible to grasp and predict the expected mid- and long-term trends in the development of Central Asian nations, and the region in its entirety; and that building a balanced multifaceted system of relations with the leading third countries, international and regional organizations represents a major factor of regional security and stability in Central Asia. Yet, the author insists that the main burden of ensuring stable interstate relations in Central Asia is vested with the region's members themselves.

Part 3 "*Regional Connectivity: Economic Prerequisites, Limitations, and Practices"* breaks down cooperation in Central Asia into different tracks, and presents a comparative analysis of regionalization in Central Asia and similar processes in other parts of the world.

Vyacheslav Dodonov parses the economic prerequisites of Central Asia countries' positioning in the world of today. In his opinion, the rising economic power centers attract the vectors of bilateral and regional cooperation,

which is true for Central Asia states – their economic ties with China and Russia are gaining momentum evidenced inter alia by foreign trade and mutual investment dynamics. The article indicates that the shifting of Central Asia's extra-regional economic cooperation tracks is accompanied by some activation of intra-regional ties, which, however, remain insignificant. The limited economic capacity of Central Asian countries and their poor economic connectivity prohibit predicting the success of regional integration projects although do not exclude the solidification of regional cooperation.

In her paper, *Lydia Parkhomchik* draws attention to the transport connectivity of Central Asian countries with an emphasis on emerging international transport corridors. The author points out that – despite the fact that the region's countries are at the crux of such transport initiatives as China's Belt and Road Project and EU's Global Gateway Strategy – given the changing market conditions, their transportation and logistics sectors require higher flexibility, foremost on the regional scale. The article dissects the complexities and prospects of "compatibility" of national transport systems in Central Asia, as well as adverse and positive consequences of the influence of non-regional players on Central Asia's transport agenda.

Sergey Golunov reviews the prospects for Central Asia's integration through the lens of EU and ASEAN models, focusing on the core question of how applicable the integration experience of these organizations is to the conditions of Central Asia. The paper argued that while the lessons learnt and conditions in different regions are unique, certain elements of the EU and ASEAN best practices may prove beneficial for designing regional integration approaches in Central Asia.

Bakhtiyar Igamberdiyev draws the attention to the impacts of the formation of a multipolar world on Central Asia, rethinking the concept of "multipolarity" through the economic prism. The author places Kyrgyzstan in the center of his analysis and examines the impacts of de-dollarization and emergence of organizations and multilateral platforms like BRICS, SCO and EAEU – alternative to the Bretton Woods institutes – on this country.

ВЛИЯНИЕ МУЛЬТИПОЛЯРНОГО МИРА НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Сыроежкин Константин
доктор политических наук, профессор
Казахстан, Алматы

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ: ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Абстракт: *Многополярность/полицентричность как научная категория или понятие присутствует в дискурсе в имплицитной форме. Почему идея многополярности в настоящее время превратилась в иллюзию? Что приходит ей на смену и можно ли ожидать того, что в современном мире удастся достичь консенсуса конкурирующих интересов?*

В статье анализируются угрозы и вызовы современного миропорядка, изменение «правил игры» в мировой политике и международных отношениях и растущая конкуренция между центрами сил как в глобальной политике, так и на пространстве Центральной Азии. Также автор рассматривает внешние угрозы и вызовы для региона Центральной Азии как главные проблемы формирования новой архитектуры региональной безопасности. Исследуются интересы внешних центров силы и их влияние на процессы региональной безопасности, особенно возросшая мощь Китая и его стремление играть более значимую роль не только в мире, но прежде всего на Евразийском пространстве.

Ключевые слова: *многополярность, полицентричность, угрозы и вызовы, центры силы.*

Начнем с того, что дискуссия по поводу идеи многополярности или полицентричности сегодня имеет место быть, но она представляется малопродуктивной.

Во-первых, по той причине, что целостной научной концепции ни по тому, ни по другому вопросу просто не существует. Представители различных школ и подходов, ученые из разных стран, изучающие специфику международных отношений, по-разному оценивают не только сущностное

содержание многополярности или полицентричности, но и те критерии, по которым они их определяют [1; 2, с. 18-25; 3; 4, с. 424-445; 5, с. 16-17; 6; 7]. Хотя все приводимые ими аргументы имеют право на жизнь, они не добавляют целостного понимания сути явления. Единственное, что является общим для всех подходов, это констатация трех не бесспорных, но вполне очевидных фактов:

1. Ослабление позиций США как глобального лидера.
2. Рост экономического, военного и политического потенциала новых государств, из чего следует вывод о появлении новых центров силы.
3. Нежелание этих центров силы жить под доминантой «правил игры», предлагаемых США, и их стремление к проведению более независимой внешней политики с фокусом на реализацию собственных интересов.

Во-вторых, возникновение идеи многополярности или полицентричности это, скорее, *ожидание* или *надежда* на перспективу формирования нового, более справедливого миропорядка, который *мог бы возникнуть* после краха биполярной системы в виде противостояния (во многом идеологического, хотя и это не бесспорно) двух блоков – капиталистического и социалистического – и пришедшей ей на смену, но также исчерпавшей свой потенциал однополярной системы в виде Pax Americana [8, с. 60; 9; 2, с. 9-17; 10, с. 86-97; 11, с. 159-160; 12].

Насколько эта надежда воплотилась в реальность, вопрос дискуссионный, так как на сегодняшний день отсутствуют главные условия ее существования: с одной стороны, нормативная основа, то есть правила и принципы, которые должны определять отношения и поведение *всех без исключения* центров силы (Устав ООН, безусловно, хорошая основа, но проблема в том, что заложенные в нем принципы и нормы либо игнорируются, либо исполняются очень избирательно); а с другой – *способность и желание* политических лидеров стран мира вести конструктивный диалог, а не демонстрировать свое превосходство, основанное на «праве силы».

Реальность, к сожалению, такова, что по мере расширения группы сопоставимых центров силы вероятность совпадения их интересов снижается, а значит, сокращается переговорное поле для достижения компромисса между всеми влиятельными участниками международной системы.

Не менее существенно и то, что сегодня мы наблюдаем крайне низкий уровень правящих элит, более того, их моральную и интеллектуальную деградацию, не говоря уже о том, что в своем большинстве они не способны к принятию самостоятельных решений.

В-третьих, обращает на себя внимание и тот факт, что при сохранении в научном дискурсе понятий «многополярный мир» и «полицентричная система» в политических документах некоторых стран, относимых к так называемым «центрам силы», они употребляются все реже. Яркий пример тому – Китай. В докладе Си Цзиньпина к XIX съезду КПК термин «многополярный мир» употреблялся лишь один раз [13], а в докладе к XX съезду он вообще отсутствует [14].

Скорее всего, это является подтверждением того факта, что идея многополярного мира в сегодняшних условиях практически не работает. Очевидно, что Китай в своем развитии достиг уровня, когда ему не только есть что предложить в качестве альтернативы единоличному доминированию США, но он также может уйти от конфронтационной блоковой риторики, сделав основную ставку на свою традиционную «мягкую силу» – прибыльные инвестиционные проекты, а также на те идеи, которые им предлагаются мировому сообществу в плане формирования новой архитектуры миропорядка.

Я, конечно, не думаю, что в ближайшей перспективе Китай превратится в единоличный и доминирующий в мире центр силы, но процесс усиления его позиций в полицентричном мире и формирование новых альянсов по формуле «Китай +» уже имеет место быть, так же, как и сокращение негативных оценок в отношении сотрудничества с Китаем.

Наконец, главный вопрос: насколько идеи многополярного мира или полицентризма могут способствовать сохранению мира и задачам всеобщего инклюзивного развития? Не могу не согласиться с оценкой идеи многополярности, данной в далеком 2003 году Кондолизой Райс, в то время занимавшей должность помощника президента США по национальной безопасности. По ее мнению, «… многополярность никогда не была объединяющей идеей. Она представляла собой необходимое зло и поддерживала состояние без войны, но никогда не способствовала победе мира. Многополярность – это теория соперничества, теория конкурирующих интересов и – хуже того – конкурирующих ценностей» [15, с. 78]. И хотя сказано это было в контексте поддержки концепции Pax Americana (в силу того, что в те годы уровень договороспособности политических лидеров был существенно выше, чем в настоящее время, и потому сама идея многополярности пользовалась популярностью), по существу это была верная оценка.

За прошедшие десятилетия позитива в надеждах и ожиданиях не прибавилось. Напротив, отношения между старыми и новыми центрами

силы стали жестче, а поле для достижения консенсуса – уже. А с учетом того, что единые для всех «правила игры» в «песочнице» под названием планета Земля по факту отсутствуют, а уровень договороспособности политических лидеров (в силу разных причин) стремится к нулю, жить становится как-то неуютно.

Чем характеризуется нынешний этап развития многополярного мира?

Первое. Имеющий место где-то завуалированный, а где-то и открытый рост недовольства не только формирующихся центров силы, но и развивающихся стран вообще текущим миропорядком, который видится как возможность для США и «коллективного Запада» диктовать миру свою волю. Это выражается не только в переходе во взаимных расчетах преимущественно на национальные валюты, но и в росте численности членов альянсов, рассматриваемых как альтернатива «коллективному Западу». Прежде всего, речь идет о БРИКС и ШОС.

При этом ни США, ни «коллективный Запад» не желают признать очевидного, а продолжают навязывать свои «правила игра» и весьма сомнительные ценности, достаточно субъективно оценивая критерии свободы и демократии. Желание их вполне понятно и не претерпело каких-либо изменений за последние три десятилетия. Желание это – иметь в глобальной политике только один полюс, на который все должны ориентироваться. Нравится это кому-то или нет, имеет второстепенное значение, потому что «Если сила служит делу свободы, то это необходимо приветствовать, и державы, преданные делу свободы, могут – и должны – создать единый фронт против врагов свободы» [16, с. 78; 19].

Второе. Открытое военное противостояние между «коллективным Западом» и Россией. Война на Украине, если называть вещи своими именами, по сути идет на истощение. Причем на истощение потенциала не только Украины и России, но и Европы. Кто окажется главным бенефициаром этой «бойни славян», сказать сложно, но то, что она приведет к серьезным геополитическим изменениям на Евразийском континенте, а возможно, и в мире в целом, по-моему, вполне очевидно.

Третье. Почти полный отказ от политико-дипломатических методов предотвращения споров и конфликтов и доминирование в международных отношениях «права силы» и «политики двойных стандартов». По сути, проведение военных операций в настоящее время стало одним из самых приемлемых методов разрешения международных споров.

Но еще тревожнее то, что угроза применения ядерного оружия из арсенала сдерживающих и умиротворяющих факторов, как это было с конца 1940-х годов, начинает переходить в категорию *ядерного устрашения противника*. Во всяком случае, сегодня о необходимости снижения планки, дающей основания для применения ядерного оружия, о так называемом «активном ядерном устрашении» говорят не только политики, но и ученые-международники [17].

Четвертое. Слабеют и даже сознательно разрушаются большинство институтов и режимов международного регулирования. Все более явным становится всеобщий дефицит доверия. Все чаще в возникающих и на глобальном, и на региональном уровнях конфликтах фактически наблюдается борьба без правил.

Пятое. Вполне очевидной стала ранее не очень бросающаяся в глаза моральная и интеллектуальная деградация элит во многих странах. Происходит это под влиянием информационных и политических процессов, а зачастую – и в силу усиливающейся тенденции политического абсентеизма. Ответственные и способные к принятию самостоятельных решений элиты вымываются, а мнение приходящих на их место все больше зависит от информационной среды или внешних сил.

Шестое. Мировая экономика фрагментируется, регионализируется и, главное, политизируется на фоне несколько сокращающегося, но все же беспрецедентно высокого уровня экономической взаимозависимости. А это означает, что имеет место обострение международной конкуренции как на глобальном, так и на региональном уровнях. В этих условиях мировая экономика из преимущественно позитивного фактора все больше превращается в фактор уязвимости.

Возвращаясь к нашему региону, нельзя не заметить, что региональных проблем в Центральной Азии, как и в любом другом регионе мира, достаточно много. Они обусловлены разными причинами – как внутреннего свойства, так и влиянием тех геополитических процессов, которые имеют место в регионе и в мире в целом. Не буду касаться страновых и внутрирегиональных угроз и вызовов, так как тема статьи ограничена влиянием внешних игроков, то есть угрозами и вызовами, имеющими внерегиональное происхождение.

Эти угрозы и вызовы в первую очередь связаны с изменившимися «правилами игры» в мировой политике и международных отношениях, о чем говорилось ранее, а также с растущей конкуренцией между центрами

силами на пространстве Центральной Азии. Наибольшую актуальность среди обширного комплекса проблем представляют следующие.

Первая проблема. Выбор, обусловленный открытой конфронтацией между США и «коллективным Западом» с одной стороны и Россией, Китаем, Ираном и балансирующими между ними и «коллективным Западом» Индией, Турций и арабскими государствами – с другой.

Безусловно, все государства региона стремятся сохранить свою идентичность и самостоятельную внешнюю политику, но рано или поздно определиться все-таки придется. И хотя нельзя не признать того факта, что на сегодняшний день ни один из влиятельных центров силы в дестабилизации ситуации в Центрально-Азиатском регионе не заинтересован, тем не менее открытая конфронтация и неисключаемая перспектива реальной войны между Россией и «коллективным Западом» делают выбор стран региона достаточно сложным.

Главная дилемма заключается в том, что соперничающие в регионе центры силы реализуют несовместимые повестки в сфере безопасности и экономики и этим ставят страны региона перед выбором из взаимоисключающих вариантов.

Вторая проблема – практикуемая США и странами «коллективного Запада» санкционная политика. Введение экономических санкций против других государств в одностороннем порядке, хотя это, по мнению в том числе и западных ученых, полностью противоречит нормам международного права и правилам ВТО [18], на сегодняшний день стало самым популярным политическим инструментом.

Поскольку инициаторы этих санкций претендуют на право субъективно запрещать гражданам других государств определенное поведение, имеющее место на территории этих государств, где к тому же такое поведение может быть не только не противозаконным, но даже поощряемым, риск попасть в санкционный список всегда существует. И не считаться с этим государства Центральной Азии не могут.

Третья проблема – недееспособность международных организаций, призванных обеспечивать *единые для всех и обязательные для исполнения всеми* «правила игры» на международной арене. По сути, имеет место размывание не только основополагающих принципов международного права, но и значимости общечеловеческих ценностей, в том числе декларируемых США и «коллективным Западом», – это

демократические ценности, равенство прав и возможностей, приоритет прав человека, электоральный процесс и т. д.

Признание того или иного режима или действия соответствующим или не отвечающим нормам демократии зависит исключительно от субъективной оценки Запада, а потому теряет смысл и общечеловеческую ценность.

Понятно, что в международных отношениях необходимо избавиться от политики двойных стандартов, «права силы» и наконец-то наладить равноправный диалог между всеми центрами силами, но консенсуса в этом вопросе не наблюдается.

Четвертая проблема – моральная и интеллектуальная деградация элит во многих странах мира, в том числе и в нашем регионе, а главное – их сращивание с криминальными группировками и радикальными течениями, которые не имеют недостатка в оружии, человеческих ресурсах и материальных средствах.

Это усложняет не только возможности организации равноправного и полноценного диалога, но и поиска взаимоприемлемого консенсуса.

Пятая проблема – неопределенность в политике России по отношению к СНГ вообще и государствам Центральной Азии в частности. Хотя во внешней политике России отношения со странами СНГ и проект евразийской интеграции рассматриваются в качестве приоритетных направлений [19], в реальной политике этого не ощущается (за исключением частоты встреч между политическими лидерами).

Особенно настороженным стало отношение к России в контексте событий на Украине. Не добавляют доверия и достаточно часто появляющиеся в российской прессе материалы по поводу истории, границ, территорий государств Центральной Азии, а также активно внедряемый в российском информационном пространстве тезис о «русском мире».

Шестая проблема – региональная интеграция, которая, несмотря на принятые меры [20; 21] и имеющийся исторический опыт, пока не имеет решения.

Несмотря на высокую цену, которую приходится платить за статус-кво, ни политические деятели, ни экспертное сообщество не выдвигают идей по пересмотру регионального порядка (таким способом, который могли бы счесть приемлемым все государства региона) с целью

достичь стабильности, урегулировать конфликты и обеспечить рост благосостояния.

В отношениях между государствами сложилась такая атмосфера, что обсуждение этой темы на официальном уровне стало фактически невозможным; на уровне коллектива экспертов из всех государств региона эти вопросы практически не обсуждаются, а отдельному исследователю сложно предложить альтернативы, которые учитывали бы весь спектр зачастую взаимоисключающих национальных подходов.

Седьмая проблема – возросшая мощь Китая и его стремление играть более значимую роль в мире и прежде всего на Евразийском пространстве.

Причем сегодня речь идет не только об инвестиционных проектах и возросшем экономическом присутствии Китая в регионе. Проблема и в том, что постепенно меняется отношение не только политических и бизнес-элит, но и населения государств региона к усиливающемуся присутствию Китая и исходящим из этого угрозам и вызовам. Беспокоит также изменение роли Китая в определении вопросов архитектуры региональной безопасности.

Здесь следует обратить внимание на три обстоятельства.

Во-первых, противодействовать экономическому проникновению Китая в регион ни страны Центральной Азии, ни Россия не в состоянии. Более того, это не имеет смысла, учитывая тот факт, что экономическое взаимодействие с Китаем имеет взаимовыгодный характер, и Китай для нас является более значимым партнером, чем мы для Китая.

Во-вторых, сегодня Китай не только политическим истеблишментом, но и населением государств Центральной Азии больше не рассматривается как источник потенциальных угроз. Более того, он перешел в категорию желательного внешнеполитического и внешнеэкономического партнера, а в плане обеспечения региональной безопасности порой рассматривается как вполне достойная альтернатива не только странам Запада, но и России.

В-третьих, нельзя не сказать о том, что Китай по факту стал модератором процесса формирования новой архитектуры региональной безопасности. Это несложно проверить. Достаточно внимательно посмотреть на внешнеполитические инициативы Китая и сравнить их с положениями, закрепленными в последних документах ШОС. В предыдущие 10 лет именно Китай был инициатором новых подходов к региональной безопасности.

Все мы, включая и Россию, лишь повторяем предложения Китая.

Однако все сказанное не означает, что можно успокоиться и забыть об исходящих от Китая угрозах и вызовах. В отношениях с Китаем не должно быть эйфории, которая, к сожалению, порой наблюдается. Нужно понимать, что мы имеем дело не только с ведущей державой Азии, но и со страной, одной из внешнеполитических стратагем которой является постулат о «сидящей на холме мудрой обезьяне, наблюдающей борьбу двух тигров в долине». Главное – после того, как «тигры» обессилят, не попасть в лапы к этой «обезьяне».

Не вызывает сомнений, что Китай будет стремиться делать преимущественно то, что отвечает его национальным интересам, и на определенном этапе это может вступить в противоречие не только со стратегией Запада или России, но и с национальными интересами государств Центральной Азии.

С Китаем можно разговаривать на равных, правда, лишь тогда, когда он сам признает значимость и силу партнера по диалогу. А поскольку по отдельности государства Центральной Азии и Россия в ближайшей перспективе вряд ли смогут конкурировать с Китаем, возникает необходимость создания механизмов, позволяющих объединить усилия.

Именно поэтому, во-первых, для стран региона выгодна та стратегия, которая предусматривает, с одной стороны, использование растущего интереса Китая к региону (прежде всего экономического) в интересах национальных экономик; а с другой – создание условий, обеспечивающих в стратегической перспективе ограниченное присутствие Китая.

Во-вторых, государствам Центральной Азии как ближайшим соседям и стратегическим партнерам Китая необходимо «держать руку на пульсе». А это возможно лишь при комплексном и постоянном изучении тех процессов, которые происходят в современном Китае. С сожалением приходится констатировать, что ни в одном из государств региона такие исследования в полном объеме и на должном качественном уровне не проводятся.

Наконец, необходимо отдавать себе отчет в том, что сильный Китай – это вызов, но слабый, распадающийся, потерявший управляемость Китай – это угроза, масштабы которой невозможно переоценить.

Что касается собственно центров силы в нашем регионе, их достаточно много, но вряд ли имеет смысл говорить обо всех. Роль многих из них –

присутственная, они не оказывают существенного влияния на экономику стран региона и уж тем более – на принятие политических решений.

С моей точки зрения, можно говорить о тех центрах силы, которые не только имеют (или имели в недавнем прошлом) свой альтернативный интеграционный проект по отношению к региону, но и оказывают существенное воздействие на его экономику, принятие политических решений и процесс выстраивания новой системы региональной безопасности; а главное – игнорировать их предложения или позицию по тому или иному вопросу государства региона в силу тех или иных обстоятельств не могут.

Каждый из значимых центров силы должен обладать следующими специфическими чертами:
- либо имеет, либо имел свой региональный интеграционный проект;
- обладает достаточным экономическим, финансовым (в том числе инвестиционным), политическим, гуманитарным (с точки зрения применения элементов «мягкой силы»), дипломатическим (в плане веса в глобальных международных организациях и привлекательности внешнеполитических инициатив), научно-техническим и военным потенциалом;
- является активным участником международных организаций (прежде всего имеющих в своей повестке вопросы обеспечения региональной безопасности), в которых участвуют государства региона;
- способен предложить не только интересные инвестиционные проекты и привлекательные общечеловеческие ценности, но и внешнеполитические инициативы.

К таким центрам силы (в порядке уровня воздействия на экономические и политические процессы в регионе, а также степени их влияния на принимаемые политические решения) можно отнести Китай, Россию, США, Турцию и Европейский Союз.

Конкуренция между этими центрами силы на глобальном и региональном уровнях, собственно говоря, и характеризует специфику внешнего фактора в Центральной Азии. И главная дилемма состоит в том, насколько странам региона в интересах создания эффективной региональной системы безопасности удастся, с одной стороны, учесть объективные противоречия между центрами силами, а с другой – избежать искушения «поиграть» на этих противоречиях.

Достичь этого можно только совместными усилиями. Правда, для этого нужно отбросить амбиции и признать, что мы есть на самом деле, что

мы можем совместно и врозь, к чему может привести это никому не нужное противостояние. Возможно, тогда придет понимание, что главным источником угроз (в том числе и региональных) является «разруха в головах» некоторых политиков, что смысл понятия «коллективная безопасность» заключается именно в том, что действовать необходимо сообща, в чем-то уступая друг другу и беря от каждого то, что он может дать.

Литература

1. Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? // РСМД. – 2020. – 16 января // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/ (Дата обращения: 05.06.2024).
2. Караганов С.А., Суслов Д.В. и др. Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики и общества. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. // https://www.hse.ru/data/2020/04/27/1544981528/Защита%20мира.pdf/ (Дата обращения: 05.06.2024).
3. Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 5 (50). //https://cyberleninka.ru/article/n/refleksiya-mezhdunarodnoy-sistemy-v-ofitsialnom-diskurse-i-nauchnom-osmyslenii/ (Дата обращения: 05.06.2024).
4. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 3. – С. 424-445. // https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mnogopolyarnosti-mnogoobrazie-podhodov-i-interpretatsiy/ (Дата обращения: 05.06.2024).
5. Global Trends 2030. Alternative Worlds. – National Intelligence Council. – December 2012. // https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2019/09/global-trends-2030-nic-lo.pdf/ (Дата обращения: 05.06.2024).
6. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. – 1999. – March/April. //https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower/ (Дата обращения: 05.06.2024).
7. Wohlforth W., Brooks St. The Once and Future Superpower // Foreign Affairs. – 2016. – № 3. //https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-andfuture-superpower/ (Дата обращения: 05.06.2024).
8. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 54-69.
9. Дугин А.Г. Теория многополярного мира // Плюриверсум: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2015. – 349 с. // https://www.4pt.su/ru/content/теория-многополярного-мира. (Дата обращения: 05.06.2024).
10. Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Сравнительная политика. – 2013. – Т. 4. – № 1.

11. Примаков Е.В. Мысли вслух // Российская газета. – 2011. – С. 159-160.
12. Путин В.В. Выступление на Заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года // Администрация Президента России // http://www. kremlin.ru/events/president/news/46860/ (Дата обращения: 05.06.2024).
13. Си Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху: Доклад на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. – 2017. – 18 октября // https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (Дата обращения: 15.06.2024).
14. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства: Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. – 2022. – 16 октября // https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSJlsd23-20221025.pdf. (Дата обращения: 05.06.2024).
15. Райс К. Полюс свободы и справедливости // Россия в глобальной политике. – 2003. – Т. 1. – № 3. – Июль-сентябрь. – С. 74-79.
16. National Security Strategy. October 2022. – The White House. Washington. //https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf/ (Дата обращения: 15.06.2024).
17. Тренин Д.В. Стратегическое сдерживание: новые контуры // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. – № 4. – С. 74-86. // https://globalaffairs.ru/articles/sderzhivanie-trenin/ (Дата обращения: 05.07.2024).
18. Terry Patrick C.R. Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Is Might Right in Public International Law? // Washington International Law Journal. – 2020. – Vol. 30. – № 1. // https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol30/iss1/4/ (Дата обращения: 15.06.2024).
19. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт МИД Российской Федерации // https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (Дата обращения: 05.06.2024).
20. Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке (г. Чолпон-Ата, 21 июля 2022 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35067463/ (Дата обращения: 15.06.2024).
21. Заявление глав государств-участников Содружества Независимых Государств о международных отношениях в многополярном мире, Бишкек, 13 октября 2023 года // Официальный сайт МИД Российской Федерации // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1909312/ (Дата обращения: 15.06.2024).

Акимбеков Султан
Институт Азиатских исследований
директор, кандидат исторических наук
Казахстан, Алматы

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

Абстракт: *В статье рассматривается ситуация в геополитике региона Центральной Азии в контексте влияния событий в Афганистане. Автор делает акцент на текущих изменениях в мировых политических процессах и их влиянии на положение государств Центральной Азии. Кроме того, ставится вопрос о субъектности государств региона в их отношениях с конкурирующими великими державами, а также о транспортных коридорах как факторе конкуренции. Также в статье рассматривается тема регионализации Центральной Азии и возможности координации действий государств региона.*

Ключевые слова: *Афганистан, Центральная Азия, Талибан, регионализация, геополитическая конкуренция.*

Для стран Центральной Азии в 2021 году на южном стратегическом направлении возникла принципиально новая ситуация вследствие прихода к власти в Афганистане движения «Талибан», тем более что сам процесс перехода власти произошел очень быстро, внутреннее сопротивление было незначительным, несмотря на все накопленные в этой стране военные ресурсы и актуальные внутренние противоречия между общинами в афганском обществе. Характерной особенностью ситуации 2021 года было то, что в политический процесс в той или иной мере были вовлечены государства, которые традиционно играют важную роль в афганской геополитике. В первую очередь стоит отметить США, Китай, Иран, Россию, Пакистан [1; 2; 3; 4; 5].

Примечательно, что эти страны и до 2001 года активно участвовали в афганских событиях. Сложные и часто весьма противоречивые взаимоотношения между ними во многом питали внутриполитические конфликты в Афганистане. Достаточно вспомнить ситуацию с существованием Северного антиталибского альянса, который поддерживали Россия и Иран, в то время как «Талибан» пользовался

поддержкой Пакистана, а также частично арабских стран Персидского залива [6, с. 539-553].

Важное значение имеет тот факт, что в 2021 году не произошло разрешения противоречий и различных интересов региональных держав, которые имели место до прихода в Афганистан США во главе международной коалиции в 2001 году. Это была принципиально новая ситуация. В результате не появилось оснований для возникновения внутриполитического конфликта в Афганистане, хотя внутренние противоречия сохранялись. Предпринимаемые представителями бывшего Северного альянса попытки организовать антиталибское вооруженное сопротивление не привели к появлению в Афганистане серьезной внутренней оппозиции движению «Талибан» [7].

В целом можно предположить, что среди основных внешнеполитических сил, в той или иной степени имевших отношение к Афганистану, сложился определенный консенсус относительно самой возможности прихода «Талибана» к власти. В основе этого консенсуса теоретически могла находиться концепция прекращения в Афганистане внутренних конфликтов с помощью установления сильной власти. Это должно было создать условия для развития транспортной инфраструктуры по линии север – юг между Центральной Азией и Южной Азией. В этой связи стоит отметить прошедший в июле 2021 года в Ташкенте саммит по Афганистану с участием основных стран, которые могли иметь отношение к афганской проблематике [8].

Развитие событий в момент прихода «Талибана» к власти продемонстрировало разные приоритеты государств Центральной Азии. В первую очередь речь шла о трех приграничных государствах этого региона. В частности, Узбекистан выражал заинтересованность в поддержке проектов создания транспортных коридоров через Афганистан в южном направлении, а именно в строительстве железной дороги [9]. Туркменистан поддерживал идею строительства Трансафганского газопровода (ТАПИ) и к лету 2021 года уже начал реализовывать этот проект на своей территории [10].

Однако Таджикистан на фоне развития событий в июле-августе 2021 года в Афганистане, напротив, стремился выразить поддержку афганским политикам из числа этнических таджиков. Душанбе был весьма критически настроен к движению «Талибан» в силу того, что его приход означал потерю таджиками занимаемого ими при республиканских правительствах места в политике Афганистана.

Таким образом, в 2021 году среди стран Центральной Азии наметились два принципиально разных подхода по отношению к движению «Талибан». Из числа непосредственных соседей Афганистана Узбекистан и Туркменистан в целом соглашались с приходом талибов к власти и выступали за скорейшее развитие транспортных коридоров в южном направлении. Основной причиной тому была заинтересованность в преодолении географической изоляции своих стран (landlocked countries) с целью выхода на новые рынки. Для Туркменистана это рынки сбыта газа Пакистана и потенциально – Индии. Для Узбекистана – выход к портам Пакистана с целью сократить транспортные издержки и обеспечить импульс развитию своей промышленной базы.

Другой подход был связан с позицией Таджикистана: у него не было экономических интересов, как у соседних стран Центральной Азии. Таджикистан не был настолько заинтересован, как Узбекистан и Туркменистан, в транспортных коридорах в южном направлении. Если сравнивать его положение с Узбекистаном, то у Таджикистана не было собственной промышленной базы. А в сравнении с Туркменистаном у Таджикистана не было потребности в рынках сбыта больших объемов сырья за пределами региона Центральной Азии. Кроме того, в связи с приходом «Талибана» к власти Таджикистан понес существенные экономические потери и столкнулся с серьезными сложностями. Экономические потери были связаны с резким сокращением внешнего финансирования Афганистана после ухода войск международной коалиции, что, естественно, сказалось на торговых отношениях этой страны с Таджикистаном.

Также одним из последствий прихода «Талибана» к власти стало увеличение количества беженцев из Афганистана в Таджикистан. Это были как экономические, так и политические беженцы. Среди последних наблюдалось большое количество представителей таджикской части бывшей военно-политической элиты Афганистана, многие из которых обосновались в Душанбе. В Таджикистане находятся организации из числа афганских таджиков, оппозиционно настроенных к власти «Талибана» [11]. Естественно, такая ситуация сильно повлияла на позиционирование Таджикистана по отношению к Афганистану, что заметно выделяет его из общего ряда других государств Центральной Азии.

Стоит отметить, что Таджикистан выступает за политическую повестку, которую выдвигает международное сообщество в качестве условия признания движения «Талибан».

В этой повестке находятся:
а) требование инклюзивного правительства, которое бы включало представителей всех национальных и религиозных общин Афганистана;
б) права женщин, включая права девочек на среднее образование [12].

Очевидно, что в данном контексте для Душанбе главным является требование инклюзивного правительства.

Однако после августа 2021 года эти требования выглядят нереализуемыми. Правительство «Талибана» отказывается удовлетворять требования международного сообщества. Это связано с разным пониманием организации государства. Для «Талибана» государство рассматривается в контексте, близком к первоначальной исламской общине, в управлении которой существует единство светского и духовного начал. В этой ситуации требование инклюзивного правительства для «Талибана» не имеет смысла, в том числе потому, что в ранней исламской общине присутствовало формальное равенство всех верующих [13, с. 32]. Хотя само по себе движение «Талибан» главным образом представляет интересы пуштунов, тем не менее в системе его власти есть отдельные представители других общин Афганистана, и это, с точки зрения его представителей, исчерпывает любые дискуссии об инклюзивном правительстве. По вопросу прав женщин позиция «Талибана» также остается весьма радикальной.

Такой подход крайне затрудняет официальное признание власти талибов в Афганистане международным сообществом. Очевидно, что отсутствие такого признания в связи с нежеланием следовать предлагаемым международным сообществом условиям создает довольно трудную ситуацию, в том числе для стран Центральной Азии.

В первую очередь это усугубляет положение населения Афганистана на фоне сокращения внешних поступлений после ухода войск международной коалиции и недостатка средств у государства. Кроме того, имеет значение замораживание со стороны США активов Афганистана. По данным ООН, существенная часть населения находится на грани гуманитарной катастрофы [14]. Соответственно, растет риск увеличения количества беженцев, что при весьма значительном населении Афганистана может создать трудности для сопредельных стран, включая и государства Центральной Азии.

Кроме того, отсутствие признания правительства «Талибан» оказывает влияние на возможность реализации всех тех экономических проектов, которые находятся в режиме ожидания с 2021 года. Это связано с

проблемами обеспечения их финансирования и страхования. В свою очередь задержка с реализацией всех указанных проектов ограничивает государственные доходы Афганистана. С одной стороны, это усугубляет положение населения, с другой стороны, повышает риски возможной политической нестабильности, в силу недостатка средств для финансирования военных формирований, в частности пуштунских племен, которые поддержали «Талибан» в момент его прихода к власти.

Тем не менее, в силу отсутствия альтернативы власти «Талибана» в Афганистане и общей заинтересованности в экономическом развитии региона, государства Центральной Азии занимают весьма активную позицию по отношению к своему южному соседу. Характерно, что в 2022-2024 годах на афганском направлении заметно активизировался Казахстан. Помимо роста торговли за этот период, Астана также объявила о поддержке проекта строительства железной дороги через Афганистан. Казахстан одним из первых исключил «Талибан» из списка террористических организаций [15]. Это означает признание движения «Талибан», если не де-юре, то де-факто. Стремление Казахстана играть более активную роль в афганской проблематике подчеркивает также предложение открыть в Алматы региональный центр ООН по целям устойчивого развития для Центральной Азии и Афганистана [16].

Стоит отметить, что близкую позицию занимает Кыргызстан. У него есть проект CASA-1000, согласно которому должны осуществляться поставки электроэнергии через Афганистан в Пакистан. В Кыргызстане также обсуждают вопрос о выводе «Талибана» из списка террористических организаций [17].

Таким образом, четыре страны Центральной Азии с явно или неявно проявленной заинтересованностью поддерживают проекты создания транспортных коридоров через Афганистан и развитие отношений с движением «Талибан». При этом Таджикистан остается на своих прежних позициях, но по ряду вопросов поддерживает рабочие отношения с «Талибаном», например по поставкам электроэнергии, а также по приграничным вопросам [18, с. 162-174]. В данном контексте возникает вопрос о месте государств Центральной Азии в новой геополитической реальности вокруг региона, их самостоятельности, способности к координации своих действий, а также о том, каким образом на это может повлиять феномен нахождения «Талибана» у власти в Афганистане. В конечном итоге речь идет о субъектности государств Центральной Азии по отношению к внешнему миру, как вместе, так и по отдельности.

Несомненно, что к региону Центральной Азии сохраняется весьма значительный интерес многих важных игроков. В частности, об этом говорит весьма популярный формат встреч «5+1», которые проходят между всеми пятью центральноазиатскими государствами и одной из влиятельных внешнеполитических сил.

Такой формат теоретически демонстрирует не только интерес внешних сил, но и их целостное восприятие региона Центральной Азии, в то время как ранее двусторонний формат являлся более типичным для отношений государств региона с влиятельными внешнеполитическими силами. Если же речь идет о международных организациях, происхождение которых было связано с Центральной Азией, таких как ОДКБ и ШОС, то страны региона в ОДКБ представлены не в полной мере. Но более важно то, что в каждой из указанных организаций была лидирующая страна, а государства региона играли вспомогательную или, другими словами, более ведомую роль.

Важный вопрос: можно ли вообще говорить о новой геополитической реальности после падения республиканского правительства в Афганистане в 2021 году и ухода международной коалиции во главе с США? Можно ли считать, что совершенный в достаточно драматических условиях уход США из Афганистана означает если не прекращение их участия в геополитической конкуренции во всем регионе, то, как минимум, заметное его снижение?

Ответы на эти вопросы важны, потому что с начала 1990-х годов происходила конкурентная борьба за влияние на регион Центральной Азии с участием трех великих держав – Китая, России и США, а также группы влиятельных региональных держав. Его стратегическое значение было связано с местоположением внутри континента между Россией и Китаем. Соответственно, США и страны Запада в целом выступали даже не за демократические преобразования, что было маловероятно, но за максимально возможное открытие региона. Первоначально это должно было снизить транспортную зависимость государств региона от России, а со временем – и от Китая, и таким образом создать условия для большей их независимости от этих стран. Естественно, такое развитие событий не отвечало интересам России.

С 1990-х годов главная борьба в геополитике региона шла как раз за транспортные коридоры через два основных географических направления, которые не проходили через территории России, Китая, а также Ирана. С точки зрения географии такими направлениями могли быть только Кавказ и Афганистан. Собственно, примерно до 2010-х годов основные проекты,

которые поддерживали разные конкурирующие внешнеполитические силы, были связаны либо с Кавказом, либо с Афганистаном, – ТРАСЕКА, «Новый Шелковый путь» и т. д. [19].

Формально они не имели отношения к Центральной Азии, но по сути это была конкуренция, которая происходила на подступах к региону. При этом центральноазиатские государства в данном вопросе не были самостоятельными. Они зависели от внешних инвестиций, которые обеспечивались главным образом странами Запада, а также от транспортных коридоров для экспорта и импорта. К примеру, Узбекистану с его политикой государственного капитализма была необходима логистика для его модели промышленного развития [20, с. 39-40]. Казахстану и Туркменистану были необходимы пути для экспорта нефти и газа соответственно.

Центральноазиатские государства также зависели от вопросов безопасности, потому что процесс государственного строительства в ряде стран проходил достаточно проблематично. Можно вспомнить гражданскую войну в Таджикистане в начале 1990-х годов, а также нападения боевиков «Исламского движения Узбекистана» на Узбекистан и Кыргызстан в 2000 году. Безусловно, гражданская война в Афганистане до 2001 года была одним из самых важных факторов зависимости государств Центральной Азии.

Тем не менее сам факт геополитической конкуренции вокруг Центральной Азии создавал условия для сохранения государствами региона самостоятельности, в том числе во внешней политике. В итоге практически все страны региона в той или иной степени, но проводили многовекторную политику. Во многом этому способствовало наличие большого числа внешних игроков на геополитическом поле Центральной Азии. Одним из наиболее важных из них был Китай.

Китай занимал отдельную позицию в региональной геополитике. В 1990-х – начале 2000-х годов политика Китая была весьма сдержанной и носила присутственный характер. Более активную роль играли Россия и США, а также региональные страны, которые в той или иной мере участвовали в геополитике региона. Но с конца 1990-х степень участия Китая стала постепенно расти. Создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) стало первым шагом. Но более важной оказалась поддержка Пекином концепции строительства новых транспортных коридоров.

Если согласиться с тем, что геополитическая конкуренция вокруг Центральной Азии концентрировалась как раз вокруг транспортных

коридоров в этот регион, то создание с 2000-х годов новых направлений на Китай изменило ее характер. Например, Китай построил Азиатский газопровод для импорта туркменского газа. На фоне отказа России от допуска этого газа на европейский рынок это стало фактором геополитического влияния. В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин предложил идею, которую потом стали называть «Пояс – Путь». В целом речь шла о том, чтобы развивать внутриконтинентальную торговлю через Центральную Азию. В рамках этого проекта затем возникла концепция Среднего коридора (Транскаспийского транспортного маршрута) через Казахстан, Каспийское море, Кавказ и далее в Европу [21].

По сути, Китай с 2010-х годов стал для региона одним из наиболее важных инвесторов, который поддерживал идею развития транспортных коридоров, для того чтобы Центральная Азия стала транзитным хабом. Несомненно, это постепенно изменило геополитическую карту вокруг Центральной Азии. Роль Китая заметно возросла, на него все больше ориентировались государства Центральной Азии. Для некоторых из них Китай стал важным источником не только инвестиций, но и финансовых ресурсов (Кыргызстан, Таджикистан). Но до 2021 года ситуация не носила политического характера, больше имея отношение к экономическим проектам. Для основных геополитических игроков – России и США – это все-таки не выглядело фактором, который может серьезно изменить расстановку сил.

Однако события в Афганистане в августе 2021 года, а также начало российско-украинской войны в феврале 2022 года способствовали изменению ситуации. Уход США из Афганистана создал впечатление ослабления их присутствия в регионе в целом. Война России и Украины с непредсказуемым результатом ограничила возможности Москвы по поддержанию своего влияния в регионе.

На этом фоне заметно возросло влияние Китая. В частности, сегодня он играет важную роль в стабилизации ситуации в Афганистане. Эта роль определяется не только тем, что Пекин официально принял посла от движения «Талибан» [22]. Более важно, что сегодня в ШОС после вступления в организацию Ирана входят все страны–соседи Афганистана. Соответственно, ШОС выглядит как организация, фактически ответственная за недопущение конкуренции внешних сил вокруг этой страны.

Кроме того, Китай поддерживает экономические проекты во многих странах вокруг Афганистана. Например, в Пакистане это серия проектов под общим названием «Экономический коридор» на сумму в 46 млрд долларов [23]. Возможно, только Китай, прямо или косвенно, сможет

обеспечить финансирование проектов транспортной инфраструктуры в самом Афганистане.

В любом случае влияние Китая в Центральной Азии заметно увеличилось. Можно говорить, что его влияние на страны региона сегодня выше, чем у России и США. В определенной степени это создает ситуацию нарушения того баланса, который существовал в региональной геополитике. А любое нарушение баланса в геополитике теоретически может снизить степень самостоятельности стран, которые находятся между соперничающими державами. Однако очевидно, что в глобальном формате влияние США и России сохранилось. Они, пусть в разной степени и с учетом многих обстоятельств, остаются глобальными игроками, которые в данный момент сконцентрировались на конкуренции друг с другом. Тогда как Китай, напротив, играет стабилизирующую роль, в том числе для того, чтобы эта конкуренция не распространилась на регион вокруг Афганистана.

Государства Центральной Азии все чаще начинают совместно выступать на международной арене, собственно, с этим связано активное использование формата «5+1». Понятно, что это во многом является выражением внешнего интереса к Центральной Азии, но также отражает тенденцию к использованию странами региона общего потенциала для продвижения общих интересов. Это весьма интересная тенденция с учетом всего комплекса противоречий, которые существуют в регионе. В частности, Туркменистан остается максимально закрытой страной. А между Кыргызстаном и Таджикистаном 14-19 сентября 2022 года вообще состоялся вооруженный конфликт [24].

Но все это не мешает странам Центральной Азии пытаться создавать имидж единой позиции по многим вопросам. В частности, стоит отметить концепцию средних государств и их роли в современных международных отношениях, которую выдвинул президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев [25].

В целом в региональной геополитике большую роль играют две страны – Казахстан и Узбекистан. С точки зрения перспектив любой возможной регионализации их позиция имеет ключевое значение. В первую очередь стоит отметить те реформы в Узбекистане, которые произошли с приходом к власти президента Шавката Мирзиёева. Они привели к открытию и экономики, и политики этой стратегически важной страны для Центральной Азии. Когда ранее были две страны – Туркменистан и Узбекистан – с государственным капитализмом в экономике и при этом закрытые для взаимодействия с внешним миром, любые совместные

усилия в регионе были маловероятны. Теперь ситуация изменилась, стало гораздо проще формулировать общую позицию, даже несмотря на возможные разногласия.

К тому же в новом формате своего государственного строительства Узбекистан проводит весьма активную внешнюю политику, направленную на реализацию концепции открытия региона, в том числе выдвигает внешнеполитические инициативы. В Казахстане также произошла активизация внешней политики с приходом к власти президента Токаева, бывшего заместителя генерального секретаря ООН. Такая активность является частью стратегии государств региона по повышению их представленности на международной арене. Между прочим, это имеет значение и в контексте геополитического противостояния, которое продолжается вокруг Центральной Азии. Относительно более активная политика региональных держав – это несомненная форма проявления самостоятельности.

Тем не менее говорить о регионализации в Центральной Азии все-таки преждевременно. Скорее, можно говорить о том, что страны региона являются ситуативными союзниками. Слишком разные у них интересы, которые определяются различными результатами процессов государственного строительства в экономике и политике. Кроме того, стоит обратить внимание, что у стран региона нет особых ресурсов и они зависят от внешнего финансирования, причем не только для целей инвестирования, но также для текущего финансирования. Если говорить о нефте- и газодобывающих странах Казахстане и Туркменистане, то они не готовы предоставлять ресурсы для других стран региона. Казахстан готов участвовать в отдельных проектах, например в строительстве железной дороги через Афганистан или Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане. Но у этих решений есть свои ограничения и вполне очевидные причины.

Соответственно, зависимость от внешнего финансирования и инвестирования является главным фактором для стран Центральной Азии, тем более в ситуации быстрого роста населения и сложностей с созданием рабочих мест. Это определяет и относительную степень зависимости в плане внешней политики, особенно в отношениях с Китаем и Россией. Причем российский фактор имеет особое значение в связи с той ролью, которую Россия играет в обеспечении рабочих мест для таких стран, как Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Помимо этого, существует также фактор безопасности. Речь идет не только о непосредственных угрозах безопасности, которые сохраняют

свою актуальность. Но также для светских режимов Центральной Азии Афганистан в среднесрочной перспективе представляет серьезный вызов в контексте конкуренции с формой организации исламской общины. На фоне роста населения и трудностей с финансированием государственных расходов это может стать существенной проблемой для организационных моделей государств Центральной Азии.

И самое главное заключается в том, что фактор геополитической конкуренции за влияние в Центральной Азии сохраняет свое значение. Последние события, связанные с выводом американских войск из Афганистана, а также российско-украинской войной, не означают кардинального изменения ситуации. В определенной степени по итогам последних трех лет после прихода к власти движения «Талибан» влияние США в регионе не только не сократилось, но и имеет тенденцию к усилению. Собственно, и влияние России остается важным фактором в региональной геополитике. Завершение российско-украинского конфликта приведет к его стабилизации на некоем новом уровне, о котором пока сложно говорить. Поэтому совместные действия государств Центральной Азии на фоне увеличения активности некоторых из них на международной арене – это важный фактор, который характеризует изменения в регионе и относительное повышение его роли. В то же время это не дает основания говорить о регионализации или о любых формах приближения к ней. Скорее, это реакция на внешние условия, которые постоянно меняются. Но внутренние факторы в странах Центральной Азии, разные принципы организации их экономик не дают возможности для более тесной кооперации и согласованности действий.

Литература

1. Lee M., Gannon K. US and Taliban agree to truce, way forward in Afghanistan. February 15, 2020 // https://apnews.com/us-and-taliban-agree-to-truce-way-forward-in-afghanistan-fa41245d47d48332b10c8aeadcd6cb73
2. U.S. Delegation Meeting with Taliban Representatives. July 1, 2022 // https://www.state.gov/u-s-delegation-meeting-with-taliban-representatives-2/
3. «Уважаемая делегация». Как разные государства ведут дела с талибами // RTVI. – 2022. – 18 августа // https://rtvi.com/stories/uvazhaemaya-delegacziya-kak-raznye-gosudarstva-vedut-dela-s-talibami/
4. Kizilay Ş. Итоги встречи стран-соседей Афганистана с точки зрения Китая // Ankasam. – 2023. – 5 мая // https://www.ankasam.org/anka-analizler/итоги-встречи-стран-соседей-афганистан-1/?lang=ru
5. Министры стран «соседей Афганистана» встретились в Самарканде для

обсуждения ситуации в регионе // RFI. – 2023. – 13 апреля // https://www.rfi.fr/ru
6. Акимбеков С. История Афганистана. – Астана–Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. – 848 с.
7. Astrasheuskaya N. How Tajikistan became hub for Afghanistan's resistance. September 29, 2021. // https://www.irishtimes.com/news/world/asia-pacific/how-tajikistan-became-hub-for-afghanistan-s-resistance-1.4686705
8. Абатуров В. Ташкентский перекресток сотрудничества – между Центральной и Южной Азией // CERP // https://www.cer.uz/en/post/publication/taskentskij-perekrestok-sotrudnicestva-mezdu-centralnoj-i-uznoj-aziej
9. Кадырова Э. Международная конференция по возможностям всесторонней связанности между Центральной и Южной Азией: Итоги // News Central Asia. – 2021. – 19 июля // https://www.newscentralasia.net/2021/
10. Алифирова Е. Афганистан и Пакистан начинают практические шаги по реализации проекта МГП ТАПИ // Neftegaz.ru. – 2023. – 18 октября // https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/798321-afganistan-i-pakistan-nachinayut-prakticheskie-shagi-po-realizatsii-proekta-mgp-tapi/
11. Умаров Т. Один против «Талибана». Зачем Таджикистан конфликтует с новыми властями Афганистана // Берлинский центр Карнеги. – 2021. – 21 октября // https://carnegieendowment.org/posts/2021/10/why-tajikistan-is-taking-a-stand-against-the-taliban?lang=ru&center=russia-eurasia
12. Amuyeva Ü. Рахмон предложил создать инклюзивное правительство Афганистана с участием таджиков // Anadolu Agency. – 2021. – 25 августа // https://www.aa.com.tr/ru/
13. Прозоров С. К проблеме верховной власти в исламе // Ислам и светское государство / под общ. ред. З. Мунавварова, В. Шнайдера-Деттерса. – Ташкент, 2003 г. – С. 31-34.
14. Барекзай А. Афганистан на гране гуманитарной катастрофы; из 3 млрд долларов выделено лишь 87 млн, сообщило УКГВ // ИА Бахтар. – 2024. – 03 марта // https://www.bakhtarnews.af/ru/
15. Казахстан исключает Талибан из списка запрещенных организаций // ИА «Казинформ». – 2023. – 29 декабря // https://www.inform.kz/ru/kazahstan-isklyuchaet-taliban-iz-spiska-zapreshennih-organizatsiy-fbb8f5
16. Токаев поддержал идею создания в Алматы Регионального Центра ООН // Tengri News. – 2023. – 2 июня // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-podderjal-ideyu-sozdaniya-almatyi-regionalnogo-500933/
17. Токоева Н. Нужно ли Кыргызстану выводить движение «Талибан» из списка террористических? // 24.kg – Бишкек, 07 июня 2024 г. // https://24.kg/vlast/296008_nujnoli_kyirgyizstanu_vyivodit_dvijenie_taliban_izspiska_terroristicheskih/
18. Как выстраивается политика Таджикистана в новых реалиях Афганистана? // Афганистан до и после возвращения Талибан / отв. ред. Ш. Ризоён, М. Гиёсов. – Душанбе: Дониш, 2023. – С. 162-174.

19. Абдуллаев К. Международный транспортный коридор – ТРАСЕКА: создание, реальность и перспективы // Информационные технологии на транспорте. Спецвыпуск «ИТС». 2011 г. – С. 45-48.
20. U.S. Support for the New Silk Road // https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm
21. Starr F. A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. 2005. // https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2005_starr_a-greater-central-asia-partnership.pdf
22. Акимбеков. С. «Спящий гигант» Узбекистан просыпается? // «Центр Азии» – 2017. – № 4 – С. 36-44.
23. Доклад Всемирного банка «Средний торгово-транспортный коридор: необходимые действия и инвестиции, чтобы к 2030 году в три раза увеличить объемы грузовых перевозок и вдвое сократить время в пути». Ноябрь, 2023 г. // https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6db8357f7577756fc20492968d8bc0ca-0080062023/original/Middle-Trade-and-Transport-Corridor-Executive-Summary-RUS.pdf
24. Китай аккредитовал представителя талибов в качестве посла Афганистана // Fergana Agency. – 2024. – 31 января // https://fergana.agency/news/132785/
25. Китай вливает $46 млрд в Пакистан. Создание китайско-пакистанского экономического коридора является частью глобальной стратегии Пекина // Капитал. – 2015. – 20 апреля // https://kapital.kz/world/39694/kitay-vlivayet-46-mlrd-v-pakistan.html
26. 24 killed, scores wounded in clashes on Kyrgyz-Tajik border // AP News. – 2022. – September 17 // https://apnews.com/article/tajikistan-kyrgyzstan-climate-and-environment-5171f9baf55e03409469c656f15af687
27. Kassym-Jomart Tokayev, President of Kazakhstan. Middle powers have the power to save multilateralism // Euro News. – 2024. – May 28 // https://www.euronews.com/2024/05/28/middle-powers-have-the-power-to-save-multilateralism

Мураталиева Наргиза
Американский университет
Центральной Азии
факультет международной и
сравнительной политики
кандидат политических наук, доцент
Кыргызстан, Бишкек

ПЛОЩАДКА С5+1 КАК ФОРМАТ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КОНТЕКСТ, ВОЗМОЖНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЯ

Абстракт: *В статье рассмотрены причины расширения списка стран, продвигающих формат С5+1, а также проанализированы сильные стороны площадки. В рамках раскрытия контекста геополитической ситуации приведены аргументы о том, почему другие имеющиеся форматы не эффективны либо не востребованы на должном уровне.*

В качестве примера проанализирован опыт наиболее активных стран, продвигающих формат С5+1, с разбором возможностей и лимитов подобного взаимодействия. Статья рассматривает вопрос о том, насколько устойчива данная площадка, и повлияет ли внешняя геополитическая среда на ее эффективность и охватываемые сферы сотрудничества.

Ключевые слова: *С5+1, Центральная Азия, площадка, возможности и лимиты формата, Китай, Россия, США, ЕС.*

Контекст расширения и развития формата С5 плюс

Активизация регионального сотрудничества в Центральной Азии, а также учреждение формата консультативных встреч способствовали одновременно развитию и расширению списка стран, продвигающих сотрудничество в рамках С5 плюс.

Контекст развития этого формата происходит на фоне нескольких процессов в международных отношениях. С одной стороны, война в Украине и введение антироссийских санкций привели к росту интереса к странам Центральной Азии, имеющим традиционно крепкие связи с Россией. С другой стороны, эрозия международного права и низкая эффективность функционирующих международных организаций и

объединений создали *запрос на формирование более гибких и полуинституциализированных площадок*, где можно было бы оперативно обсуждать и решать клубок возникающих вопросов и вызовов.

Система региональной безопасности стран Центральной Азии так и не сложилась, так как только три страны региона являются членами ОДКБ. Позиция нейтралитета по войне в Украине всех трех центральноазиатских участниц ОДКБ показала их нежелание быть втянутыми в конфликты России. Приход к власти террористического движения Талибан, неготовность международных организаций реагировать на проблемы в Афганистане, разное отношение стран Центральной Азии к этим процессам продемонстрировали неизбежную потребность в площадках на уровне С5 и С5 плюс.

В экономическом интеграционном объединении ЕАЭС также до сих пор не решились вопросы свободного перемещения товаров, услуг и человеческих ресурсов, а отсутствие расширения организации указывает на проблему ее привлекательности. Другая проблема – в дисбалансе в экономической интеграции: для стран ЕАЭС центральным является выстраивание экономических связей с Россией, нежели друг с другом.

В странах Центральной Азии видят в ШОС, скорее, возможности экономического характера, однако организация так и не реализовала ни одного многостороннего экономического проекта. Также продолжающееся расширение ШОС способствует размыванию «центральноазиатского ядра», что усложняет процесс консолидации стран региона в рамках этого формата.

Организация Тюркских Государств (ОТГ) фрагментирует регион Центральной Азии с учетом географической отдаленности Турции и выпадением из этого процесса Таджикистана [1, с. 40-52]. Лидирующая роль Турции в организации не исключает, но усложняет задачу построения равноценного диалога.

Таким образом, как внутрирегиональные процессы с ростом динамики экономических отношений и улучшения политической атмосферы, так и международные события в комплексе стимулировали развитие форматов С5 плюс.

Термин и содержание формата С5+1

Самой первой страной, предложившей региональный формат взаимодействия со странами Центральной Азии, стала Япония,

запустившая в 2004 году площадку «Центральная Азия плюс Япония». В структуре аппарата японского МИДа есть даже специальная должность – «представитель по странам Центральной Азии». За Японией последовала Южная Корея, запустившая аналогичный формат в 2007 году.

Несмотря на то, что формат С5+1 появился достаточно давно, все еще существуют вопросы к его определению. С одной стороны, формат представляет собой площадку, состоящую из пяти стран Центральной Азии в связке с внерегиональной страной, нацеленной на расширение и углубление сотрудничества между регионом, и другой страной соответственно. Однако все еще не сформулировано, может ли считаться С5+ полноценным форматом, если встречи проходят не на уровне глав государств, а на уровне министерств. Является ли формат устойчивым, если не определена четкая периодичность встреч и не завершен процесс институциализации в виде секретариата или иного органа? Можно ли говорить о формате как об уже состоявшемся, если тот или иной игрок официально публикует стратегию по Центральной Азии (к примеру, ЕС или США)?

Кроме того, подходы к названию этого формата также разнятся: такие страны, как Россия и Китай, к примеру, придерживаются следующего порядка слов – «Россия – Центральная Азия» или «Китай – Центральная Азия» (также встречается наименование «С+С5»), тогда как США на первое место ставят страны Центральной Азии и обозначают формат как «С5+1».

На сегодняшний день можно отметить, что формат С5+1 тем не менее уже показал себя как привлекательный и будет и далее развиваться, обретая постепенно более структурно очерченные контуры.

Возможности формата С5+1

Страны Центральной Азии, как показывают итоги проведенных переговоров с внешними акторами, демонстрируют высокую заинтересованность в этом формате. Безусловно, эта площадка постепенно способствует *формированию собственной повестки и усилению голоса ЦА*. Скоординированные и синхронизированные подходы региона по тем или иным внешнеполитическим вопросам могут при некоторых условиях уравновешивать переговоры между глобальными центрами силы и пятью странами.

При этом С5+ может и встраиваться в формат консультативных встреч глав государств (С5), и одновременно нести в себе аспект конкуренции за инвестиции от других игроков.

Таблица 1. Эволюция форматов С5+1

Страна	Год запуска	Периодичность/уровень встреч	Институциализация
Диалог «Центральная Азия + Япония»	2004	Онлайн и очные на уровне министерств / запланирована очная встреча в Астане на уровне глав государств в 2024 г.	
Форум сотрудничества «Республика Корея – Центральная Азия»	2007	Онлайн и очные на уровне министерств	Секретариат в 2016 г.
ЕС – Центральная Азия	2007 с принятием стратегии ЕС	Ежегодно очно с 2022 года на уровне глав государств (2022 г. – в Казахстане, 2023 г. – в КР, в 2024 г. будет в РУз)	
С5+США	2015	Ежегодно с 2015 года на уровне МИД (онлайн, 2017 и 2020 гг. – очно) / с 2023 года на уровне президентов (Нью-Йорк)	Секретариат С5+1 (2022 г.) и бизнес-платформа В5+1 (2023 г.)
Россия – Центральная Азия	2019 (онлайн на уровне МИД)	2022 г. – встреча в Астане на уровне глав государств	-
Китай – Центральная Азия	2020 (онлайн на уровне МИД до 2021 г., далее ежегодно)	2023 г. – встреча в Сиане на уровне глав государств / два раза в год	Секретариат в Сиане
Индия – Центральная Азия	2022 (онлайн на уровне глав государств)	Два раза в год на уровне глав государств / ежегодные на уровне глав МИД (с 2019 г.), министров торговли, культуры, секретарей Советов безопасности	Секретариат Индии и Центральной Азии
«Центральная Азия + Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)»	2023	Очная встреча в Джидде в 2023 г. на уровне глав государств / регулярность под вопросом	
Германия – Центральная Азия	2023	Встреча в Берлине на уровне глав государств в 2023 г. / регулярность под вопросом	-
Италия – Центральная Азия	2019	На уровне МИД (2019 г. – Рим, 2021 г. – Ташкент, 2024 г. – Рим)	-

Такие игроки, как Европейский союз и США, уже давно приветствуют рост динамики сотрудничества в регионе, видя в этом важный фактор снижения зависимости центральноазиатских стран от влияния Китая и России.

ЕС еще в 2007 году подчеркивал готовность к региональному уровню взаимодействия с принятием стратегии по Центральной Азии, которая была далее обновлена в 2019 году. Позиция ЕС после принятия новой редакции Стратегии по ЦА от 2019 г. значительно активизируется. Анализ стратегии ЕС показывает, что Брюссель остается уникальным игроком в регионе, который обладает рядом преимуществ в своей политике. Во-

первых, ЕС наряду с США остаются промоутерами продвижения прав человека и демократических преобразований в странах Центральной Азии. Во-вторых, ЕС прозрачно и открыто формулирует свою стратегию, делая ставку на региональное сотрудничество, и готов поделиться собственным опытом по интеграции.

К слову, ни Москва, ни Пекин по сей день официально не приняли свои стратегии в Центральной Азии. В-третьих, ЕС делает ставку на синергетический эффект, выбирая сотрудничество с другими игроками, что может результировать накопительный эффект от общих усилий вместо грубой конкуренции и взаимоисключающего подхода. Более того, ЕС предлагает странам готовый инструмент взаимодействия в виде Форума «ЕС – Центральная Азия».

Важно также отметить, что анонсированная ЕС в 2021 году стратегия Global Gateway встраивается в региональные подходы в Центральной Азии. Согласно этой стратегии, европейские и международные финансовые институты объявили о намерении инвестировать 10 миллиардов евро (10,2 миллиарда долларов США) в развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), соединяющего Европу и Центральную Азию [2]. Такие европейские страны, как Германия и Италия, также продвигают формат С5+1 и нацелены на развитие двусторонних и многосторонних отношений.

Формальный саммит «ЕС – Центральная Азия» планируется провести в 2024 году в Узбекистане [3]. Для его подготовки в 2023 году в Люксембурге прошла неформальная встреча на уровне 27-ми глав МИД стран ЕС. Охват обсуждаемых тем, помимо традиционных вопросов экономического сотрудничества, инвестиций, коннективности и усиления гуманитарных связей, включал в себя важность предотвращения обхода санкций в свете военной агрессии России в Украине. Как заявил глава внешнеполитической службы ЕС Жозеп Боррель: «Сегодняшняя встреча подтвердила, что мы разделяем многие принципы международных отношений, в частности приверженность соблюдению Устава ООН, уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности всех стран» [4]. Подходы ЕС довольно неплохо сочетаются с внешнеполитическими инициативами США, что дает синергетический результат.

В 2015 году США опубликовали стратегию США по Центральной Азии, которая была обновлена в 2019 году [5]. США запустили формат С5+1 впервые в 2017 году на уровне министров иностранных дел. Основными декларируемыми направлениями сотрудничества в рамках С5+1 являются

торговля, транспорт, энергетика, адаптация к изменению климата, противодействие трансграничным угрозам и вызовам безопасности (терроризму, насильственному экстремизму, наркотрафику, торговле людьми и т. п.), взаимодействие по ситуации в Афганистане, развитие культурно-гуманитарных связей региона с США и др. В соглашении о партнерстве подчеркивается стремление стран к уважению международных актов о правах человека, Устава ООН и других актов.

После ряда публикаций в масс-медиа и выступлений центральноазиатских экспертов о том, что лидеры стран Центральной Азии не встречаются лично с президентом США, администрация Байдена впервые за десятилетия приняла решение провести саммит С5+1 в Вашингтоне с участием всех глав государств региона в конце сентября 2023 года. На встрече лидеры стран Центральной Азии и президент США обсудили возможности для расширения сотрудничества в области безопасности, экономики и охраны окружающей среды. США предложили создать несколько институциональных площадок, таких как бизнес-платформа частного сектора, региональная министерская конференция в рамках «С5+1» по вопросам взаимосвязанности в Центральной Азии, а также Диалог по важнейшим минералам в рамках «С5+1» в целях разработки минеральных ресурсов в Центральной Азии и укрепления безопасности важнейших полезных ископаемых [6].

Одним из ключевых принципов, декларируемых США, является стремление к поддержанию суверенитета и территориальной целостности региона, способствование его экономическому развитию и взаимосвязанности (интегрированности) по большинству сфер. Так, в части транспорта США, как и ЕС, предлагают инициативы по реализации срединного транспортного коридора, в части энергетики – развитие зеленой, возобновляемой энергетики и углубление энергетических связей государств региона. Кроме того, США продвигают усиление коннективности между странами Центральной Азии и Южной Азии путем продвижения транспортно-логистических связей.

За время деятельности в С5+1 созданы рабочие группы по экономике, энергетике, окружающей среде и безопасности. Данные рабочие группы собирают представителей государственных органов, гражданского сектора, членов экспертного и академического сообществ государств Центральной Азии для обсуждения соответствующих тематических вопросов, организовывают региональные учебные программы и семинары. В 2022 г. был учрежден секретариат С5+1 в целях координирования деятельности формата и определения приоритетных направлений

сотрудничества. В 2023 г. стороны создали бизнес-платформу B5+1 (первое заседание состоялось в 2024 г.), целью которой станет развитие экономической кооперации между государствами.

Как видно, как ЕС, так и США приветствуют ускорение регионализации Центральной Азии, заявляют о готовности поддержать суверенитет стран Центральной Азии, а также нацелены на усиление экономического сотрудничества в ряде направлений. Таким образом, платформы С5+, продвигаемые США и ЕС, во многом пересекаются и вносят вклад в развитие регионального сотрудничества в Центральной Азии.

Наиболее многослойное и неоднозначное соотношение платформ С5+ к регионализации Центральной Азии можно наблюдать у России и Китая. Если Россия с трудом признает подвижки в этом направлении в регионе и видит в этом риски для своих интеграционных проектов и организации по безопасности, то Китай демонстрирует более сдержанную позицию.

В некоторых российских оценках восприятие интеграционных подвижек в Центральной Азии носит более скептический характер – возможности многосторонних связей ставятся под сомнение, но подчеркивается усиление отдельных двусторонних отношений между некоторыми странами Центральной Азии [7]. Кроме того, наблюдается настороженное отношение по поводу того, каким образом регионализация в Центральной Азии впишется в ЕАЭС либо повлияет на его сплоченность.

В октябре 2022 г. в Астане состоялся первый саммит «Россия – Центральная Азия» на уровне президентов. Примечательно, что он прошел одновременно с саммитом лидеров стран СНГ. По сути, это отвечает интересам Москвы – продвижению собственных дискурсов о ЕАЭС, постсоветскости. К примеру, Путин предложил странам Центральной Азии подумать над возможностью создания научно-исследовательской лаборатории инфраструктуры СНГ на саммите стран Центральной Азии [8].

В свою очередь Китай скорее приветствует сближение экономик стран региона между собой. Долгое время Китай критиковали в Центральной Азии за отсутствие региональных подходов с его политикой «разделяй и властвуй», когда двусторонние контакты превалировали над многоплановыми. Однако в 2020 году была основана платформа «Китай плюс Центральная Азия», в 2023 году был проведен первый саммит этого формата в Сиане, в 2024 году – открыт секретариат этого формата. Своевременно уловив тенденции нарастающего регионального

сотрудничества, Пекин подчеркнул, что «высоко оценивает механизм Консультативных встреч глав государств Центральной Азии» [9].

Важный сосед стал рассматривать Пятерку как единое целое и синхронизировать свои подходы в регионе. Но для Пекина углубление экономических связей в ЦА имеет важность с точки зрения региональной безопасности, а также превращения региона в единый рынок сбыта и надежного поставщика сырья. Примечательно, что китайский эксперт оценивает формат С5+1, продвигаемый США, «для того, чтобы побудить их "сохранять необходимую дистанцию" с Россией» [10].

Другим направлением для геополитического сближения служат страны мусульманского мира, которые продвигают сближение на основе исламских ценностей. В июле 2023 года в Джидде состоялся первый саммит глав государств «Центральная Азия + Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)». В то время, как Китай и Россия являются важными экономическими партнерами для стран Центральной Азии, страны Залива в значительной степени влияют в религиозной сфере, занимаясь строительством мечетей и привнося собственные интерпретации ислама. В экономике Саудовская Аравия готова внести вклад в развитие альтернативных источников энергии в Узбекистане, а ОАЭ предлагают инвестировать в портовую индустрию Казахстана на Каспии [11].

Как видно, главной сильной чертой формата является его всеохватывающий характер, который позволяет обсуждать неделимые вопросы, например вопросы безопасности или экологические вызовы, которые невозможно рассматривать в отрыве одной страны от другой. К этой же категории можно отнести транспортно-логистические проекты, проблемы продовольственной безопасности, проекты по цифровизации и др.

Формат закрепляет важный концептуальный вопрос и о существовании и закреплении самого понятия «Центральная Азия», включающего в себя 5 стран региона. Как известно, в независимой истории стран региона продвигали и другие варианты названия региона, такие как Центральная Евразия, Большая Центральная Азия (с включением в него Афганистана), Средняя Азия и другие. В результате С5+ способствует легитимации и закреплению текущего термина и содержания региона Центральной Азии. Также формат помогает держать руку на пульсе интеграционных процессов в регионе и координировать проекты под эти цели [12]. Формат позволяет лидерам региона встречаться чаще, в том числе в зарубежных странах, и продвигать повестку региона.

С расширением списка стран, готовых проводить подобный формат, несомненно, происходит закрепление многовекторной политики стран региона. Если рассматривать дискурсы, то, безусловно, будучи в США и в Европе, лидеры Пятерки заявляют о готовности поддержания демократических преобразований, а также соблюдения санкционного режима. Будучи в Китае, все лидеры поддержали прокитайские нарративы о «сообществе единой судьбы», «пояса и пути», концепции глобальной безопасности Китая и прочее. В связке с Россией лидеры выражают готовность обсуждать СНГ и постсоветские проблемы.

То есть при всем многообразии дискурсов важно отметить, что эти форматы способствуют открыванию Центральной Азии для внешнего мира и вносят вклад в понятие **«многовекторной» внешней политики**. Таким образом, тезис о необходимости только одного и безальтернативного партнера для пяти стран стал уже неактуальным.

Данный формат также позволяет расширить список традиционных сфер сотрудничества – от экономики, торговли и энергетики до проектов в области логистики, мягкой силы, гуманитарного сотрудничества. К примеру, Китай успешно продвигает под эгидой формата проекты по укреплению контактов на уровне образовательных учреждений и министерств, а также развивает парадипломатию. Стали обсуждаться вопросы трудоустройства и отправки мигрантов из региона на сезонные работы.

Усиливается дипломатический диалог с небольшими странами, такими как Кыргызстан и Таджикистан. Как пишут итальянские аналитики, Рим стал больше сотрудничать не только с традиционными партнерами, такими как РК и РУ, но и с КР и РТ [13], а в 2020 году Бишкек открыл посольство в Риме.

Внешняя поддержка также способствует тому, что страны региона начинают без оглядки на внешние силы обсуждать вопросы региональной безопасности. Как отметил заместитель директора ИСМИ при президенте Узбекистана Акрамжон Неъматов, «нам важно дать собственное определение региональной безопасности, не навязанное извне, закрепить неделимость безопасности ЦА и центральную роль государств ЦА в ее обеспечении, приоритетность поиска мирных путей разрешения межгосударственных разногласий» [14].

Заключение

При всех преимуществах рассматриваемого формата он не лишен также лимитов. В первую очередь это то, что страны региона продолжают конкурировать друг с другом в поиске внешних инвестиций. Динамику и развитие формата С5 плюс будет определять качество отношений между самими центральноазиатскими странами, а также столкновение или баланс интересов в геополитической обстановке.

Во-вторых, этот формат не носит обязывающий характер, а его устойчивость пока еще остается под вопросом с учетом продолжающейся войны в Украине. Для ряда стран остается актуальным вопрос о том, сохранится ли формат С5 плюс после завершения войны в Украине.

В-третьих, смена власти или внешнеполитических концепций может влиять на продолжительность и последовательность формата С5 плюс. Как известно, любое многостороннее взаимодействие сопровождается сложным процессом согласования позиций и поиска общих точек интересов.

Тем не менее внешнеполитические форматы регионализации в виде площадок С5 плюс будут и дальше получать свое развитие. От онлайн-мероприятий формат перешел на уровень непосредственных встреч в тех или иных странах. Уровень репрезентативности вырос от министерских до встреч глав государств. Список стран, поддерживающих этот формат, также вырос – с 3-4 до более 10-ти (с 2019 года). Кроме того, форма площадок переросла от формальных до полуинституциализированных для некоторых стран. В этом аспекте важным представляется также то, насколько скорость развития внутрирегионального сотрудничества (С5) будет ускоряться либо значительно отставать от внешних форматов с приставкой «плюс» (С5+1).

Литература

1. Идентификация в странах Центральной Азии: траектории развития / отв. ред. И.А. Черных. – Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии. – Алматы, 2023.
2. Assaniyaz A. EU-CA Investors Forum Announces €10 Bln Commitment for Development of Trans-Caspian Transport Corridor // The Astana Times. – 2024. – January 29 // https://astanatimes.com/2024/01/eu-ca-transport-forum-kicks-off-in-brussels-eib-global-allocates-over-1-6-bln/

3. Samarkand to host first official EU – Central Asia summit // KunUz. – 2024. – May 18 // https://kun.uz/en/news/2024/05/18/samarkand-to-host-first-official-eu-central-asia-summit
4. Польская К. ЕС и Центральная Азия выводят отношения на новый уровень // Deutche Welle. – 2023. – 23 октября // https://www.dw.com/ru/es-i-centralnaa-azia-vyvodat-otnosenia-na-novyj-uroven/a-67190898
5. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview), US Department of State // https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/
6. «Вместе мы сильнее». Что обсудили президенты стран ЦА и США на первом саммите // GazetaUz. – 2023. – 20 сентября // https://www.gazeta.uz/ru/2023/09/20/dialogue/
7. Панфилова В. В Центральной Азии появился запрос на новое региональное объединение // Независимая газета. – 2024. – 21 апреля // https://www.ng.ru/cis/2024-04-21/5_8998_asia.html
8. О чем говорили президенты на первом саммите Центральная Азия – Россия // SPUTNIK Казахстан. – 2022. – 14 октября // https://ru.sputnik.kz/20221014/o-chem-govorili-prezidenty-na-pervom-sammite-tsentralnaya-aziya---rossiya-28489425.html
9. Полный текст Сианьской декларации саммита Китай – Центральная Азия // CGTN. – 2023. – 19 мая // https://russian.cgtn.com/news/2023-05-19/1659526778029502466/index.html
10. Lun, Chzhao. США повышают уровень диалога «С5+1», но страны Центральной Азии не хотят быть «шахматными досками» // The Paper. – 2023. – 2 октября // https://inosmi.ru/20231002/tsentralnaya-aziya-265879184.html
11. Айбашов К. Саммит в Джидде: что сближает Центральную Азию и арабские страны? // Azattyk. – 2023. – 20 марта // https://rus.azattyk.org/a/32511836.html
12. Махмутова Е. About China's New Political Mechanism in Central Asia // CyberLeninka. – 2023. // https://cyberleninka.ru/article/n/o-novom-politicheskom-mehanizme-kitaya-v-tsentralnoy-azii/viewer
13. Indeo F., Maracchione F. The Localisation of Italian Multilateralism: the Italy-Central Asia 5+ 1 Format in a Comparative Analysis with China and the United States //ASIAC–Studies on Central Asia and the Caucasus (SCC). – 2023.
14. Гравитация доверия: в Астане прошел 7-ой Центральноазиатский экспертный форум. 14.06.2024. // Orient Link: https://orient.tm/ru/post/73154/gravitaciya-doveriya-v-astane-proshel-7-oj-centralnoaziatskij-ekspertnyj-forum

Гусейнов Эльданиз
Центр Евразийских Исследований
им. Гейдара Алиева при
Университете Ибн Халдуна
научный сотрудник
Турция, Стамбул

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СРЕДНИХ ДЕРЖАВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И КОНФЛИКТОВ

Абстракт: *Центральная Азия привлекает внимание не только крупных держав, таких как Россия, Китай и ЕС, но и средних держав, включая Турцию, Иран, страны ССАГПЗ, Японию, Южную Корею, Индию, Пакистан и Великобританию. Исследование сосредоточено на анализе интересов и ролей этих держав в регионе, выявляя как возможности для сотрудничества, так и конфликты. Ключевые сферы взаимодействия включают энергетическую безопасность, развитие инфраструктуры и экономическую интеграцию. Турция, Южная Корея и Япония активно поддерживают транспортные и энергетические проекты, дополняя инициативы России и Китая. Иран и Индия продвигают альтернативные коридоры, такие как порт Чабахар и Международный транспортный коридор Север – Юг, а Пакистан и страны ССАГПЗ могут быть заинтересованы в трансафганских маршрутах.*

Однако геополитическое соперничество за ресурсы и влияние, особенно в области редкоземельных металлов, может усиливать напряженность. Конкуренция между средними державами может обострить ситуацию, усложняя их взаимодействие с крупными державами. Странам Центральной Азии важно формировать собственные форматы сотрудничества со средними державами, включая создание коалиций и кластеров совместных проектов для укрепления позиций на международной арене и улучшения экономических связей.

Ключевые слова: *средние державы, Центральная Азия, многополярный мир, геополитика, экономическая интеграция, энергетическая безопасность, внешняя политика.*

Введение

Несмотря на то, что в академических кругах нет единого мнения о точном перечне средних держав [1, с. 404-405], в контексте Центральной Азии можно выделить ключевых игроков с заметным влиянием в военной, экономической и культурной сферах, таких как Россия, Китай и Европейский Союз. Некоторые другие страны могут считаться средними державами, если они обладают определенными преимуществами, такими как экономические связи или географическая близость к региону, что позволяет им укреплять отношения с центральноазиатскими государствами. В этой работе к средним державам, действующим в Центральной Азии, отнесены Иран, Турция, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ – Бахрейн, Катар, Оман, Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты), Южная Корея, Япония, Индия, Пакистан и Великобритания.

Цель работы — определить возможности сотрудничества и конфликты интересов этих стран. Основные задачи включают изучение их взаимодействия с Центральной Азией и разработку рекомендаций для региональных стран по эффективному сотрудничеству.

Основные индикаторы, определяющие средние державы

Средние державы занимают позицию между крупными и малыми государствами по материальным ресурсам, влиянию и международному статусу. Они играют важную роль в формировании региональной и глобальной политики, выступая связующим звеном между великими державами и малыми странами [2, с. 166]. Однако в научной литературе нет единого мнения о том, как точно классифицировать эти государства. Согласно анализу Института международных отношений «Clingendael», для определения страны как средней державы применяются три подхода: позиционный (основанный на количественных показателях), идеологический (основанный на самовосприятии) и поведенческий (основанный на внешнеполитических стратегиях и дипломатии) [3]. Данный институт, совместно с Гаагским институтом стратегических исследований, разработал индекс, включающий показатели экономической и военной мощи, численности населения, дипломатической сети и вклада в международное развитие [3]. Практически все страны, упомянутые как средние державы в этой работе, соответствуют критериям этого индекса.

Настоящее исследование сосредоточено на конкретном регионе, основной индикатор в нем для определения средней державы — это влияние. Вторым важным критерием является географическая близость,

учитывая двойную сухопутную изоляцию стран Центральной Азии. Третий индикатор — участие в формате встреч лидеров стран Центральной Азии, таких как формат «5+1». Для подтверждения статуса средней державы используется показатель «Foreign Bilateral Influence Capacity» (FBIC, Потенциал иностранного двустороннего влияния). FBIC включает ключевые субпоказатели: торговля товарами, иностранная помощь, торговля оружием, дипломатические обмены, членство в международных организациях, торговые соглашения и военные альянсы. В расчет входят данные по ВВП и военным расходам [4, с. 8-10]. Импорт оружия и торговля сопоставляются с долей в общем импорте другой страны и ВВП. Значения индекса варьируются от 0 до 1.

Опираясь на представленные подходы, рассмотрим, как эти концепции применяются на практике, используя данные FBIC для оценки влияния средних держав в Центральной Азии. В таблице 1 представлены данные влияния средних держав на страны Центральной Азии в 2020 году.

Таблица 1. Сбор данных, согласно FBIC, по влиянию крупных и средних держав в странах Центральной Азии [5].

Крупная держава	**Средний показатель влияния по региону в 2020 г.**	**Казахстан**	**Туркменистан**	**Кыргызстан**	**Узбекистан**	**Таджикистан**
Россия	0.4314	0.7298	0.1623	0.6766	0.1329	0.4556
Европейский Союз[1]	0.2438	0.5862	0.2084	0.0777	0.2783	0.0684
Китай	0.2343	0.1875	0.3327	0.1957	0.2559	0.1996
Средняя держава	**Средний показатель влияния по региону в 2020**	**Казахстан**	**Туркменистан**	**Кыргызстан**	**Узбекистан**	**Таджикистан**
Турция	0.0886	0.0361	0.2019	0.0530	0.1050	0.0467
США	0.0389	0.0287	0.0189	0.0287	0.1050	0.0136
Великобритания	0.0259	0.0248	0.0097	0.0823	0.0082	0.0043
Япония	0.0223	0.0299	0.0053	0.0200	0.0460	0.0102
Южная Корея	0.0208	0.0371	0.0014	0.0132	0.0454	0.0070
Иран	0.0178	0.0072	0.0327	0.0051	0.0107	0.0333
Индия	0.0151	0.0203	0.0051	0.0141	0.0269	0.0089
ССАГПЗ	0.0138	0.0089	0.0182	0.0213	0.0079	0.0125
Пакистан	0.0024	0.0012	0.0014	0.0013	0.0045	0.0035

[1] Данные для стран Европейского Союза рассчитывались на основе показателей по каждой из 27 стран – членов Европейского Союза.

Результаты сбора и обработки данных весьма удивляют, так как большинство рассматриваемых средних держав в этой работе имеют сравнительно низкий уровень влияния в странах Центральной Азии, редко достигая отметки 0,1 по средним показателям. Исключением является влияние Турции в Туркменистане, где показатели выше. Данные по США приведены для сравнения и показывают, что даже мощные государства могут рассматриваться как средние державы в определенных регионах.
Далее стоит рассмотреть влияние крупных держав в регионе, таких как Россия, Китай и Европейский Союз, для сопоставления.

Сравнительно сильное отставание между крупными и средними державами объясняется следующими факторами:
1. FBIC учитывает такие направления, как военное и экономическое. В большинстве своем страны Центральной Азии зависят от России в сфере безопасности, что оставляет меньше пространства для менее крупных игроков, хотя есть исключения, такие как военное сотрудничество между Туркменистаном и Турцией. То есть при отсутствии у одной страны военного компонента сотрудничества с другой ее показатели в общем расчете данных, согласно методологии индекса, снижаются. Если рассматривать только экономическую часть влияния, роль средних держав возрастает.
2. Данные исследования ограничены 2020 годом. С тех пор в регионе произошли значительные изменения, которые могли бы изменить показатели влияния. Например, Турция начала расширять сотрудничество в сфере обороны, а Центральная Азия увеличила товарооборот с Японией и Южной Кореей из-за санкций против России.
3. Степень влияния одной страны на другую зависит от внутренних показателей, таких как экономика и политика, что, например, сказывается на показателях влияния всех средних держав в Туркменистане. Стоит еще добавить, что низкие показатели влияния средних держав в сравнении с показателями крупных держав относительно высоки при сопоставлении с показателями других держав, которые по ряду причин не рассматриваются в этой работе.

В целом результаты показывают, что влияние средних держав в Центральной Азии остается относительно низким по сравнению с крупными державами, что связано с методологией, актуальностью данных и спецификой региона. Однако, учитывая текущие тенденции, потенциал средних держав в регионе может значительно возрасти, что требует дальнейшего анализа.

Интересы средних держав в Центральной Азии и форматы сотрудничества со странами региона

Интересы средних держав в Центральной Азии в целом трудно рассматривать без учета интересов крупных держав – России, Китая и Европейского Союза. Поэтому прежде, чем перейти к анализу взаимодополняемости интересов и конфликтного потенциала, стоит сначала определить интересы рассматриваемых акторов. Эти интересы будут исследоваться на основе выступлений лидеров, содержания подписанных документов со странами Центральной Азии, доктринальных документов, а также на основе экспертных оценок.

Крупные державы:
- Россия: стремится развивать транспортные маршруты и экспорт энергоносителей через Центральную Азию [6; 7];
- Китай: использует Центральную Азию для обеспечения безопасности и реализации своих инфраструктурных проектов на фоне возможных эскалаций вокруг Тайваня [8; 9];
- ЕС: конкурирует с Россией и Китаем за экономическое влияние в регионе, фокусируясь на торговле и ресурсах [9; 10].

Средние державы:
- Турция: стремится стать транзитным узлом между Центральной Азией и Европой, укрепляя культурные связи с тюркскими странами [11; 12];
- Индия: сосредоточена на энергетической безопасности и развитии инфраструктурных проектов, таких как порт Чабахар [13; 14; 15];
- Великобритания: активизировала экономическое сотрудничество и образовательные обмены, а также работает над обходом санкций против России [16];
- Иран: рассматривает регион как ключевой для транзита и противодействия международной изоляции [17; 18];
- Пакистан: заинтересован в противодействии индийскому влиянию через трансафганские маршруты [19; 20];
- ССАГПЗ: инвестирует в энергетику и инфраструктуру региона, акцентируя внимание на стабильности [21; 22; 23];
- Япония и Южная Корея: стремятся сбалансировать влияние Китая и развивать устойчивое экономическое сотрудничество [24; 25; 26; 27].

Взаимодополняющие интересы средних держав в Центральной Азии и конфликтный потенциал

Ключевая роль средних держав в рассматриваемой конфигурации отношений крупных держав – в их присоединении в рамках соперничества к

блоку ЕС – США либо к РФ – КНР. Южная Корея и Япония представляют собой членов блока ЕС – США, так как они являются членами Большой Семерки, также Япония, например, открыто говорит о стремлении не допустить роста влияния КНР и РФ. Иран, ввиду санкционного режима и присоединения к ШОС и Зоне Свободной Торговли ЕАЭС, можно рассматривать частью блока РФ – КНР. Турция, Индия, Пакистан и члены ССАГПЗ открыто к одному из блоков не примыкают, но могут в зависимости от своих стратегических интересов выбирать в разных ситуациях одну из сторон.

На основе анализа интересов групп средних держав можно определить следующие направления взаимодополнения интересов с наличием конфликтного потенциала, рассматриваемые далее.

Энергетическая безопасность и развитие инфраструктуры

Одной из основных областей, где интересы крупных и средних держав совпадают, является энергетическая безопасность и развитие инфраструктуры. Центральная Азия обладает огромными запасами нефти, природного газа и полезных ископаемых, что делает ее ключевым игроком на мировых энергетических рынках. Крупные державы, такие как Россия и Китай, уже давно инвестируют в энергетический сектор региона: Россия стремится сохранить свое влияние на экспорт энергоносителей в Европу, а Китай – обеспечить надежные поставки энергии для своей экономики.

Средние державы, такие как Турция, Южная Корея и Япония, также заинтересованы в энергетических ресурсах Центральной Азии. Транскаспийский международный транспортный маршрут Турции и ее стремление стать газовым хабом перекликаются с китайской инициативой «Пояс и путь» (BRI) и российской инициативой «Большая Евразия», которые направлены на расширение региональных связей. Южная Корея и Япония, хотя и сосредоточены в первую очередь на обеспечении энергетических ресурсов, также рассматривают развитие инфраструктуры как средство противовеса влиянию Китая в регионе.

Экономическая интеграция и расширение торговли

Экономическая интеграция и расширение торговли представляют собой еще одну область взаимодополняющих интересов. Китайская инициатива BRI, направленная на создание новых торговых путей и экономических коридоров, совпадает с целями других крупных и средних держав по расширению торговых связей. Например, Европейский союз выразил

заинтересованность в расширении торговли с Центральной Азией в рамках своей стратегии по диверсификации источников энергии и противодействию влиянию России и Китая. Аналогичным образом международный транспортный коридор Север – Юг (NSTIC) и инвестиции в порт Чабахар отражают стремление Индии развивать торговые маршруты в обход традиционных «узловых точек», где по количеству вложенных средств лидирует Китай.

Средние державы, такие как Турция и Южная Корея, также разделяют этот интерес к экономической интеграции. Стратегическое положение Турции как транзитного узла между Европой и Азией, а также внимание Южной Кореи к инициативе «Корея – Центральная Азия» (K – Silk Road) дополняют более широкие усилия по интеграции Центральной Азии в глобальные торговые сети. Эти инициативы создают возможности для сотрудничества, особенно в таких областях, как транспортная инфраструктура и содействие торговле, которые необходимы для реализации экономического потенциала региона.

Безопасность и стабильность

Безопасность и стабильность – общие заботы как крупных, так и средних держав в Центральной Азии. Россия через Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) стремится поддерживать региональную стабильность и предотвращать распространение экстремизма и терроризма, которые могут угрожать ее южным границам. Китай также сосредоточен на охране своих западных границ и обеспечении стабильности в Синьцзяне, который имеет протяженную границу с Центральной Азией. Эти опасения разделяют и такие державы среднего уровня, как Иран и Индия, которые считают стабильность в Центральной Азии критически важной для своей национальной безопасности. Недавнее вступление Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) подчеркивает его приверженность региональной безопасности, а сосредоточенность Индии на борьбе с терроризмом и предотвращении распространения экстремизма отражает ее обеспокоенность возможным распространением нестабильности из Афганистана.

Несмотря на эти взаимодополняющие интересы, взаимодействие крупных и средних держав в Центральной Азии также несет в себе значительный конфликтный потенциал. Борьба за влияние, различные стратегические цели и историческое соперничество могут привести к напряженности, которая дестабилизирует регион.

Геополитическое соперничество за связь с регионом

Наиболее заметным источником конфликтного потенциала в Центральной Азии является геополитическое соперничество между ведущими державами. Хотя в некоторых областях инициативы крупных и средних держав могут совпадать, они также представляют собой конкурирующие видения будущего региона, что приводит к потенциальным трениям. Усилия Европейского союза по созданию противовеса российскому и китайскому влиянию путем расширения своего экономического присутствия в Центральной Азии могут еще больше обострить напряженность, особенно если это будет воспринято как посягательство на то, что Россия считает своей сферой влияния. Европейский Союз запустил собственную инициативу «Глобальный Шлюз» (Global Gateway) в качестве альтернативы китайской BRI [9]. Хотя оба проекта обладают потенциалом для взаимодополнения, ряд действий со стороны стран Центральной Азии могут восприниматься с недоверием.

К таким можно отнести предложение Казахстана для европейских инвесторов взять в управление каспийские порты Актау и Курык, а также 22 аэропорта для создания мощного транзитного узла между Азией и Европой [28]. С учетом того, что Европейский Союз вложил значительно меньше в инфраструктуру страны, чем Китай, такие шаги могут вызвать вопросы. Кроме того, в рассматриваемой работе Европейский Союз вместе с Южной Кореей и Японией являются членами Большой Семерки, которая сейчас активно пытается продвигать взаимосвязанность со странами Центральной Азии. Так, страны Большой Семерки анонсировали желание инвестировать до 200 миллиардов долларов США в инфраструктуру стран Центральной Азии [29], в особенности Казахстана. Эти инициативы могут быть восприняты Китаем как угроза его доминирующему положению в регионе, особенно на том фоне, что приведет к усилению конкуренции за доступ к ключевым транспортным и логистическим узлам. В свою очередь Казахстан и другие страны Центральной Азии могут столкнуться с давлением со стороны своих партнеров по разным блокам и инициативам, что затруднит реализацию национальных интересов и стратегий развития.

Нарастающие противоречия между странами могут повлиять и на их отношения в Центральной Азии. Примером может служить реакция России на планируемый саммит «Центральная Азия – Япония», который не состоялся из-за землетрясений. Ожидалось, что территориальные споры Японии с Китаем и Россией вызовут критику проведения этого мероприятия. Так, официальный представитель МИД России Мария Захарова выразила обеспокоенность по поводу возросшей активности Японии в Центральной Азии, отметив, что за экономическими инициативами Токио стоят

политические цели, направленные на ослабление связей региона с Россией и продвижение западной идеологии [30].

Средние державы, хотя и не являются прямыми конкурентами России или Китая, все же могут внести свой вклад в конкуренцию в регионе через собственные инициативы или через присоединение к тем или иным блокам. Они могут также продвигать альтернативные проекты для получения выхода к региону. Индия вместе с Ираном активно продвигают взаимосвязанность с Центральной Азией через иранские порты, в то время как Пакистан вместе с некоторыми странами ССПГАЗ проявляют интерес к развитию трансафганской железной дороги с выходом на пакистанские порты, что позволит расширять торговлю между странами Персидского залива и Центральной Азии.

Конкуренция за ресурсы

Еще одна область конфликтного потенциала связана с конкуренцией за ресурсы. Богатые энергетические и минеральные ресурсы Центральной Азии пользуются большим спросом как у крупных, так и у средних держав, что приводит к потенциальным конфликтам за доступ и контроль [31]. Лидерство Китая в секторе добычи критических ресурсов стран Центральной Азии в сравнении со странами Большой Семерки вызывает желание у последних вступить в определенную конкуренцию за доступ к ресурсам в регионе. Большинство рассматриваемых средних держав, таких как Индия, Южная Корея, Япония, Великобритания, вместе с Европейским Союзом и США проявляют значительный интерес к редкоземельным металлам региона из-за доминирования и зависимости от Китая в этом секторе. К примеру, Казахстан подписал дорожную карту о развитии сотрудничества в области критически важных полезных ископаемых с Европейским Союзом [32], в то же время корейские инвесторы получили доступ к добыче лития в Казахстане [33]. В зависимости от того, какую сторону эти страны будут принимать (США или Китая) в разработке редкоземельных металлов в Центральной Азии, это может вызывать опасения у Китая, так как страну могут лишить возможности получить доступ к дополнительным месторождениям редкоземельных металлов в случае эскалации конфликта с США вокруг Тайваня. Соответственно, дальнейшее расширение конкуренции за ресурсы региона может привести к информационному влиянию, а также к ухудшению отношений с одним из партнеров при решении выбрать одного партнера вместо другого.

Как странам Центральной Азии эффективно выстраивать отношения в складывающейся конфигурации взаимодействия средних держав?

Несмотря на то, что страны Центральной Азии принято рассматривать больше как объекты, нежели субъекты в международных отношениях, на основе проведенного анализа можно сделать следующие рекомендации для выстраивания эффективной коммуникации со средними державами:

1. Формирование собственных форматов сотрудничества.
На данном этапе часть форматов «5+1» стремится к институционализации с наличием неких советов и других институтов для повышения уровня сотрудничества. Поэтому стоит рассмотреть возможность создания собственного формата сотрудничества со средними державами. Страны Центральной Азии из-за сорвавшегося саммита с Японией могут пригласить лидера страны на следующую консультативную встречу, чтобы уже не получать какие-то предложения от японской стороны, а выдвигать свои предложения с целью усиления переговорной позиции. Если к такому формату сотрудничества не удастся привлечь все страны Центральной Азии, то можно продумать многосторонние форматы по примеру «Азербайджан – Казахстан – Узбекистан».

2. Создание кластеров совместных проектов со средними державами.
Создание кластеров совместных проектов с участием средних держав представляет собой стратегически важный шаг. Такие кластеры могут охватывать различные секторы экономики и инфраструктуры, включая энергетическую безопасность, добычу редкоземельных металлов, развитие транспортных коридоров и инвестиции в технологические проекты. Возможными кластерами проектов могут быть совместные проекты с Японией и Южной Кореей по добыче и переработке редкоземельных металлов, необходимых для производства аккумуляторов и других высокотехнологичных продуктов. Развитие транскаспийских и трансафганских транспортных коридоров с участием Турции, Индии и Пакистана позволит расширить экспортные возможности Центральной Азии и повысить региональную связанность.

3. Создание консорциума по развитию региональных транспортных коридоров.
Центральноазиатские страны могут инициировать создание консорциума со средними державами, такими как Турция, Индия, Пакистан и страны ССАГПЗ, для совместного развития и модернизации ключевых транспортных коридоров, включая транскаспийские и трансафганские маршруты. Этот консорциум мог бы сосредоточиться на координации инвестиций в инфраструктуру, стандартизации таможенных процедур и

совместном управлении логистическими узлами, что повысит связанность региона и создаст новые торговые возможности.

Заключение

Анализ роли средних держав в Центральной Азии показывает, что их влияние в регионе остается сравнительно ограниченным по сравнению с крупными державами, такими как Россия, Китай и Европейский Союз. Однако современные тенденции свидетельствуют о росте интереса средних держав к региону, что открывает новые возможности для сотрудничества и увеличивает риск конфликтов. В этой связи странам Центральной Азии важно активно формировать собственные форматы взаимодействия со средними державами, используя их интересы для продвижения своих стратегических целей. Создание совместных проектов и консорциумов, направленных на развитие инфраструктуры и расширение торговых связей, может повысить их экономический и политический вес на международной арене, что особенно важно в условиях меняющейся геополитической конфигурации. Таким образом, страны Центральной Азии должны стремиться к максимальному использованию возможностей, предоставляемых интересами средних держав, для укрепления своей позиции в глобальной системе.

Литература:

1. de Bhal J. Rethinking ‘middle powers’ as a category of practice: stratification, ambiguity, and power // International Theory. – 2023 – № 15. – P. 404-427.
2. Jordaan E. The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers. Politikon. – 2003. – №30. – P. 165-181.
3. Oosterveld W., Torossian B. A Balancing Act: The Role of Middle Powers in Contemporary Diplomacy // Clingdael // https://www.clingendael.org/pub/2018/strategic-monitor-2018-2019/a-balancing-act/
4. Moyer J.D., Sweijs T., Burrows M.J., Van Manen H. Power and Influence in a globalized world. Washington: Atlantic Council, 2018 – 36 p.
5. FBIC Data Viz Final by PardeeCenterIFs // Tableau Public. – 2021. –28.04//https://public.tableau.com/app/profile/pardeecenterifs/viz/FBICDataVizFinal_16195805654860/FBICInteractiveDataViz
6. Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан по итогам встречи Центральная Азия – Россия // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – 2022. – 14 октября // http://kremlin.ru/supplement/5857

7. Путин: ценность Евразии заключается в ее огромных возможностях // ТАСС. – 2022. – 27 октября // https://tass.ru/politika/16176959
8. Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите «Китай – Центральная Азия» // Синьхуа Новости. – 2023. – 5 мая // https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html
9. Абыкаев Р., Гусейнов Э. Инициативы «Пояс и Путь» и «Глобальные Ворота»: перспективы и возможности для стран Центральной Азии // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. – 2023. – 30 ноября // https://cabar.asia/ru/initsiativy-poyas-i-put-i-globalnye-vorota-perspektivy-i-vozmozhnosti-dlya-stran-tsentralnoj-azii
10. Experts Discuss Opportunities and Challenges in EU-Central Asia Relations // The Astana Times. – 2024. – 5 августа // https://astanatimes.com/2024/08/experts-discuss-opportunities-and-challenges-in-eu-central-asia-relations/
11. Türkiye'nin Çok Taraflı Ulaştırma Politikası // Türkiye Cumhuriyeti: Dişişleri Bakanliği // https://www.mfa.gov.tr/turkiye_nin-cok-tarafli-ulastirma-politikasi.tr.mfa
12. National Foreign Policy in the «Century Of Türkiye» // Türkiye Cumhuriyeti: Dişişleri Bakanliği // https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa
13. Ghosh B. India's look North Policy to Connect Central Asia Policy: A Pragmatic Policy of Indian Foreign Policy // Khazanah Sosial. – 2022. – № 4 // https://doi.org/10.15575/ks.v4i1.16771
14. Abdurashitov O., Gusseinov E. India in the Caucasus and Central Asia: The Giant Next Door // The Diplomat. – 2024. – 06 июня // https://thediplomat.com/2024/06/india-in-the-caucasus-and-central-asia-the-giant-next-door/
15. Kumar Ch. India-Central Asia collaboration in strategic minerals has promising future // The Print. – 2024. – 24 апреля // https://theprint.in/world/india-central-asia-collaboration-in-strategic-minerals-has-promising-future/2055490/
16. Foreign Secretary travels to Central Asia and Mongolia in landmark visit to region // Foreign, Commonwealth & Development Office and The Rt Hon Lord Cameron. – 2024. – 22 апреля // https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-travels-to-central-asia-and-mongolia-in-landmark-visit-to-region
17. Современная внешняя политика Ирана // Овози тоҷик. – 2024. – 16 июля // https://www.youtube.com/watch?v=ovFccL9m0K8&t=142s
18. Turner D. Iran Eyes Opportunities in Central Asia // New Lines Institute. – 2022. – 14 апреля // https://newlinesinstitute.org/state-resilience-fragility/power-vacuums/iran-eyes-opportunities-in-central-asia/
19. Khan S. A. Pakistan's Policy Towards Central Asia: An Evaluation Since 1991 // «Central Asia» Area Study Center, Univeristy of Peshawar. – 2009. //https://asc-centralasia.edu.pk/old_site/Issue_65/06_Pakistan_Policy_Towards_Central_Asia.html
20. Rauaf A., Ghani A., Shah S. A. H. Strategic Importance of Gawadar Port in Central Asia // Research Mosaic. – 2021. – № 1. – P. 1-10.

21. GCC-Central Asia Summit Issues Joint Statement // Saudi Press Agency. – 2023. – 19 июля // https://spa.gov.sa/en/885fda0640u
22. Shokri U. Gulf States' Opportunities in Kazakhstan's Emerging Economy and the Middle Corridor // Gulf International Forum // https://gulfif.org/gulf-states-opportunities-in-kazakhstans-emerging-economy-and-the-middle-corridor/
23. Joint Statement Second GCC-Central Asian Ministerial Meeting on Strategic Dialogue // Cooperation Council for the Arab States of the Gulf. – 2024. – 15 апреля // https://www.gcc-sg.org/en-us/MediaCenter/NewsCooperation/News/Pages/news2024-4-15-2.aspx
24. Shri P. Japan Answers China's «Debt Trap» Diplomacy With Benevolent «No Risk» Aid As It Looks To Woo Central Asia // The Eurasian Times. – 2024. – 16 июля // https://www.eurasiantimes.com/japan-to-deflate-chinas-debt-trap-with/
25. Kashgar K. Japan leads Central Asia summit amid rising tensions with Russia, China // Voice of America. – 2024. – 8 августа // https://www.voanews.com/a/japan-leads-central-asia-summit-amid-rising-tensions-with-russia-china-/7735375.html
26. Совместное заявление Республики Казахстан и Республики Корея // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2024. – 13 июня // https://www.akorda.kz/ru/sovmestnoe-zayavlenie-respubliki-kazahstan-i-respubliki-koreya-135523
27. Botto K. South Korea Beyond Northeast Asia: How Seoul Is Deepening Ties With India and ASEAN // Carnegie Endowment for International Peace. – 2021. – 19 октября // https://carnegieendowment.org/research/2021/10/south-korea-beyond-northeast-asia-how-seoul-is-deepening-ties-with-india-and-asean?lang=en
28. Казахстан предлагает инвесторам ЕС управление портами и аэропортами // EU Reporter. – 2024. – 5 февраля // https://ru.eureporter.co/kazakhstan-2/2024/02/05/kazakhstan-offers-port-airport-management-to-eu-investors/
29. Казахстан и США обсудили вопросы развития отношений в сфере инвестиций // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. – 2024. – 22 июля // https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/813255?lang=ru
30. Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос СМИ о возросшей активности Японии в Центральной Азии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2024. – 07 августа // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1964997/
31. Гусейнов Э., Султоназаров А. Критические ресурсы Центральной Азии: новое пространство для конкуренции великих держав? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. – 2024. – 29 марта // https://cabar.asia/ru/critical-raw-materials-central-asia

32. Казахстан и Евросоюз подписали документ о стратегическом партнерстве // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. – 2022. – 8 ноября // https://primeminister.kz/ru/news/kazahstan-i-evrosoyuz-podpisali-dokument-o-strategicheskom-partnerstve-8105252
33. Корейский инвестор начнет добывать литий в Казахстане в 2025 году // Orda. – 2024. – 24 мая // https://orda.kz/korejskij-investor-nachnet-dobyvat-litij-v-kazahstane-v-2025-godu-386800

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРОПОРЯДКЕ

Бурнашев Рустам
Казахстанско-Немецкий университет
факультет мировой политики
кандидат философских наук,
магистр социологии
Казахстан, Алматы

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОЧТЕНИЕ ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА БЕЗОПАСНОСТИ

Абстракт: *Ежегодное проведение Консультативных встреч лидеров стран Центральной Азии с 2018 года, а также активизация взаимодействия с внерегиональными партнерами в формате «С5+1» вновь поставили на повестку дня вопрос о возможности в Центральной Азии региональной кооперации и даже интеграции. В статье на основе теории регионального комплекса безопасности рассматривается вопрос о том, в какой степени в Центральной Азии сформированы структурные основания для такого углубленного сотрудничества именно в региональном формате. В статье утверждается, что, несмотря на происходящие перемены последних лет, Центральная Азия остается «квазирегионом» – номинальным комплексом, единство которого определяется скорее идеей или термином («Центральная Азия») и традицией его использования, чем региональной структурой.*

Ключевые слова: *региональный комплекс, внутренняя структура региона, границы региона, буфер, изолятор.*

Введение

С принятия в Узбекистане в феврале 2017 года Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах официально фиксируется изменение его региональной политики, ключевой целью которой становится «создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства» [1]. Практическое воплощение этой установки является триггером и для действий других стран, традиционно относимых к Центральной Азии, и в марте 2018 года в

Казахстане проводится Рабочая (консультативная) встреча лидеров стран Центральной Азии [2]. В дальнейшем такие встречи стали проводиться ежегодно.

В 2022 году на встрече в Кыргызстане был предложен пятисторонний Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке, который был подписан президентами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана [3]. Встречи лидеров стран Центральной Азии подкреплялись и достаточно интенсивным усилением двусторонних отношений, в том числе подписанием договоров о союзнических отношениях [4]. Безусловно, в выстраивании многостороннего партнерства в формате Центральной Азии есть сложности. К таковым можно отнести, например, отказ Таджикистана и Туркменистана подписывать Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI веке; территориальный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном, приведший к вооруженным столкновениям в 2022 году; выступление президента Туркменистана на Шестой Консультативной встрече, в котором он подчеркнул важность сохранения именно «консультативного характера» встреч президентов стран Центральной Азии «без жестко регламентирующих правил и процедур», а также то, что «создание в их рамках каких-то многосторонних структур и институций … нецелесообразно» [5]. Однако текущие оценки этого партнерства на официальном уровне крайне высоки, что позволило, например, президенту Казахстана Касым-Жомарту Токаеву говорить о «ренессансе Центральной Азии» [6]. Более того, усиление пятистороннего взаимодействия в Центральной Азии активизировало взаимодействие со странами региона внерегиональных партнеров в формате «С5+1». Все эти процессы вновь поставили на повестку дня вопрос о возможности в Центральной Азии региональной кооперации и даже интеграции.

Однако в настоящее время пятисторонний формат сотрудничества затрагивает только политические аспекты, более того, внимание к ним проявляется исключительно на уровне руководства стран Центральной Азии. Большинство же проектов из «реальных» секторов сотрудничества реализуется на двусторонней основе. В этой связи возникает вопрос, насколько сильны не идеологические, а структурные («материальные») основания для регионализации Центральной Азии. Предполагается, что ответ на этот вопрос позволяет также определить и место Центральной Азии в современном мире.

В качестве теоретических рамок рассмотрения указанного вопроса в статье используется теория регионального комплекса безопасности, как

она сформулирована Б. Бузаном и О. Вэвером [7]. В соответствии с этой теорией, региональный комплекс должен состоять из двух или более государств, которые образуют территориально связанную группу, при этом государства должны быть взаимозависимы в области безопасности на системной основе. Региональный комплекс должен иметь фиксируемую внутреннюю структуру (отношения дружбы и вражды между входящими в него странами и сложившийся баланс сил между ними) и внешние границы, определяемые тем, что взаимоотношения между странами внутри комплекса должны быть сильнее, чем связи с внерегиональными государствами.

Аргументом статьи является тезис, что с точки зрения теории регионального комплекса безопасности (структурной точки зрения) Центральная Азия остается «квазирегионом» или «квазикомплексом» – номинальным регионом (комплексом), единство которого определяется скорее идеей или термином (в данном случае – термином «Центральная Азия») и традицией его использования, чем региональной структурой.

Для обоснования аргумента в статье вначале будет показано, что границы Центральной Азии размываются из-за ее периферийности и связанных с ней функций буфера и изолятора, навязываемых странам Центральной Азии внерегиональными партнерами. Затем будет продемонстрировано, что внутренняя структура Центральной Азии как региона на настоящий момент также не сформирована, то есть она остается неструктурированным мини-комплексом.

1. Центральная Азия в мировой системе: периферия

С точки зрения теории регионального комплекса безопасности Центральная Азия может рассматриваться в качестве периферии в двух аспектах: в формате развития международного сотрудничества (в терминах теории регионального комплекса безопасности – как изолятор) [7, с. 489] и как зона делимитации и одновременно оказания влияния на соседние регионы или страны (как буфер) [7, с. 490].

1.1. Периферия в процессах международного сотрудничества

Позиционирование стран Центральной Азии как периферии интеграционных процессов изначально наиболее четко проявилось при формировании расширенных европейских режимов безопасности в 1990-е годы – как в рамках *СБСЕ-Европы*, так и в формате Программы НАТО «Партнерство ради мира», которые так или иначе включали в свою периферию страны Центральной Азии.

Другой формой участия стран Центральной Азии как периферии в квазиинтеграционных процессах является выполнение ими функции связи соседних региональных комплексов. Для Центральной Азии эта функция проявилась в инфраструктурных проектах, связанных с условным восстановлением так называемого *Шелкового пути*.

Первой попыткой активизации идеи торгового пути как моста, соединяющего Восток и Запад через Центральную Азию, осуществленной после распада Советского Союза, является программа Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia (TRACECA), которую часто называют «новым Шелковым путем». Четкая связь проекта TRACECA и Шелкового пути была зафиксирована в названии международной конференции, проходившей в сентябре 1998 года в Баку, - «ТРАСЕКА – восстановление исторического Шелкового Пути». Существенно позже, 20 июля 2011 года, государственный секретарь США Х. Клинтон в своем выступлении в Ченнаи в Индии высказала идею формирования «нового Шелкового пути» – «международной инфраструктуры и сети экономических и транзитных связей», объединяющих Южную и Центральную Азии через Афганистан [8]. Предполагается, что рост торговли и экономическое развитие должны улучшить жизнь населения, сократить протестные и экстремистские настроения и стабилизировать политические режимы. В определенном плане идея «новый Шелковый путь» является модифицированной версией плана «Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии», разработанного в середине 2000-х годов Ф. Старром и предусматривавшего формирование единого экономического пространства в составе пяти республик Центральной Азии и Афганистана.

Концепт *Шелковый путь* используется не только странами глобального Запада, но и Китаем. Так, 7 сентября 2013 года, выступая в Назарбаев Университете в Астане, Председатель КНР Си Цзиньпин высказал идею создания «экономического пояса Шелкового пути» – некой новой формы сотрудничества Китая, стран Центральной Азии и России [9]. Данный проект в настоящее время трансформировался в самостоятельную инициативу «Пояс и путь», в рамках которой говорят уже не только о транзитном потенциале стран Центральной Азии, но и о возможности реализации в ней индустриальных проектов.

Этот аспект поддерживают и инфраструктурные проекты, реализация которых была интенсифицирована после перехода российско-украинского конфликта в формат войны в феврале 2022 года и наложения на Россию санкций со стороны стран Запада. Так, активизируется открытый в 2017 году в рамках инициативы «Пояс и путь» Транскаспийский международный транспортный маршрут или Срединный коридор – международный

транспортный коридор, который пролегает через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и далее в Турцию и страны Европы. Активно продвигается и реализуется идея Транспортного коридора «Север – Юг», связывающего Россию с Ираном и Индией через акваторию Каспийского моря и страны Центральной Азии.

1.2. Периферия как зона делимитации и оказания влияния на соседние регионы

Межрегиональные динамики в Центральной Азии образуются взаимодействием с/между соседними региональными комплексами безопасности и некоторыми входящими в них силами, которые «разделены» странами Центральной Азии. К этому уровню можно отнести взаимодействие с Восточноазиатским, Южноазиатским и Ближневосточным региональными комплексами безопасности, некоторыми державами, входящими в данные комплексы (прежде всего – Ираном и Китаем), а также с Россией, Турцией и Афганистаном.

Близко к пониманию периферийности стран Средней Азии и Казахстана как зоны делимитации подходит концепция *санитарного кордона*. Введенный в 1920-е годы термин начал вновь использоваться в 1990-х годах как реакция российских политиков и исследователей на политику, проводимую в ряде сопредельных с Россией государств. С этого времени концепция стала неотъемлемой составляющей анализа геополитического положения России в публицистических работах [10; 11]. Вторая волна акцентирования данного термина в политическом поле приходится на вторую половину 2000-х годов [12]. Как правило, концепция *санитарного кордона* охватывает европейское направление, однако имеются работы, расширяющие ее географию за счет включения Кавказа и Центральной Азии [13; 14]. С другой стороны, формирование *санитарного кордона* может рассматриваться как следствие особенностей российской внешней политики. Так, Г. Явлинский указывает, что «российское авторитарное государство само создает вокруг себя санитарный кордон» [15]. Фактически санитарный кордон, формируемый со стороны России, четко описывается концепцией *ближнее зарубежье*, которая возникла в России в 1992 году после распада СССР как собирательное название бывших республик СССР в границах, принятых международным сообществом [16].

В связи с началом войны между Россией и Украиной страны Запада стремятся предотвратить использование Центральной Азии как территории, позволяющей обходить наложенные ими на Россию санкции, иными словами, сформировать из Центральной Азии нечто сходное с понятием «буфер» в теории регионального комплекса безопасности.

2. Регионализация Центральной Азии

В настоящее время почти общепринятым является мнение, что Центральная Азия может рассматриваться как регион. Однако на момент распада Советского Союза и вплоть до 1993 года концепт Центральная Азия как понятие, обозначающее региональное образование, объединяющее пять республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), не существовал.

Регионализация позднесоветского, а затем и постсоветского пространства, начиная с конца 1980-х годов, определялась рядом факторов. С одной стороны, с конца 1980-х годов происходило ослабление политических и экономических связей в рамках Советского Союза. С другой, слабость государственности и державности постсоветских республик делала невозможным или как минимум рискованным их непосредственный выход на международную арену. Таким образом, на первоначальном этапе регионализация была связана с попытками сформировать некие подобия содружеств союзных республик, близких друг к другу по различным признакам. Целями формирования таких структур позиционировались сохранение экономических связей, а также обеспечение консолидированной политической поддержки для всех входящих в содружества республик. Позже, с акцентированием идеологемы *интеграция,* указанные установки стали интерпретироваться как стремление «быстрее и безболезненнее преодолеть экономические проблемы, наладить взаимовыгодную региональную интеграцию» [17], а также обеспечить эффективное сотрудничество «в деле укрепления региональной безопасности и мира» [18].

В силу того, что в начале 1990-х годов на постсоветском пространстве *интеграция* была именно идеологемой (как минимум ее артикуляция не сопровождалась концептуализацией термина), в основание формирования региональных сообществ и конструктов помещались прежде всего политико-идеологические концепты. Так, первым регионализирующим конструктом, который был предложен республикам Средней Азии и Казахстану, была концепция «мусульманских республик Советского Союза» [19]. Соответственно, в него входило шесть республик, в том числе Азербайджан. В начале 1990-х годов существовало достаточно сильно стремление некоторых внутренних и внешних сил способствовать консолидации ряда постсоветских стран на культурно-языковой основе – сформировать союз тюркских государств с выделенной и ведущей ролью Турции.

Финализация первого этапа поисков регионального конструкта происходит в 1993 году на встрече «глав государств и правительств стран Средней Азии

и Казахстана», прошедшей в Ташкенте, в рамках которой была предложена концепция «Центрально-Азиатский регион». На пресс-конференции по итогам встречи было отмечено, что «созданы все предпосылки для создания нового содружества – государств Центральной Азии» [20]. Как основание для такого образования, помимо экономических факторов, выделялось то, что «формируется объединение народов с традиционно близким мировоззрением, образом жизни и культурой, не желающих быть “среднеазиатской подбрюшиной” России, решивших самостоятельно формировать свое цивилизованное будущее» [21].

Рассмотрение регионализации Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана как «Центральной Азии» оставалось доминирующим на протяжении 1990-х годов. Его институционализация прошла через ряд структур: сначала Единое экономическое пространство, затем Центрально-Азиатское Экономическое Сообщество и наконец Организация «Центрально-Азиатское сотрудничество». Однако уже в это время было видно, что регионализация в рамках проекта «Центральная Азия» оказалась несостоятельной и носила прежде всего идеологический характер.

Во-первых, с экономической точки зрения Центральная Азия не могла рассматриваться как единое образование, поскольку включала в себя республики, входившие в рамках Советского Союза в два разных экономических района, – Казахстанский (Казахская ССР) и Среднеазиатский (Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР и Узбекская ССР). Во-вторых, после распада Советского Союза спецификация стран Центральной Азии только нарастала – как в силу стремления обеспечить экономическую независимость, так и за счет выбора различных моделей экономического реформирования. Наиболее ярким проявлением такой спецификации стало вступление Кыргызстана в ВТО в 1998 году, которое не было согласовано с другими странами-партнерами Кыргызстана по Центрально-Азиатскому Экономическому Сообществу. В-третьих, с точки зрения безопасности в странах, включавшихся в Центральную Азию, секьюритизация ряда ключевых вопросов осуществлялась по-разному [22]. Прежде всего это относится к таким вопросам, как гражданская война 1992-1997 годов в Таджикистане; ситуация в Афганистане во второй половине 1990-х годов и отношение к действовавшим в этой стране «Северному Альянсу» и движению «Талибан»; отношение государств к ряду внутриполитических, экономических и социетальных вопросов.

Параллельно с региональными проектами существовали не менее сильные конструкты, выходящие за границы пяти республик, – например

«Шанхайская пятерка» и Договор о коллективной безопасности. Не менее важной являлась концепция «расширенного» региона, построенная на идее «евразийской реинтеграции» и предложенная Н. Назарбаевым 29 марта 1994 года, – Евразийский союз. На ее основе в 2000 году создается Евразийское экономическое сообщество в составе Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана. В совокупности реализация этих инициатив свидетельствует о доминирующей значимости для Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана связей, выходящих за рамки «Центральной Азии».

Все вышесказанное привело к тому, что к 2000-м годам окончательной регионализации в формате Центральной Азии так и не произошло. Связи пяти стран Центральной Азии с внешними игроками, прежде всего с Россией, остались слишком сильными, чтобы можно было говорить о формировании самостоятельного региона. Более того, 18 октября 2004 года Россия присоединяется к Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество». В 2006 году в связи с присоединением Узбекистана к ЕврАзЭС произошло слияние двух организаций, что де-факто означало ликвидацию Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество».

Во второй половине 2000-х годов предпринимается попытка реанимировать центральноазиатский проект в виде идеи Центрально-Азиатского союза, высказанной президентом Казахстана Н. Назарбаевым. Но эта инициатива не получила поддержку на практическом уровне. Более того, например, президент Узбекистана И. Каримов в ответ на эту инициативу указал невозможность союза в формате Центральной Азии, поскольку потенциал его членов «должен быть как-то сравним», «политика и направления, которыми занимаются лидеры государств, должны быть сравнимы, но не разноречивы, особенно если дело касается реформы и видения перспектив своего развития» [23].

Окончательный отход от концепции Центральная Азия может связываться с запуском механизма единого таможенного пространства в рамках Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России в 2010 году, четко фиксирующего выход Казахстана из экономического пространства стран Центральной Азии.

Вектор на реанимацию проекта Центральной Азии, сформированный изменением региональной политики Узбекистана в 2017 году и провозглашением им Центральной Азии своим главным внешнеполитическим приоритетом, не меняет ситуации, так как многосторонний формат здесь задается только Консультативными

встречами лидеров стран Центральной Азии и разрозненной сеткой встреч с внерегиональными партнерами в формате «С5+1». Проекты, предлагаемые в сфере безопасности, например по разработке Концепции обеспечения региональной безопасности и стабильности [24], способны заложить общее понимание вопросов безопасности, чего не было в 1990-е и 2000-е годы, но серьезно уступают в практическом плане таким проектам, как «Центразбат».

Заключение

Несмотря на происходящие с 2017 года изменения в региональной политике стран Центральной Азии, прежде всего Узбекистана, проведение ежегодных Консультативных встреч лидеров стан Центральной Азии, встреч с внерегиональными партнерами в формате «С5+1», а также активизацию двусторонних связей, говорить об институционализации Центральной Азии как регионального комплекса (региона) на настоящий момент невозможно. «Региональное» поле здесь остается размытым. В Центральной Азии нет каких-либо устойчивых враждебных отношений между государствами, также, несмотря на сеть договоров о союзничестве, невозможно говорить о том, что страны Центральной Азии выступают союзниками в классическом смысле слова. Внешние границы Центральной Азии остаются неопределенными в силу слишком сильных связей стран Центральной Азии с внерегиональными партнерами, особенно такими, как Россия, Китай и Афганистан. Таким образом, Центральная Азия остается «квазирегионом» или «квазикомплексом» – номинальным регионом (комплексом), который определяется скорее идеей или термином (в данном случае – термином «Центральная Азия») и традицией его использования, чем региональной структурой. Это влияет и на место Центральной Азии в современном мире. Она продолжает выполнять функции буфера и изолятора в отношении соседних региональных комплексов и региональных держав.

Литература

1. Президент Республики Узбекистан. О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан: Указ от 7 февраля 2017 года. № УП-4947. // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан // https://lex.uz/ru/docs/3107042
2. Участие в Рабочей (консультативной) встрече глав государств Центральной Азии // Официальный сайт президента Казахстана «Акорда». – 2018. – 15 марта // https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_receptions/uchastie-v-rabochei-konsultativnoi-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoi-azii

3. Договор между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан о союзнических отношениях // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – 2022. – 22 декабря // https://www.lex.uz/ru/docs/6967044
4. По итогам Четвертой Консультативной встречи глав государств Центральной Азии приняты итоговые документы // Официальный сайт президента Кыргызстана // https://president.kg/news/all/23381
5. Президент Туркменистана принял участие в шестой Консультативной встрече глав государств Центральной Азии // Туркменистан сегодня. – 2024. – 9 августа // https://tdh.gov.tm/ru/post/41743/prezident-turkmenistana-prinyal-uchastie-v-shestoj-konsultativnoj-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoj-azii
6. Токаев К.К. Ренессанс Центральной Азии: На пути к устойчивому развитию и процветанию // Казахстанская правда. – 2024. – 8 августа // https://kazpravda.kz/n/renessans-tsentralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-protsvetaniyu/
7. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
8. Secretary of State. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century // US Department of States. – 2011. – July 20 // http://www.state.gov/secretary/rm/2011/07/168840.htm
9. President Xi Jinping Delivers Important Speech and Proposes to Build a Silk Road Economic Belt with Central Asian Countries// Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2013. – September, 7 // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpfwzysiesgjtfhshzzfh_665686/t1076334.shtml
10. Россия и «санитарный кордон». – Москва: Европа, 2005.
11. Колеров М. Фронт против России: «санитарный кордон» и «внешнее управление» // REGNUM. – 2005. – 18 марта // http://www.regnum.ru/news/423582.html
12. Лавров С. Сдерживание России: назад в будущее? // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 4.
13. Третьяков В. Гривна на ребре: Скоро упадет – и ясно, в какую сторону // Российская газета. – 2004. – 2 декабря // http://www.rg.ru/2004/12/02/grivna.html
14. Шакарянц С. Санитарный кордон против России // Северный Кавказ. – 2007. – 26 июня // http://sknews.ru/rubriki/geopolitics/5369-sanitarnyjj-kordon-protiv-rossii.html
15. Явлинский Г. Россия отвечает лучшим двойным мировым стандартам // Новая газета. – 2007. – 17 июля.
16. Козырев А. Преображенная Россия в новом мире // Известия. – 1992. – 2 января.
17. Ташкент встречает президентов // Правда Востока. – 1993. – 5 января.

18. Совместное коммюнике от 4 января 1993 года // Правда Востока. – 1993. – 5 января.
19. Толстых П. Борьба за влияние на мусульманские республики Союза // Комерсантъ Власть. – 1991. – № 47 (91) // http://kommersant.ru/doc/1851
20. Левин Л., Каримов А. Возврат к старому невозможен. Путь истории – только вперед!: С пресс-конференции глав государств Средней Азии и Казахстана // Правда Востока. – 1993. – 5 января.
21. Ташкентская встреча: шаг к реальности // Правда Востока. – 1993. – 7 января.
22. Бурнашев Р., Черных И. Безопасность в Центральной Азии: методологические рамки анализа (военный сектор безопасности). – Алматы: Казахстанско-немецкий университет, 2006.
23. Дубнов А. Каримов сказал Назарбаеву «раз и навсегда» // Время новостей. – 2008. – 23 апреля.
24. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Консультативной встрече глав государств Центральной Азии // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – 2024. – 9 августа // https://president.uz/ru/lists/view/7456

Ризоён Шерали
кандидат политических наук
Таджикистан, Душанбе

ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ДУШАНБЕ

Абстракт: *Данная статья посвящена рассмотрению потенциала и особенностей регионализации в Центральной Азии. В работе раскрывается современный потенциал сотрудничества в регионе: особенности взаимодействия в сферах политики и безопасности, торговли, транзита и транспорта, в водной сфере; вызовы, связанные с изменением климата; уроки, извлеченные из предыдущего опыта интеграции, и «сдерживающие факторы» регионализации в регионе; а также фактор многовекторности внешней политики и поиск баланса между отношениями с Севером и Югом и с Востоком и Западом. В заключение рассматриваются условия, от которых будут зависеть вероятные сценарии развития ситуации и регионализации в Центральной Азии в ближайшем будущем.*

Ключевые слова: *Центральная Азия, регионализация, интеграция, внешняя политика, региональное сотрудничество, Консультативные встречи.*

Введение

Центрально-Азиатский регион занимает особое место во внешней политике Таджикистана, поскольку официальный Душанбе связывает с ним реализацию своих жизненно важных интересов. С 1990-х годов регион обозначен как стратегическое направление внешней политики Таджикистана. В действующей Концепции внешней политики страны отмечается необходимость укрепления взаимоотношений и наращивания сотрудничества с государствами Центральной Азии, а также ставится задача «содействие расширению торгово-экономического сотрудничества с сопредельными странами как механизм формирования пояса доверия и безопасности по периметру границ страны» [1]. Таджикистан выступает за укрепление и развитие отношений и партнерства между государствами региона.

Существенным аспектом внешнеполитического подхода Таджикистана к региону Центральной Азии является фактор стратегического партнерства

и союзничества. Так, между Таджикистаном и Казахстаном (2015 г.), Туркменистаном (2017 г.) и Узбекистаном (2018 г.) подписаны документы о стратегическом партнерстве; аналогичные двусторонние документы также подписаны между Таджикистаном и Китаем (2013 г.), Беларусью (2019 г.) и Азербайджаном и Пакистаном (2024 г.). В 2024 году произошло углубление двустороннего взаимодействия с Узбекистаном и Казахстаном, по итогам государственных визитов глав этих государств в Душанбе были подписаны документы о союзническом взаимодействии (до 2024 года у Таджикистана был аналогичный документ только с Россией, подписанный в 1999 году).

Можно смело предположить, что после завершения переговорного процесса по определению линии государственных границ Таджикистан и Кыргызстан оформят свое сотрудничество в форме стратегического партнерства. Следует подчеркнуть, что между другими странами Центральной Азии в разные периоды были подписаны документы о стратегическом партнерстве и союзничестве. Таким образом, единый подход стран Центральной Азии по установлению стратегического партнерства и союзничества друг с другом способствует как расширению двустороннего взаимодействия, так и улучшению регионального сотрудничества.

Степень изученности темы

Исследования по проблемам центральноазиатского сотрудничества и подходов стран по региональному взаимодействию занимают особое место в трудах экспертов и исследователей из государств региона. После 2017 года значительно возросло количество научных и аналитических публикаций, рассматривающих различные аспекты регионального сотрудничества в Центральной Азии. Так, данная тема рассматривается в трудах следующих региональных исследователей: С.К. Кушкумбаев [2], М.Т. Лаумулин [3], Ф. Толипов [4], А. Сатторзода [5], И.А. Черных [6], Ч. Эсенгул [7], Д.А. Сатпаев [8, с. 157-163], Р.Р. Бурнашев [9], З. Курманов [10], Э.В. Тукумов [8, с. 118-122], П. Муллоджанов [11], А. Мамадазимов [12], Э. Байдаров [13] и др. [14].

Существует ли потенциал сотрудничества в Центральной Азии?

Анализ процессов в Центральной Азии показывает, что после 2017 года отношения заметно улучшились по всем направлениям и сферам, растет внутрирегиональная торговля и инициируются проекты регионального значения. На сегодняшний день проведено 6 саммитов

глав государств региона и страны постепенно движутся к созданию региональной организации. Следует подчеркнуть, что ежегодно в преддверии проведения саммита глав государств Центральной Азии в информационном пространстве региона создаются различные нарративы о важности и эффективности этого многостороннего сотрудничества. Эти действия доказывают необходимость проведения таких встреч, потому что если бы они не были важны, то медиа внешних акторов не создавали бы негативные нарративы.

Последние саммиты показывают, что страны не торопятся создавать региональный институт и учли уроки своего прошлого опыта. Так, первый опыт регионализации в Центральной Азии (1992-2005 гг.) был реализован по принципу «сверху вниз» и формировался без учета внутренних и внешних влияющих факторов. Можно предположить, что нынешний процесс регионализации в Центральной Азии (с 2017 г. по сей день) идет по траектории «снизу вверх», через создание работающих, эффективных, конкурентоспособных и устойчивых механизмов, а затем будет создана единая структура. После запуска Консультативной встречи глав государств региона созданы следующие форматы взаимодействия госорганов: Совещание министров иностранных дел Центральной Азии (иногда именуемое «встречей»), Межпарламентский форум, Встречи секретарей Совета безопасности, Встречи министров транспорта, Встречи министров энергетики, Совещание министров и ответственных лиц по вопросам СМИ и информации, Молодежный форум, Женский форум, Форум ученых, Деловой совет и т. д.

Разработка и принятие на саммите в Астане общего документа под названием «Концепция развития региональной кооперации Центральная Азия 2040» [15] может служить подтверждением вывода о том, что в первую очередь в регионе создаются работающие и устойчивые механизмы. Документ состоит из 9 разделов. В первом разделе отмечается, что данная концепция разработана в целях укрепления международной субъективности региона и реализации потенциала регионального сотрудничества для дальнейшего развития многогранного взаимодействия. Второй раздел посвящен институциональному развитию формата консультативных встреч, где также отмечается актуальность трансформации данной платформы сотрудничества в полноценную региональную структуру. Последующие разделы посвящены взаимодействию в сферах политики и безопасности, экономического сотрудничества, транзита и транспорта, водно-энергетического сотрудничества, экологии, окружающей среды и изменения климата, информационно-коммуникационных технологий и культурно-гуманитарного сотрудничества. Впервые с момента запуска

формата консультативных встреч создание региональной организации декларируется в общем документе и, скорее всего, этот процесс продлится до 2040 года. Таким образом, исходя из сегодняшней повестки дня, приоритетными направлениями регионального сотрудничества, а также основными тенденциями, формирующими будущее Центральной Азии в кратко- и среднесрочной перспективе, выступают описанные далее.

Во-первых, углубление политического сотрудничества и выработка общей позиции или подходов в рамках формата «ЦА+», что крайне необходимо для внутренней и внешней регионализации в Центральной Азии.

Во-вторых, расширение торгово-экономического, транспортно-транзитного, водно-энергетического и культурно-гуманитарного сотрудничества, а также общих подходов по смягчению последствий изменения климата в странах региона в целях создания новых успешных кейсов двустороннего и многостороннего взаимодействия, которые на деле доказывают необходимость тесной кооперации стран Центральной Азии.

В-третьих, выработка общих подходов к обеспечению безопасности в Центральной Азии (в широком смысле этого слова) с учетом реальных и потенциальных рисков, вызовов и угроз, а также воздействия внешних акторов. Ожидается, что в ближайшем будущем характер и источники угроз и вызовов для стран региона не изменятся и будут иметь более внешний аспект. Несмотря на это, необходимо обратить внимание на внутренние источники угроз и вызовов, часть из которых проявляется из-за влияния внешних акторов. Другими словами, страны Центральной Азии должны быть готовы ко всем вариантам развития ситуации в сфере обеспечения безопасности.

Для понимания места и роли Центральной Азии и стран региона в современных международных отношениях, а также потенциала и возможностей регионализации необходимо рассмотреть следующие далее аспекты.

Осмысление нынешнего этапа взаимодействия в Центральной Азии

Современное состояние взаимодействия в Центрально-Азиатском регионе можно рассматривать с разных сторон и измерений.

Политическое взаимодействие. Страны региона, несмотря на все сложности внутрирегионального и внерегионального характера, стараются поддерживать тесное взаимодействие друг с другом. Как эта

тенденция будет проявляться в дальнейшем, пока неизвестно, потому что есть потенциал как для дальнейшего сближения, так и для отделения друг от друга. Очевидно, что тесное политическое взаимодействие выгодно всем, и необходимо сделать все, чтобы этот позитивный тренд сохранялся и укреплялся в будущем.

Торгово-экономическое взаимодействие. Наблюдается рост товарооборота между странами региона, и это хороший показатель и основа для будущих тесных связей. Анализируя данные по внешнеторговому обороту стран региона, можно сделать вывод, что государства региона не отдают приоритет друг другу и больше торгуют с другими акторами. Этому есть естественные объяснения, поскольку потенциал и особенности национальных экономик стран, а также выстроенные торгово-экономические связи отличаются друг от друга. Скорее всего, такой тренд сохранится и в дальнейшем. Несмотря на это, необходимо разрабатывать общерегиональные программы или дорожные карты с учетом общего потенциала стран региона. Углубление торгово-экономических связей и сопряжение национальных стратегий развития стран региона остаются приоритетами на ближайшую перспективу.

Взаимодействие в сфере транзита и транспорта. Превращение Центральной Азии в транзитный регион, а также выход стран в другие соседние регионы мира, безусловно, отвечает их долгосрочным интересам развития. Правда, встает вопрос: как страны региона оценивают существующий потенциал расширения транзитных возможностей – как взаимодополняющие или взаимоисключающие проекты? Если все проекты будут рассматриваться в качестве взаимодополняющих элементов расширения транзитного потенциала региона, то от этого выиграют все. Если нет, то существует вероятность повторения той практики, которую мы наблюдали до запуска формата Консультативных встреч.

Взаимодействие в водной сфере и вызовы, связанные с изменением климата. Эта сфера также актуальна в региональной повестке и требует принятия безотлагательных мер и общих решений. Начало посевных работ в 2024 году и орошение сельскохозяйственных угодий уже показали существующие проблемы. Поэтому необходимо форсировать решение существующих проблем по водопользованию внутри региона.

Взаимодействие в сфере безопасности. Очевидно, что никто, кроме стран Центральной Азии, не заинтересован в обеспечении стабильности и безопасности региона. В медиапространстве мало информации о взаимодействии стран региона в этой сфере, и, несмотря на это, странам

нужно укреплять согласованность в этой области, что очень важно в свете больших геополитических рисков. Необходимо инициировать подготовку и подписание пятистороннего документа по обеспечению безопасности в Центральной Азии.

Извлеченные уроки из прежнего опыта интеграции в Центральной Азии

Для поддержки осмысленного пути регионализации в Центральной Азии следует принять во внимание следующие уроки.

Во-первых, необходимо не форсировать региональную интеграцию. Только создание структуры не говорит о ее жизнеспособности. Нужно тщательно подготовить все будущие механизмы автономно, решать существующие проблемы и создавать новые возможности.
Во-вторых, не нужно привлекать внерегиональных акторов в этот формат, так как очень важно, чтобы региональная структура охватывала только пять стран Центральной Азии.
В-третьих, необходимо сопряжение всех программ стратегического развития стран региона на ближайшую перспективу, без этого формируемая региональная структура будет малоэффективной.
В-четвертых, важны политическая зрелость и стратегическое видение необходимости региональной интеграции. Позитивным показателем, демонстрирующим наличие такого видения, можно назвать принятие «Концепции развития региональной кооперации Центральная Азия 2040», которая в ходе Шестой консультативной встречи в Астане была утверждена всеми президентами стран региона.
В-пятых, нужно содействовать формированию безвизового режима между странами региона и упрощенному перемещению людей, товаров и услуг, транспорта в регионе. В этой сфере инновационными являются инициативы Казахстана по запуску «Шелковой визы» и Узбекистана – по передвижению внутри региона с использованием страновых идентификационных карт.
В-шестых, необходимо создавать современные нарративы о важности и актуальности интеграции в регионе. Сегодня нарративы об интеграции стран региона в большей степени создаются внерегиональными акторами.
В-седьмых, важно отказаться от практики давления и использования своих природных и географических преимуществ для достижения тех или иных целей отдельных стран.
В-восьмых, обязательно инициировать больше проектов и программ в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества.
В-девятых, нужно сопряжение внешней политики стран региона по

актуальной глобальной повестке. Необходимо наращивать доверие между странами региона, понимание, что их интересы не будут принесены в жертву приоритетам других стран.

В-десятых, принципиально использовать региональный интеллектуальный потенциал для создания точек развития, не бояться говорить о проблемах и путях их решения и т. д. Необходимо постепенно отказаться от практики проведения «торжественных» и «протокольных» мероприятий, перейти к проведению постоянно действующих экспертных заседаний, начать подготовку совместных книг, аналитических докладов и других материалов с участием исследователей всех стран региона по актуальной повестке дня, предоставлять их структурам, ответственным за принятие политических решений.

«Сдерживающие факторы» регионализации в Центральной Азии

Анализ показывает, что по определенным аспектам региональной повестки дня среди стран Центральной Азии наблюдается как сотрудничество, так и соперничество (или «конкуренция»). Соперничество может выступать как в качестве препятствующего фактора, так и в роли подталкивающего элемента по сближению позиций стран региона. В целом было бы нерациональным считать, что в двустороннем и многостороннем сотрудничестве стран Центральной Азии будет превалировать только сотрудничество и исключается всякое соперничество. Формирование баланса между сотрудничеством и соперничеством, который исходит от понимания и реализации странами региона своих национальных интересов, а также от важности регионального взаимодействия, будет способствовать институционализации и регионализации в Центральной Азии.

Итак, рассмотрим примеры сотрудничества и соперничества стран региона по актуальной повестке дня.

Во-первых, фактор восприятия ситуации в Афганистане и взаимодействие с Талибаном.
На протяжении трех лет с момента прихода Талибана к власти в Афганистане наблюдается различие в подходах стран региона. Так, по степени активности контактов с Талибаном политику государств Центральной Азии можно определить следующим образом. ***Высокую активность*** показывают Узбекистан и Туркменистан, они осуществляют свою политику на основе жесткого прагматизма, то есть ведут дела с теми, кто в

реальности контролирует ситуацию в Афганистане. Интересы Ташкента и Ашхабада в отношении Афганистана обусловлены интересами торговли, защиты собственных вложений или предполагаемых трансрегиональных транзитных проектов, проходящих через территорию Афганистана. ***Среднюю активность*** в афганском направлении показывают Казахстан и Кыргызстан, их политика в том числе основана на том, что они не имеют общей границы с Афганистаном и находятся на втором кольце соседства. Астана и Бишкек исключили Талибан из странового списка запрещенных организаций и намерены расширять торгово-экономическое взаимодействие, а также содействовать нормализации гуманитарного положения Афганистана. ***Нулевую активность*** в отношении сотрудничества с Талибаном проявляет Таджикистан. Душанбе до недавнего времени являлся единственным соседом Афганистана, который не проводил политические переговоры с представителями Талибана и поддерживал требования международного сообщества по формированию инклюзивного правительства в этой стране. По информации афганских СМИ, в конце августа или в начале сентября 2024 года глава ГКНБ Таджикистана С. Ятимов совершил визит в Кабул и провел переговоры с руководителями спецслужб Талибана. Эта информация не была подтверждена или опровергнута официальными властями Таджикистана. Несмотря на это, наблюдается смягчение позиции Душанбе в отношении Талибана, свидетельством чему является возобновление деятельности приграничных рынков, которые были закрыты в 2020 году, когда была осуществлена переброска иностранных террористических группировок близ границ Таджикистана. Таким образом, из-за различных причин и обстоятельств наблюдается сближение позиций стран региона по восприятию Талибана.

Во-вторых, водный фактор и изменение климата в Центральной Азии и его влияние на региональное сотрудничество.
Сегодня по этому вопросу существуют как внутренние (в виде нерационального использования водных ресурсов и доступа к водным ресурсам), так и внешние источники «проблем» (к ним можно отнести воздействие канала Куштепа на водно-климатическую ситуацию в Центральной Азии).

В-третьих, фактор транспортных, транзитных и трансрегиональных проектов стран региона.
Продолжается дискурс о взаимоисключении или взаимодополнении этих проектов. Если трансрегиональные транспортные проекты и вероятные

транзитные коридоры стран региона будут восприниматься как возможность, направленная на усиление потенциала всех стран, то они могут выступить ярким примером регионализации Центральной Азии. Если начнет превалировать эгоистический национальный интерес и каждая страна будет продвигать свой проект и видеть в похожих проектах других государств альтернативу собственному, то высока вероятность превращения транспортных, транзитных и трансрегиональных проектов в «яблока раздора», что затянет срок их реализации и навредит регионализации Центральной Азии.

В-четвертых, фактор формата «ЦА+».
Неизвестно, какое влияние может оказать этот формат на внешнюю политику стран Центральной Азии. С учетом формата сегодня формируются как позитивные тренды, так и непрогнозируемые вызовы. К позитивному тренду можно отнести свершившийся факт внешней регионализации Центральной Азии, которая выражается в формате «ЦА+» или «5+1».

Несмотря на это, внешние акторы могут быть заинтересованы в этом процессе, только если он не будет противоречить их стратегическим приоритетам. В долгосрочной перспективе институционализация регионального сотрудничества в ЦА не выгодна ни одному внешнему актору, имеющему постоянные интересы в регионе; так как в первые три десятилетия независимости стран внешние акторы, используя противоречия государств региона, добились достижения своих интересов (принцип «разделяй и властвуй»). Если пять стран будут выступать «единым фронтом», то это создаст для других определенные трудности. Если отдельные государства будут видеть возможности для собственной внешней политики, это может привести к разделению стран региона. Следовательно, по мере того, как институционализация регионального сотрудничества в ЦА будет демонстрировать свою эффективность, внешние акторы будут создавать препятствия этому процессу. Таким образом, необходимо быть готовыми к любому повороту событий и понимать, что институционализацию регионального сотрудничества в ЦА и в будущем интеграционную структуру нельзя жертвовать в угоду страновых приоритетов.

В-пятых, фактор региональной идентичности.
В последние годы некоторые академические и исследовательские учреждения и отдельные исследователи, политические деятели в информационном пространстве Центральной Азии планомерно

актуализируют понятие «региональная идентичность» или «центральноазиатская идентичность». Наблюдая за тем, как употребляется это понятие, следует подчеркнуть, что в него вкладывают разные смыслы, порой противоречащие самой идее, где во главу угла ставится официальный страновой дискурс или цель, которую хотят достичь в обозримом будущем. Поэтому неопределенность внутреннего содержания этой дефиниции может стать камнем преткновения и заслуживает отдельного рассмотрения.

В-шестых, фактор войны между историками, псевдоисториками и активистами социальных сетей, которые занимаются присвоением и национализацией исторических личностей и общего прошлого Центральной Азии.

Необходимо найти баланс между историческими фактами и мифотворчеством в историографии стран региона, где наблюдается преувеличение роли отдельных народов и преуменьшение важности других. Это обстоятельство отрицательно сказывается на формировании общерегиональных ценностей, создает почву для бесполезных историографических баталий активистов социальных сетей, формирует негативный фон для интеграции в регионе. Поэтому следует целенаправленно бороться с мифотворчеством и снижать градус конфликтов между отдельными историками и в целом в историографии стран региона. Главными инструментами такого подхода должны стать: совместные и междисциплинарные научные исследования, публичные обсуждения их результатов с экспертным сообществом, представителями культуры, искусства и общественности, освещение всего этого процесса в СМИ и, как итог, публикация книг и других материалов. Резюмируя сказанное: обсуждением истории должны заниматься профессиональные историки.

В-седьмых, фактор обеспечения безопасности.
В этой сфере сегодня больше вопросов, чем ответов. На этом фоне «необходимость кооперации в сфере оборонной политики и безопасности» и «создание региональной архитектуры безопасности, в том числе посредством разработки Каталога рисков безопасности для Центральной Азии и мер их предупреждения», отмеченные в статье президента Казахстана «Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию» [16], которая была опубликована перед Шестой консультативной встречей в Астане, приобретает особый смысл. Что будет превалировать – национальное или региональное измерение

безопасности? Включает ли страновое понимание национальной безопасности региональную безопасность? Можно ли воспринимать два этих элемента как единое целое или существуют фундаментальные различия? Поиск ответов на эти и другие вопросы может показать готовность стран региона к совместному обеспечению стабильности и безопасности в Центральной Азии.

Фактор многовекторной внешней политики и баланс между отношениями с Севером и Югом и с Востоком и Западом

Диверсификация транспортных коридоров создает благоприятные возможности для устойчивого развития Центральной Азии и реализации многовекторной внешней политики. Расширение транзитных коридоров способствует изменению геополитической ситуации в регионе, и страны ЦА получают дополнительный внешнеполитический ресурс для реализации предпочитаемой ими внешней политики. Этот фактор, принимая во внимание неопределенность и турбулентность постсоветского пространства из-за последствий войны в Украине, нарушения традиционных маршрутов экспорта и начала прерывания логистических цепочек, вынуждает страны Центральной Азии ориентироваться на Юг, а именно на новое «окно возможностей», которое открывается в этом направлении. Справедливости ради, необходимо отметить, что торговля государств региона ЦА с Ираном и Афганистаном, а также через территорию этой страны со странами Южной Азии была налажена в 90-х годах XX века посредством грузового транспорта, но и по сей день она несопоставима с другими направлениями и составляет малую часть внешнеторгового оборота, хотя это направление является наиболее близким для выхода к портам южных морей. Вопрос о том, смогут ли страны Центральной Азии воспользоваться этим обстоятельством, остается открытым.

«Открытие Юга» для Центральной Азии может оказать существенное влияние на реализацию государственных программ и стратегий стран региона в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также на осуществление транспортных и транзитных проектов. Это выводит страны региона из коммуникационного тупика и превращает Центральную Азию в перекресток региональной торговли, открытый для новых возможностей для стран региона, включая увеличение товарооборота, диверсификацию торгово-экономических связей, повышение уровня жизни населения, а также планирование и реализацию совершенно другой внешней политики, что в конечном итоге сопоставимо с расширением потенциала субъектности

региона в современных международных отношениях.
В заключение следует отметить, что внимание глобальных и региональных акторов к Центрально-Азиатскому региону будет возрастать. Это условие станет причиной существенных вызовов и серьезных возможностей для стран Центральной Азии.

Вероятные сценарии развития ситуации и регионализация в Центральной Азии в ближайшем будущем будут зависеть:
- *от дальнейшего расширения многовекторной внешней политики.* Страны региона будут стремиться сбалансировать отношения с крупными внешними акторами;
- *от сохранения нейтральной позиции по отношению к глобальному противоборству крупных акторов и региональным конфликтам.* Страны региона, скорее всего, будут призывать к широкому использованию дипломатии для разрешения «новых» и затяжных конфликтов, а также для стабилизации стран с высокой вероятностью нестабильности;
- *от трансформации движения Талибан* и от того, как они будут вести себя в будущем, а также от возможных действий террористических организаций, расположенных на территории Афганистана;
- *от реальной диверсификации торгово-экономических связей,* а также реализации транспортных проектов и транзитных коридоров;
- *от эффективности внутрирегионального сотрудничества стран Центральной Азии, – что является ключевым фактором.*

Литература

1. Концепция внешней политики Республики Таджикистан (утверждена Указом Президента РТ от 27 января 2015 года, № 332) // https://mfa.tj/ru/main/view/4255/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan
2. Кушкумбаев С.К. Казахстан и Центральная Азия между вызовами из прошлого и грядущего // Сборник статей, выступлений и интервью. – Астана: при Президенте РК, 2022. – 372 с.
3. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. – 464 с.
4. Толипов Ф. Геополитическая арифметика «5+1» в Центральной Азии // CABAR. Asia. – 2020. – 6 ноября // https://cabar.asia/ru/geopoliticheskaya-arifmetika-5-1-v-tsentralnoj-azii
5. Сатторзода А. Актуальные проблемы внешней политики Таджикистана (многовекторность в действии). – Душанбе, 2014. – 520 с.
6. Бурнашев Р.Р., Черных И.А. Безопасность в Центральной Азии:

методологические рамки анализа. – Алматы: КНУ, 2006. – 416 с.
7. Эсенгул Ч. и др. Региональная интеграция и перспективы регионального сотрудничества в Центральной Азии в современных условиях // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Т.18. – № 3-4. – С. 93-105.
8. Центральноазиатское сотрудничество в новых геополитических условиях: вызовы и перспективы // Сборник материалов международной конференции. – Астана: при Президенте РК, 2022. – 352 с.
9. Бурнашев Р. Анализ вызовов безопасности стран Центральной Азии: центр и периферия // Казахстан в глобальных процессах. – 2015. – № 3. – С. 59-69.
10. Курманов З. «Весна интеграций» в Центральной Азии: взгляд из Кыргызстана // CABAR.Asia. – 2018. – 14 марта // https://cabar.asia/ru/zajnidin-kurmanov-vesna-integratsij-v-tsentralnoj-azii-vzglyad-iz-kyrgyzstana
11. Муллоджанов П. Мировые центры силы в Центральной Азии и Таджикистане: динамика и перспективы влияния // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 3 (45). –С. 63-72.
12. Мамадазимов А. Формирование «регионального образа» Центральной Азии: к вопросу о теоретических подходах к проблеме // CAA. Network. – 2017. – 15 марта // https://caa-network.org/archives/8582
13. Байдаров Э. Барьеры и мосты формирования региональной идентичности Центральной Азии // CABAR.Asia. – 2023. – 16 января // https://cabar.asia/ru/barery-i-mosty-formirovaniya-regionalnoj-identichnosti-tsentralnoj-azii
14. Ризоён Ш.Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан. – Душанбе: Дониш, 2020. – 320 с.
15. Концепция развития региональной кооперации Центральная Азия 2040 // г. Астана, 9 августа 2024 года (текст Концепции одобрен всеми президентами стран региона).
16. Токаев К.К. Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию // Казахстанская правда. – 2024. – 8 августа // https://kazpravda.kz/n/renessans-tsentralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-protsvetaniyu/

Рахимов Мирзохид
Академия Наук Республики Узбекистан
Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана
заведующий отделом, доктор исторических наук, профессор
Узбекистан, Ташкент

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛИЗМА И МУЛЬТИПОЛЯРНОСТИ

Абстракт: *Ход истории в новых независимых государствах Центральной Азии является составной частью сложных мировых процессов. Внутри региона процесс формирования межгосударственных многосторонних отношений всегда был и остается непростым – с переменными успехами и неудачами. В Центральной Азии существует множество многосторонних инициатив и институтов с различными интересами при участии ведущих международных акторов. Поэтому одним из главных факторов обеспечения региональной безопасности и стабильности становится формирование сбалансированной многоплановой системы отношений с ведущими государствами мира, международными и региональными организациями.*

Новейшая история нуждается в дальнейшей разработке с применением различных подходов в контексте взаимосвязи национального и регионального развития с тенденциями общемирового процесса. Современные события должны быть проанализированы на трехуровневой основе – с изучением национальных, региональных и глобальных аспектов и принятием во внимание исторической взаимосвязанности общечеловеческого цивилизационного развития. Это позволит определить и спрогнозировать ожидаемые тенденции в развитии государства и общества – как среднесрочные, так и долгосрочные, а также приоритеты межгосударственных взаимоотношений в Центральной Азии с учетом региональных и глобальных процессов.

В целях достижения устойчивости в двух- и многосторонних связях представляется важным, чтобы республики Центральной Азии интенсифицировали усилия в реализации совместных

интеграционных проектов и создании новых механизмов многостороннего партнерства. Дальнейшее расширение и углубление политического и экономического сотрудничества между республиками будет иметь важное значение в обеспечении безопасности и стабильного развития Центральной Азии.

Ключевые слова: *Центральная Азия, регионализм, мультиполярность, цивилизация, стабильность, партнерство.*

Историко-цивилизационные основы Центральной Азии

Центральная Азия на протяжении многих столетий была одним из важных центров торгово-экономического и культурного обмена между Азией и Европой, основным связующим звеном на маршрутах Великого Шелкового пути. История региона охватывает территорию не только непосредственно граничащих государств, но и более широкое географическое пространство – Евразию, Южную Азию, Ближний Восток.

Очевидно, что Центральная Азия обладает богатейшим уникальным наследием, входящим в сокровищницу мировой цивилизации, оно и сегодня поражает исследователя чертами искомой универсальности, к которой стремится человечество. По словам известного американского ученого Фредерика Старра, в течение нескольких столетий Центральная Азия «являлась интеллектуальным хабом мира» [1, с. 5].

Именно здесь Абу Райхан аль-Бируни впервые создал концепцию всемирной истории на основе его многочисленных исследований. Известные мыслители региона демонстрировали высокую академическую мобильность и сыграли огромную роль в развитии обмена достижениями материальной и духовной культуры народов Востока и Европы. По мнению известного швейцарского востоковеда Адама Меца, гуманизм классического европейского Ренессанса не был бы возможен без предшествующего философского ренессанса в Центральной Азии [2, с. 504].

Утверждения этих экспертов, безусловно, находятся в оппозиции к однобоко ориентированным концепциям развития Востока и Запада, подкрепляя тезис о единстве и взаимосвязи исторических процессов в различных регионах мира, то есть об отсутствии в них элемента предопределенности.

В Центральной Азии в различные периоды истории создавались и распадались государства, и народы региона входили в состав различных

полиэтнических образований. Как результат, Центральная Азия стала многонациональным регионом, объединенным глубокой хозяйственно-бытовой, языковой, конфессиональной, этнокультурной близостью к оседлой и кочевой традициям. Как сказал известный востоковед Н.И. Конрад: «В истории народов действуют факторы, создаваемые именно общностью исторической жизни. Такая общность ближайшим образом бывает региональной, то есть охватывающей определенную группу соседствующих стран, но может становиться и очень широкой, включающей целые группы стран. В новое время она является даже мировой, то есть в масштабе всего человечества» [3, с. 7].

Население Центральной Азии на протяжении длительного времени менялось в сторону все большего увеличения числа представителей различных этносов, конфессий и культурно-цивилизационного многообразия. Более того, представители региона стали играть важную роль в экономической, политической и общественной жизни других стран и регионов. Например, широко известна роль согдийцев в создании торговых фракторий на трассах Шелкового пути. Основатели династий Османов в Турции и Бабуридов в Индии были родом из Центральной Азии. Согласно китайским исследованиям, генерал Ань Пу родился в начале 7-го века в Бухаре; после прибытия в Китай он стал столичным чиновником пятого ранга, получил звание генерала, был командующим военными частями Динъюань, Танской империи [4, с. 1].

Вместе с тем в истории Центральной Азии происходили политические, социально-экономические пертурбации, военные конфликты и драматические процессы. Мировая история полна войн разного масштаба, за все время произошло около 14 500 вооруженных столкновений [5, с. 277-293]. Народы Центральной Азии также оказались вовлечены в Первую и Вторую мировые войны, основными причинами которых были экспансионные и идеологические противоречия ряда крупных государств. Советский Союз, со своего образования в 1922 г. до распада в 1991 г., был одним из важных и сложных исторических прецедентов XX-го века, вызвавших глубокие геополитические изменения не только на бывшей территории СССР, но и в мировом масштабе. Центральноазиатские республики – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – были частью СССР. Вторая мировая война 1939-1945 гг. являлась самым масштабным конфликтом в истории человечества. С первых же дней войны народы республик Средней Азии и Казахстана, наряду с другими народами СССР, защищали свою Родину. Регион стал одним из важнейших центров, производивших все необходимое для фронта. Однако в изучении истории республик региона в период

Второй мировой войны имеется целый ряд пробелов, до сих пор по ряду обьективных и субьективных причин не введены в научный оборот многие архивные документы, личные дела генералов и др.

В настоящее время перед исторической наукой и смежными дисциплинами стоит ряд серьезных задач по осмыслению во многом неоднозначных явлений и процессов, которые происходили и происходят в Центральной Азии. Современная Центральная Азия, будучи частью новейшей истории цивилизации, тесно связана с глобальными процессами.

Современные ориентиры стран Центральной Азии

Разнообразие и темпы происходящих трансформаций в мировом масштабе свидетельствуют о неоднозначной динамике межгосударственных, межрегиональных и межцивилизационных отношений, а также о возрастании роли международных факторов безопасности на региональном и локальном уровнях. Глобализация и регионализация становятся тенденциями, взаимосвязанными, взаимодополняющими, но в то же время и противоречащими друг другу, поскольку государства являются не только субъектами, но и объектами, а порой и жертвами этих тенденций. Ход истории в новых независимых государствах Центральной Азии выступает составной частью сложных мировых процессов. В условиях пересекающихся глобализационных и региональных процессов важные, взаимодополняющие роли играют изучение исторического наследия и международное гуманитарное сотрудничество как ключевые аспекты национального и регионального развития.

Новые государства Центральной Азии встали на путь формирования национальной государственности и стратегии развития. Каждая республика избрала собственный путь, исходя из конкретной общественно-политической ситуации, историко-культурных особенностей, экономических и политических возможностей. Теперь главная задача заключается в том, чтобы подготовить предпосылки к перспективам развития стран региона.

В Центральной Азии проводятся и общие реформы, например в сфере высшего образования и науки, однако в процессе реализации практически все республики сталкиваются со схожими проблемами, связанными с качеством и уровнем нововведений и требованием дальнейшего их углубления.

Перед образованием и наукой в странах Центральной Азии стоит

задача создания необходимых условий для быстрого наращивания образовательного уровня общества, без чего невозможно национальное развитие в XXI веке. Для этого, наряду с собственным историческим наследием, важно также учитывать мировой позитивный опыт. **Вузам и научным учреждениям республик необходимо** внедрить современную систему организации и управления обучения и научных изысканий. В частности, перед университетами, например, Узбекистана и Таджикистана стоит задача вхождения в мировой рейтинг, а перед их научными учреждениями – проблема преодоления междисциплинарных барьеров.

Очевидно, **что высокий уровень образования и науки – это важнейшая составляющая будущего развития стран Центральной Азии.** Необходимо организовать системное изучение комплекса наук, донести до молодого поколения лучшие традиции прошлого и современные тренды, сформировать позитивные мировоззренческие ориентиры. Все это, безусловно, потребует широкой мобилизации ресурсов, знаний и опыта, привлечения зарубежных партнеров, внедрения новых инновационных подходов, создания привлекательной и динамичной образовательной и академической среды, способной стать матрицей успешного развития республик Центральной Азии.

Междисциплинарность является важной неотъемлемой чертой современной науки, она связана с интегративными и инновационными тенденциями, в частности с использованием методов, выработанных в одной науке, в исследованиях другой науки. Предметом междисциплинарных исследований выступают все сферы общества и государства, включая повседневную жизнь, экономику, международные отношения и др.

Тенденции многосторонних отношений в регионе

Современные международные отношения характеризует устойчивая тенденция к регионализации. В разных частях мира наблюдается стремление к постепенному, но неуклонному формированию региональных политических и экономических объединений, отстаивающих собственные и общие интересы. Эти новые тенденции и отношения исследуются в рамках различных теоретических подходов, школ и направлений, которые в свою очередь также претерпевают определенные трансформации.

В Центральной Азии наиболее сложным был и остается процесс формирования межгосударственных многосторонних отношений внутри региона – с переменными успехами и неудачами. В феврале 2002 г.

на встрече президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана была официально создана Организация Центрально-Азиатское Сотрудничество (ЦАС). Следует заметить, что изучение деятельности ЦАС обнаруживает наличие ряда проблем. Так, в течение более чем десяти лет главами государств региона было подписано более 200 документов в рамках интеграции, однако многие из них остались нереализованными. На саммите ЕврАзЭС, который состоялся в январе 2006 г. в Санкт-Петербурге, были рассмотрены вопросы, связанные с порядком объединения Организации Центрально-Азиатское Сотрудничество и Евразийского экономического сообщества. Во время саммита был подписан протокол о приеме в его члены Узбекистана. Объединение ЦАС и ЕврАзЭС могло бы способствовать полноценному экономическому развитию стран-членов, однако данный процесс не был завершен.

Известно, что одной из наиболее важных современных проблем безопасности мирового сообщества являются вопросы ядерного разоружения. Эта проблема актуальна и для Центральной Азии. После совместной многолетней работы представителей стран ЦА и международных экспертов в сентябре 2006 г. в Семипалатинске (Казахстан) состоялось подписание «Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии» на уровне глав внешнеполитических ведомств стран ЦА. Однако только в апреле 2014 г. пять ядерных держав – Китай, Франция, Россия, Великобритания и США – подписали протокол, согласно которому они обязались никогда не использовать против стран Центральной Азии ядерное оружие, не угрожать им и не проводить какие-либо разработки, связанные с ядерным оружием, на территории региона.

Развитие взаимоотношений Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана является одним из важнейших аспектов международных отношений в Центральной Азии. Анализ развития международных отношений должен иметь системный характер – на основе изучения нескольких уровней анализа как внешних, так и внутренних факторов политических процессов. Как отмечал Питер Комхей: «Обоснованная и сильная теория внешней политики требует основательного теоретического знания внутренней политики» [6, с. 203]. Однозначно, что формирование концепции устойчивого развития Центральной Азии требует сегодня нового интеграционного подхода в решении основных вопросов, проблем и совместных действий в согласии с принципами международного права.

В марте 2018 г. в Астане состоялась первая Консультативная встреча глав Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и председателя

Меджлиса Туркменистана. И*нициатива проведения регулярных встреч глав центральноазиатских стран исходила от Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева. На встрече было принято общее заявление: стороны договорились о ежегодном проведении формата.* В ноябре 2019 г. в Ташкенте состоялась вторая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. По итогам саммита было принято Совместное заявление и одобрен Регламент подготовки и проведения консультативных встреч. Очередные Консультативные встречи глав государств региона прошли в Туркменистане в августе 2021 г., в Кыргызстане – в июле 2022 г. и в сентябре 2023 г. – в столице Таджикистана Душанбе. В ходе этих встреч были рассмотрены актуальные вопросы двусторонних отношений и перспективы их расширения. Однако примечательно, что эти встречи проводятся в разное время и также требуют институциализации данного формата.

Внешнеполитический курс республик региона корректировался с учетом трансформаций в современных международных и региональных отношениях, но прежде всего учитывая обострение вопросов безопасности и стабильности в Центральной Азии. Как отмечал известный политолог Карл Дойч, среди многих целей, которые частные лица и правительства преследуют, широчайшей, наиболее распространенной и общей является безопасность [7, с. 226].

Ключевыми вопросами внешней политики республик Центральной Азии были и остаются безопасность и устойчивость политических систем, угрозы международного терроризма, наркотрафик, экономические, социальные и экологические проблемы, обострение межэтнического напряжения, – эти факторы несут угрозу дестабилизации не только региона, но и других территорий.

Следует отметить, что только в период 2020-2024 гг. по инициативе стран региона ЦА был принят ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН – плоды совместных усилий стран региона при поддержке международного сообщества; десятки стран мира стали соавторами важных документов [8]. В них поддерживается курс на дальнейшее укрепление добрососедских и дружественных отношений между государствами региона на основе углубления связей в областях просвещения, науки, технологий, инноваций, туризма, культуры, экологической и региональной взаимосвязанности.

Однако регион часто руководствуется понятиями соседства (как субнационального, так и регионального), братства, неформального

сообщества государств, а также нормами, распространенными в регионе Центральной Азии, которые редко учитываются или признаются на основных теориях международных отношений [9, с. 151].

Объективными факторами интеграции экологической политики государств Центральной Азии являются общность природно-климатических и географических условий, экологических потребностей и интересов живущих здесь народов, обострение экологической ситуации. К примеру, Узбекистан, Казахстан и Туркменистан испытывают определенные трудности в обеспечении водой населения и сельскохозяйственных угодий. А в Таджикистане и Кыргызстане активно тают ледники. Ситуацию может усугубить строительство новых гидросооружений в Афганистане, прежде всего канала Куштепа.

Проблемой экологической безопасности также является зона высокой сейсмичности, которая охватывает практически всю территорию региона. Формирование концепции устойчивого развития независимых государств Центральной Азии требует нового подхода к экологической политике и осмысления принципов международных отношений. Охрана окружающей среды в регионе должна носить комплексный и целенаправленный характер.

Сфера туризма также является одним из основных направлений международного гуманитарного сотрудничества, способствующим как углублению диалога между различными государствами посредством обмена культурным и историческим наследием, так и развитию экономики посредством валютных поступлений в экономику стран. Так, по данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, на долю туризма в 2023 г. приходилось 9,3% мирового ВВП, что обеспечивает 270 млн рабочих мест в мире [10].

Страны Центральной Азии обладают богатым историческим наследием и культурными традициями, региональное сотрудничество имеет огромный потенциал для развития регионального и международного туризма. К факторам, негативно сказывающимся на развитии туристической отрасли, можно отнести слабое развитие и использование туристического потенциала, недостаточное инвестирование в развитие туристической инфраструктуры и внедрение информационно-коммуникационных технологий и др. Поэтому формирование на основе сложившихся культурно-исторических и экономических связей общего туристского пространства в интересах интенсификации туристических обменов будет способствовать социально-экономическому развитию стран региона, а

также развивать межкультурный диалог.

Регион в контексте глобальных процессов и многополярности

Современные глобальные процессы подвержены влиянию множества факторов – политических, экономических, военных, информационных, экологических и др. Сильное воздействие на международные процессы оказывают, с одной стороны, глобализация, а с другой – увеличение числа акторов на мировой сцене, где наряду с государствами активную роль играют международные, региональные организации и транснациональные компании.

Интенсивность процесса глобализации относится к важнейшим характеристикам современного мирового развития [11, с. 53]. Однако глобализация во всех ее измерениях – политическом, экономическом, финансовом и технологическом – имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, она укрепляет взаимосвязи между государствами и регионами, способствует экономическому процветанию стран, усиливая их интеграцию, и постулирует формирование глобального сообщества [12, с. 2]. Но, с другой стороны, глобализация влечет новые опасности: различные конфликты дестабилизируют международный порядок и наносят ущерб международной, региональной и национальной безопасности (например, терроризм, внутренние и внешние факторы нестабильности в Афганистане).

Республики Центральной Азии пытаются определить свое место и роль в современном международном процессе, все более усложняющемся и непредсказуемом. Растет конкуренция и конфликтность между крупнейшими геополитическими игроками, в том числе из-за наличия в Центральной Азии и Каспийском регионе значительных запасов минерально-сырьевых ресурсов. Ситуацию усложняют факторы нестабильности и военные конфликты на Ближнем Востоке, Украине и других регионах мира.

В настоящее время при участии ведущих международных акторов в Центральной Азии существуют многочисленные многосторонние инициативы и институты с различными интересами: Содружество Независимых Государств, Шанхайская организация сотрудничества, Организация договора коллективной безопасности, Евразийский Экономический союз, Центральная Азия + Япония, Центральная Азия – Республика Корея, Центральная Азия + США, Пояс и путь, Организация Тюркских государств, Центральная Азия – ЕС, Россия – Центральная Азия, Индия – Центральная Азия, Китай – Центральная Азия, Италия –

Центральная Азия, Германия – Центральная Азия и др. Следует заметить, что, во-первых, во внерегиональных инициативах в Центральной Азии явно доминирует межправительственный подход *(intergovernmental approach)*, а во-вторых, существуют проблемы, сходства и противоречия в многосторонних отношениях в Центральной Азии.

В связи с этим одним из главных факторов обеспечения региональной безопасности и стабильности становится поддержание в Центральной Азии геополитического равновесия, формирование сбалансированной многоплановой системы отношений с ведущими государствами мира и международными организациями.

В мировом масштабе не менее актуальны вопросы межцивилизационного диалога, включающего весь комплекс отношений, от политико-экономических до культурных. Известные ученые Ричард Нойштадт и Эрнест Мэй отмечают, что взгляд на историю помогает определить альтернативные варианты будущего и позволяет ориентироваться в глобальных взаимоотношениях настоящего [13, с. 11-22]. Глубокое изучение исторического прошлого позволит определить позитивные и негативные моменты предыдущих трансформаций и обеспечит твердую почву для исследования современных общественных трансформаций, компаративного анализа параллелей и закономерностей развития общества и государства.

Заключение

Исторически Центральная Азия была одним из важных центров торгово-экономического и культурного обмена между Азией и Европой. Ход истории в новых независимых государствах Центральной Азии является составной частью сложных мировых процессов. Однако, как выразился известный политолог Роберт Кокс, нет общей модели, которая могла бы объяснить прошлое, настоящее и будущее [14, с. 34-35]. Глобализация и регионализация выступают тенденциями, взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга, но в то же время и противоречащими друг другу. В условиях пересекающихся глобализационных и региональных процессов и вызовов важные, взаимодополняющие роли играют изучение исторического наследия и международное гуманитарное сотрудничество как ключевые аспекты национального и регионального устойчивого развития.

Следует отметить, что системный и комплексный анализ сложных и зачастую противоречивых событий и явлений современной истории требует

сегодня расширения спектра методологических разработок исследования и преподавания этой дисциплины. Новейшая история нуждается в дальнейшей разработке с применением различных подходов в контексте взаимосвязи национального и регионального развития с тенденциями общемирового процесса. События конца XX – начала XXI вв. должны быть проанализированы на трехуровневой основе изучения национальных, региональных и глобальных аспектов. Системное и комплексное изучение новейшей истории позволяет определить и спрогнозировать ожидаемые тенденции в развитии государства и общества – как среднесрочные, так и долгосрочные, а также приоритеты межгосударственных взаимоотношений в Центральной Азии с учетом региональных и глобальных процессов.

Современные условия и необходимость многостороннего сотрудничества требуют от новых независимых стран региона поиска новых форм взаимоотношений и кооперации как между собой, так и с другими странами в различных областях экономики, политики и культуры. Государства региона совместно реализовали идею «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия», создали Форум глав государств региона, однако уровень внутрирегиональной торговли нуждается в расширении, требуют полного разрешения вопросы водопользования, делимитации и демаркации некоторых участков межгосударственных границ и др.

Существующий комплекс проблем в Центральной Азии требует расширения и углубления всего спектра отношений, включающих, помимо плодотворного политического и экономического сотрудничества, богатую культурно-гуманитарную составляющую, в том числе творческие и академические связи. Представляется целесообразным, чтобы республики Центральной Азии в целях достижения устойчивости в двух- и многосторонних связях интенсифицировали усилия в реализации совместных интеграционных проектов, создании новых механизмов многостороннего экономического партнерства, развитии международного и регионального туризма и др. Дальнейшее расширение и углубление политического и экономического сотрудничества и институционализации многостороннего партнерства между республиками будет иметь важное значение в обеспечении безопасности и стабильного развития Центральной Азии.

Литература

1. Starr S.F. Lost Enlightenment. Central Asia`s golden age. From Arab conquest to Tamerlane // Princeton University Press. – 2013.
2. Mez A. Die Renaissance des Islams. Heidelberg. 1922.

3. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972.
4. Жизнь генерала Ань Пу является свидетельством исторических взаимосвязей между китайским и узбекским народами – китайский эксперт // Russian News. – 2019. – June 21 // https://russian.news.cn/2019-06/21/c_138161529.htm (Accessed January 22, 2024)
5. Jackson R., Sorensen G. Introduction to International relations: theories and approaches. Oxford University Press. 2016.
6. Comhey P. «The politics of Foreign Policy in Japan and the United States» in Peter Cowhey and Mathew D. McCubbins, eds., Structure and Policy in Japan and the United States. New York: Cambridge University Press, 1995.
7. Deutsch K. The analysis of international relations. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1988.
8. UN Resolution on «Sustainable tourism and sustainable development in Central Asia». Resolution A/RES/74/214 adopted by the General Assembly UN 24 January 2020; UN Resolution on «Declaring the Aral Sea region a zone of ecological innovations and technologies». Resolution A/75/L.83/Add.1 adopted by the General Assembly UN 18 May 2021; UN Resolution on «Strengthening connectivity between Central and South Asia». Resolution A/76/L.68 adopted by the General Assembly UN 27 June 2022; UN Resolution on «International Day for Disarmament and Non-Proliferation Awareness». Resolution A/RES/77/51 adopted by the General Assembly on 7 December 2022; UN Resolution on «Sustainable Mountain development». Resolution A/RES/77/172 adopted by the General Assembly on 14 December 2022; UN Resolution on «International Year of Glaciers' Preservation, 2025». Resolution A/C.2/77/L.17/Rev.1 adopted by the General Assembly on 9 November 2022. UN Resolution on «Addressing the legacy of nuclear weapons: providing victim assistance and environmental remediation to Member States affected by the use or testing of nuclear weapons». Resolution A/RES/78/240 adopted by the General Assembly on 22 December 2023; UN Resolution on «International Year of Sustainable and Resilient Tourism, 2027». Resolution A/78/L.42 adopted by the General Assembly UN 19 February 2024 и др.
9. Dadabaev T. Decolonizing Central Asian International Relations. Beyond empires. Routledge. 2022.
10. WTTC. Economic research impact // https://wttc.org/research/economic-impact. Data assessed: 20.07.2024.
11. Современные международные отношения: учебник / под. ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, 2012.
12. Lechner F., Boli J. (eds). The Globalization readers. Blackwell Publishing. 2006.
13. Neustadt R. and May E. Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers. New York, 1986.
14. Cox R.W. On thinking about future world order. In Theories of international relations. Volume 3. Approaches to International Relations: Structualism Eds. Stephen Chan and Cerwyn Moore. SAGE publication. 2006.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СВЯЗАННОСТЬ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ОГРАНИЧЕНИЯ, ПРАКТИКИ

Додонов Вячеслав
Институт философии, политологии и религиоведения
Комитет науки Министерства науки и высшего образования
Республики Казахстан
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Казахстан, Алматы

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В МУЛЬТИПОЛЯРНОМ МИРЕ

Абстракт: *Позиционирование государств Центральной Азии, как и региона в целом, в мировой экономике, а также перспективы региональной интеграции в значительной мере обусловливаются процессами формирования мультиполярного мира, в ходе которых происходит укрепление новых центров экономической силы и вызванное этим фактором смещение векторов двустороннего и регионального сотрудничества в сторону этих новых центров. В странах Центральной Азии также наблюдаются соответствующие тенденции, которые выражаются в усилении экономических взаимосвязей с ведущими экономиками Азии, в частности с КНР и с Россией, при их ослаблении с Европой. В крупнейшей экономике региона – в Казахстане, на который приходится основной объем региональных показателей внешнеэкономического сотрудничества, эти тенденции зримо проявились в увеличении в течение последнего десятилетия удельного веса КНР и России в основных сферах экономического взаимодействия, включая внешнюю торговлю и взаимные инвестиции, при заметном сокращении в соответствующих показателях доли стран ЕС. Смещение векторов экономического сотрудничества на внешнем контуре Центральной Азии сопровождается некоторой активизацией внутрирегиональных связей, которые, однако, остаются недостаточно значимыми в большинстве ключевых сфер, а в некоторых из них, в частности в области взаимных инвестиций, практически отсутствуют. Ограниченный экономический потенциал стран региона и слабая связанность их экономик не позволяют прогнозировать*

успешность гипотетических проектов центральноазиатской интеграции, однако усиление присутствия новых центров мировой экономики может способствовать дальнейшему увеличению этой связанности и укреплению регионального сотрудничества, даже без реализации интеграционных проектов.

Ключевые слова: *региональная интеграция, международное экономическое сотрудничество, внешняя торговля, иностранные инвестиции, мультиполярный мир.*

Рассматривая перспективы позиционирования стран Центральной Азии (ЦА) в мире, переживающем быстрые и достаточно радикальные изменения, в том числе в части трансформации экономических процессов, необходимо учитывать ряд факторов. В числе таких факторов, определяющих предпосылки, возможности и направления позиционирования стран ЦА в отношениях с экономическими партнерами – как традиционными, так и новыми, – можно выделить экономический потенциал этих стран, возможности усиления внутрирегионального сотрудничества с перспективой выхода на гипотетическую региональную интеграцию и реалии экономического сотрудничества с основными центрами мультиполярного мира.

Оценивая предпосылки и возможности позиционирования стран ЦА или региона в целом, следует исходить из их экономического потенциала, который отражают совокупные параметры пяти постсоветских государств. Эти параметры, характеризующие как перспективы международной кооперации, так и потенциал гипотетических региональных интеграционных проектов, остаются достаточно скромными при сопоставлении не только с мировыми показателями, но и в масштабе развивающихся экономик или на континентальном уровне (рис. 1).

На регион приходится в среднем около 0,5-1% основных макроэкономических параметров мира и 1-1,5% показателей Азии (исключением является показатель накопленных иностранных инвестиций). При этом удельный вес региона в населении выше, чем его доля в экономических показателях, что свидетельствует о меньших (даже на уровне развивающихся экономик и стран Азии) подушевых показателях ЦА, то есть и о меньшей эффективности центральноазиатских экономик. Особое внимание обращает на себя очень низкий удельный вес инвестиций стран ЦА, накопленных за рубежом, который характеризует их крайне ограниченную способность выступать в качестве инвесторов. Эта особенность имеет критическое значение при оценке перспектив

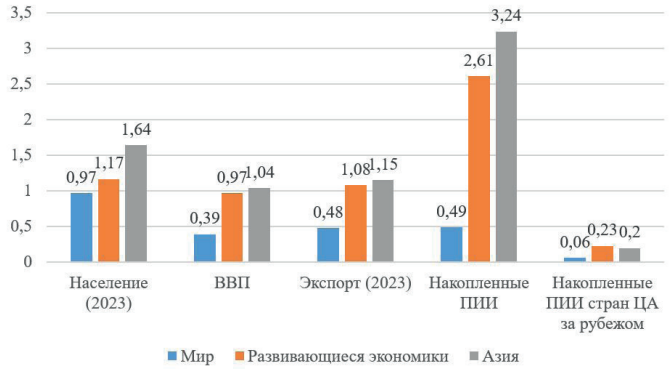


Рисунок 1. Совокупный удельный вес пяти стран Центральной Азии в основных макроэкономических показателях мира, развивающихся экономик и азиатских государств в 2022 году, если не указано иное, %[1]. Прим.: ПИИ – прямые иностранные инвестиции.

проектов региональной интеграции, которая традиционно базируется на активном инвестиционном взаимодействии. Страны ЦА фактически не имеют ресурсов для взаимных инвестиций, способных поддержать такое сотрудничество в рамках региональной интеграции, так как в настоящее время совокупный объем их инвестиций за рубеж составляет всего 22,5 млрд долл., 22 млрд из которых приходится на Казахстан.

Неравномерность и диспропорции в экономическом потенциале стран ЦА, проявляющиеся в существенном различии удельного веса экономических параметров, также имеют значение в контексте оценки позиционирования региона в мультиполярном мире. В настоящее время наблюдается высокая дифференциация экономических показателей этих государств с доминирующей ролью в них Казахстана, который с большим отрывом лидирует по всем параметрам, за исключением численности населения (табл. 1). На Казахстан приходится большая часть совокупного ВВП региона, почти 70% его экспорта, более 70% прямых иностранных инвестиций (ПИИ), накопленных в Центральной Азии, и практически все прямые инвестиции за рубеж, которые были осуществлены странами ЦА.

Тот факт, что основной объем макроэкономических параметров региона и показателей его внешнеэкономического сотрудничества приходится на одну страну, имеет большое значение в контексте рассуждений о позиционировании региона в мультиполярном мире,

[1] Рассчитано автором по данным UNCTAD: Data centre. UNCTAD Statistics. https://unctadstat.unctad.org/datacentre/ (дата обращения: 24.06.2024).

векторах его международного сотрудничества и прочих аспектах взаимодействия Центральной Азии с внешними акторами. Это значение определяется тем, что, в силу высокой концентрации показателей внешнеэкономического сотрудничества региона, его особенности будут определяться особенностями этого сотрудничества Казахстана. Образно говоря, параметры внешней торговли Центральной Азии будут конгруэнтны этим параметрам Казахстана. В еще большей степени это относится к международному инвестиционному сотрудничеству, совместному предпринимательству, торговле услугами и другим сферам экономического взаимодействия, где на Казахстан приходится основная доля региональных показателей.

Таблица 1. Абсолютные объемы и удельный вес стран Центральной Азии в основных экономических показателях региона по итогам 2022 года, если не указано иное[2].

		Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Всего
Население (2023)	млн чел	19,6	6,7	10,1	6,5	35,2	78,1
	%	25,1	8,6	12,9	8,3	45,1	
ВВП	млрд долл.	225,5	10,9	10,5	67	80,4	394,3
	%	57,2	2,8	2,7	17,0	20,4	
Экспорт (2023)	млрд долл.	78,5	3,3	1,7	9,9	20	113,4
	%	69,2	2,9	1,5	8,7	17,6	
Накопленные ПИИ	млрд долл.	154,2	3,8	3,3	41,5	13,6	216,4
	%	71,3	1,8	1,5	19,2	6,3	
Накопленные прямые инвестиции за рубеж	млрд долл.	22	0,02	0,3	н/д	0,2	22,52
	%	97,8	0,0	0,1	н/д	0,1	

Обратной стороной высокой концентрации экономических показателей ЦА является то, что влияние на них малых экономик региона практически отсутствует, что также имеет значение в контексте оценки перспектив и особенностей экономического позиционирования региона, агрегированные показатели которого будут определяться показателями Казахстана с практически отсутствующим влиянием на них Кыргызстана и Таджикистана. Практическая значимость этого тезиса состоит в том, что если векторы экономического сотрудничества малых экономик региона по каким-то причинам изменятся и даже полностью переориентируются с одного экономического центра на другой (например, с России на Китай или с США на ЕС), эти сдвиги не окажут статистически значимого влияния

[2] Рассчитано автором по данным UNCTAD: Data centre. UNCTAD Statistics. https://unctadstat.unctad.org/datacentre/ (дата обращения: 24.06.2024).

на общие для региона показатели экономического сотрудничества, определяемые казахстанской ситуацией. Напротив, если произойдут некие сдвиги в экономическом сотрудничестве Казахстана, это немедленно отразится и на статистике регионального уровня, почти вне зависимости от того, что происходит в других экономиках ЦА. Этот аспект важно учитывать при анализе и прогнозе тенденций сотрудничества стран региона и его позиционировании в мировой экономике.

Ведущая роль Казахстана оказывает значительное влияние на показатели экономического сотрудничества не только на внешнем контуре, но и внутри региона. Показатели связанности экономик ЦА, а также динамика внутрирегионального сотрудничества в значительной мере определяются тем, насколько интенсивно каждая из них взаимодействует с Казахстаном, который является ведущим региональным партнером для большинства стран, за исключением Туркменистана. Соответственно, оценивать прогресс экономического сотрудничества внутри региона также можно на основе анализа показателей Казахстана, которые вносят основной вклад в региональные объемы торговли, инвестиций и пр. Кроме того, анализ тенденций экономического сотрудничества на основе казахстанских показателей зачастую является единственной возможностью для соответствующих оценок в связи с тем, что в некоторых странах ЦА нет достаточно полной статистики, даже наиболее общего характера, в частности по взаимной торговле с другими региональными партнерами, тем более по таким специфическим показателям, как взаимные инвестиции или торговля услугами.

Рассматривая в этом контексте показатели экономического сотрудничества Казахстана с государствами региона, можно оценить тенденции, состояние и перспективы укрепления экономического сотрудничества в Центральной Азии и сделать некоторые выводы относительно гипотетических интеграционных проектов. В торговле Казахстана со странами Центральной Азии можно выделить три этапа. На первом этапе в течение первых лет независимости сохранялись относительно тесные хозяйственные связи, сформированные в советский период, что отражалось и на высоких показателях удельного веса этих стран во внешней торговле Казахстана: так, в 1994 году совокупная доля четырех республик региона в товарообороте составляла 13,1%. На втором этапе как абсолютные, так и относительные параметры торговли Казахстана с государствами Центральной Азии сокращались, что было обусловлено как острыми экономическими проблемами в этих государствах (а в некоторых случаях и внутренней политической нестабильностью), так и бурным развитием торговли Казахстана на новых направлениях. В этот период, длившийся

до десятых годов XXI века, роль Центральной Азии как внешнеторгового партнера Казахстана снижалась с падением удельного веса четырех стран региона до минимума в 2,6%, зафиксированного в 2011 году. После этого начался третий этап, который характеризуется тенденцией постепенного увеличения как абсолютного, так и относительного объема внешней торговли (рис. 2).

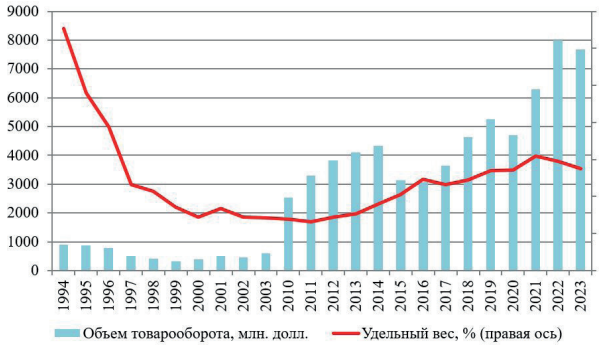


Рисунок 2. Динамика параметров внешней торговли Казахстана со странами Центральной Азии[3].

Динамика товарооборота Казахстана со странами ЦА в течение последнего десятилетия быстро растет, что отражает тенденцию усиления сотрудничества в этой области, в том числе на уровне региона в целом. В то же время даже совокупная доля всех четырех экономик во внешней торговле страны до настоящего времени не превышает 6%, а единственным государством региона, которое входит в первую десятку торговых партнеров Казахстана, является Узбекистан. Роль Казахстана как торгового партнера для некоторых стран региона выше: так, Казахстан занимает третье место по объему товарооборота в Кыргызстане (в 2020 году) после России и Китая, также значима роль страны в торговле с Узбекистаном и Таджикистаном. Но доля Казахстана, даже при его более высокой значимости, остается умеренной, составляя порядка 7-14% для различных государств (за исключением Туркменистана, где она значительно ниже).

Другим основным направлением экономического сотрудничества являются взаимные инвестиции, и в данном случае ситуация значительно хуже, чем в области внешней торговли. Ранее отмечалось, что страны ЦА имеют

[3] Рассчитано автором по данным Бюро национальной статистики: Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6 (дата обращения: 27.06.2024).

крайне скромные возможности как инвесторы партнерских экономик, и этот факт в полной мере отражает статистика взаимных инвестиций, в частности инвестиций Казахстана. Ни одно из государств региона не входит даже в первую двадцатку инвесторов Казахстана, годовые показатели валового притока прямых инвестиций из большинства этих стран близки к нулю и даже совокупные объемы по всем четырем странам имеют крайне незначительный удельный вес в агрегированных параметрах международного инвестиционного сотрудничества Казахстана. Так, по состоянию на 01.01.2024 г. удельный вес всех четырех стран Центральной Азии в общем объеме накопленных в Казахстане иностранных инвестиций составил лишь 0,3% (821 млн долл. США).

Рассматривая инвестиционное сотрудничество со странами региона, необходимо отметить, что в данном случае Казахстан выступает не в традиционной для себя роли реципиента иностранных инвестиций, а в роли нетто-инвестора. Казахстан имеет положительную инвестиционную позицию с каждым из четырех государств региона и со всеми ними в совокупности, что означает, что объем накопленных казахстанских инвестиций в этих странах больше, чем объем накопленных ими инвестиций в Казахстане. Однако и в данном аспекте роль Центральной Азии в инвестиционной деятельности Казахстана не слишком заметна – по состоянию на 01.01.2024 г. объем накопленных во всех государствах региона казахстанских инвестиций составил лишь 1,2% от агрегированного показателя.

Несмотря на незначительные объемы взаимного инвестирования, в течение последнего десятилетия процесс инвестиционного сотрудничества Казахстана и стран региона активизировался, хотя этот прогресс был достигнут только за счет Узбекистана. С 2013 по 2023 годы произошло более чем двукратное увеличение совокупного объема накопленных казахстанских инвестиций в регионе (табл. 2).

Основной объем прироста накопленных инвестиций из Казахстана в страны Центральной Азии за последние десять лет был обеспечен за счет пятикратного роста инвестиций в Узбекистан, тогда как накопленные инвестиции в остальные страны региона сократились.

Показатели экономического сотрудничества Казахстана со странами ЦА в двух основных сферах – торговле и инвестициях – отражают тот факт, что, несмотря на активизацию этого сотрудничества в последние годы, его объемы и удельный вес государств региона в агрегированных показателях остаются низкими. Незначительная роль стран ЦА в торговле с Казахстаном так же, как и умеренный удельный вес Казахстана в их

внешнеторговом обороте, ставят под вопрос возможности создания неких интеграционных объединений, поскольку такие объединения предполагают преференциальный режим отношений относительно других партнеров, что вряд ли возможно в условиях, когда эти преференции создаются в интересах оживления очень небольших объемов сотрудничества. Еще меньшие основания для положительной оценки перспектив гипотетических интеграционных проектов создает взаимное инвестиционное сотрудничество, которое характеризуется мизерными объемами даже между двумя ведущими экономиками региона – Казахстаном и Узбекистаном. Между тем именно перспективы привлечения масштабных иностранных инвестиций являются одним из основных мотивов организации интеграционных объединений или вступления в них новых членов. Таким образом, текущее состояние сотрудничества стран ЦА, которое объективно обусловлено уровнем их экономического потенциала, не позволяет оценивать перспективы регионализации как реальные, ввиду недостаточной базы для радикальной активизации этого сотрудничества с его последующей эволюцией в некое жизнеспособное региональное объединение.

Таблица 2. Изменение объема накопленных в странах Центральной Азии инвестиций всех видов из Казахстана в 2013-2023 гг., млн долл. США[4].

	На 01.07.2013	На 01.01.2024	Изменение, %
Кыргызстан	597,0	571,1	-4,3
Таджикистан	131,2	90,1	-31,3
Туркменистан	25,5	20,9	-18
Узбекистан	273,6	1637	498,3
Всего	1027,4	2319,2	125,7

Активизация внутрирегионального сотрудничества стран ЦА не привносит значительных изменений в распределение векторов международного взаимодействия, ввиду невысокого экономического потенциала государств региона, однако такие изменения происходят под влиянием внешних факторов. Наиболее важным из таких факторов является формирование мультиполярного мира, которое, применительно к экономическому измерению, характеризуется быстрым ростом значимости Азии в мировой экономике и снижением роли Европы. Эти две тенденции обусловливают сдвиги векторов экономического сотрудничества, в частности у Казахстана, который, как было продемонстрировано ранее, в

[4] Рассчитано автором по данным Бюро национальной статистики: Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6 (дата обращения: 27.06.2024).

значительной мере определяет и картину международного сотрудничества всего региона Центральной Азии из-за высокого удельного веса своих показателей в региональных. Рассматривая же изменения в международном сотрудничестве Казахстана с основными полюсами формирующегося многополярного мира, следует отметить, что у страны три основных партнера в сфере экономики, представляющие эти полюса, – ЕС, Россия и Китай. И экономические взаимосвязи Казахстана с этими тремя партнерами наглядно демонстрируют происходящие как в мире, так и в Центральной Азии сдвиги, ведущие к формированию мультиполярной глобальной экономики.

На ЕС, Россию и Китай приходится большая часть объема основных макроэкономических показателей международного сотрудничества Казахстана во всех сферах. Так, по итогам 2023 года совокупный удельный вес этих трех экономик составил в торговле товарами – 71,6% (на ЕС пришлось 30,5%, на Китай – 22,5%, на Россию – 18,6%), 54,4% – накопленных в Казахстане иностранных инвестиций всех видов (соответственно, 41,7%, 5,6%, 7,1%), 66,9% – валового притока прямых иностранных инвестиций (47,5%, 7,1%, 12,3%). Принимая во внимание тот факт, что, как отмечено ранее, Казахстан вносит основной вклад в параметры сотрудничества Центральной Азии в целом по этим направлениям, данные цифры характеризуют в общем и отношения региона с ЕС, КНР и Россией.

Текущие показатели сотрудничества значительно отличаются от параметров десятилетней давности, так как только за период 2014-2023 годов произошли существенные сдвиги по основным их направлениям. В частности, заметно изменилась структура внешнеторгового оборота Казахстана на трех направлениях (рис. 3). Доля ЕС в объеме внешней торговли Казахстана за десять лет сократилась с 44 до 30,5%, тогда как доля Китая выросла с 14 до 22,5%, а России – с 16,7 до 18,6%. Изменение ролей ЕС и Китая во внешней торговле Казахстана отражает более общую тенденцию снижения значимости Европы и роста Азии (помимо Китая) в качестве экономических партнеров. За последние десять лет доля Азии выросла с 24,6 до 38,3%, и это направление стало основным в торговле Казахстана, сместив Европу с первой позиции, которую та ранее занимала с удельным весом в 48,2% (в 2014 году), снизившимся к 2023 году до 31,6%.

Аналогичная ситуация наблюдается и в других направлениях экономического сотрудничества, где также происходит смещение вектора с европейского направления на китайское и российское. Характерным примером в этом отношении является сфера взаимных инвестиций, в которой ЕС является традиционным лидером на протяжении практически

всей истории существования независимого Казахстана, поскольку страны союза имеют максимальный совокупный удельный вес в накопленных в стране иностранных инвестициях. Однако в течение последнего десятилетия и в этой сфере ЕС сдает позиции. Так, объем чистого притока ПИИ из государств Евросоюза, который ранее в разы превышал аналогичный показатель Китая и России, с 2017 года снизился до их уровня, при этом нередки стали годы, в которые этот показатель опускался ниже нуля, то есть вывод инвестиций в страны ЕС превышал их приток (рис. 4). Напротив, в эти же годы приток ПИИ из Китая и России увеличился. В результате в период 2018-2023 годов совокупный объем чистого притока ПИИ из ЕС (1,3 млрд долл.) стал ниже российского показателя (3,4 млрд долл.) и немногим более китайского (0,7 млрд долл.).

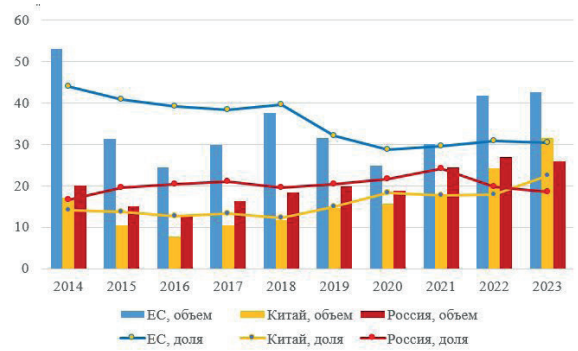


Рисунок 3. Динамика объема и удельного веса ЕС, Китая и России во внешней торговле Казахстана[5].

Сокращение чистого притока ПИИ из ЕС привело и к изменениям в основном показателе, отражающем состояние инвестиционного сотрудничества, – объеме накопленных иностранных инвестиций всех видов. С 2014 по 2023 годы этот показатель для ЕС сократился со 119,4 до 106,7 млрд долл. (на 10,6%), тогда как для России вырос с 6,9 до 18,2 млрд, то есть в 2,6 раза. Китайский показатель также сократился – с 18,7 до 14,3 млрд долл. (на 23,5%). Эти изменения привели к сдвигам в удельном весе трех основных партнеров Казахстана в структуре обязательств по международной инвестиционной позиции, отражающей объем накопленных в стране иностранных инвестиций всех видов (рис. 5). При этом следует отметить, что схожие изменения произошли и в части активов, то есть инвестиций из Казахстана за рубеж, где также отмечено существенное сокращение доли стран ЕС при росте удельного веса Китая и России.

[5] Рассчитано автором по данным следующего источника: Статистика внешней, взаимной торговли и товарных рынков. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/

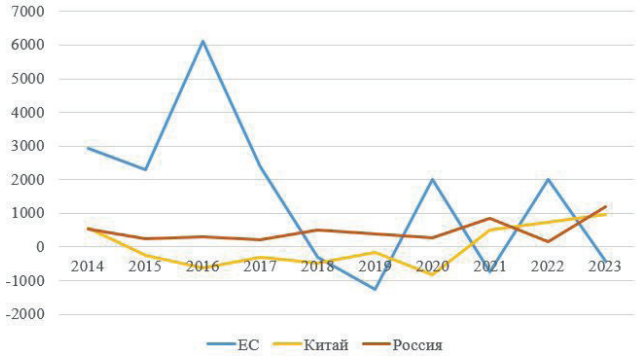


Рисунок 4. Динамика объема чистого притока прямых иностранных инвестиций из ЕС, России и Китая в Казахстан, млн долл. США[6].

Эти данные демонстрируют, что в течение последнего десятилетия инвестиционное сотрудничество Казахстана с тремя основными экономическими партнерами характеризовалось явно выраженным снижением роли стран ЕС при значительной его активизации с Россией и противоречивыми тенденциями на китайском направлении. Впрочем, в отношении китайского направления надо отметить, что большая часть входящих в Казахстан инвестиций по линии компаний КНР попадает в европейскую статистику, поскольку осуществляется дочерними структурами китайских нефтяных компаний, зарегистрированными в Нидерландах. Также можно отметить, что в настоящее время китайские инвесторы начинают ряд крупномасштабных проектов в Казахстане, которые радикально изменят показатели сотрудничества в течение нескольких предстоящих лет.

Поскольку, как указывалось ранее, на Казахстан приходится более 70% накопленных иностранных инвестиций в страны Центральной Азии и почти 98% инвестиций за рубеж из стран региона, рассмотренные тенденции инвестиционного сотрудничества Казахстана с ЕС, КНР и Россией можно экстраполировать и на общерегиональный уровень. И эти тенденции наглядно демонстрируют происходящие сдвиги в векторах экономического сотрудничества центральноазиатских государств с различными полюсами формирующегося мультиполярного мира, которые обусловливаются изменением роли этих полюсов в глобальной экономике. В процессе снижения в ней значимости прежних лидеров, которое выражается в сокращении их удельного веса в промышленности, ВВП, мировой торговле,

[6] Рассчитано автором по данным следующего источника: Net flow of direct investment in Kazakhstan (in the dynamic). National Bank of Kazakhstan. https://www.nationalbank.kz/en/news/pryamye-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya

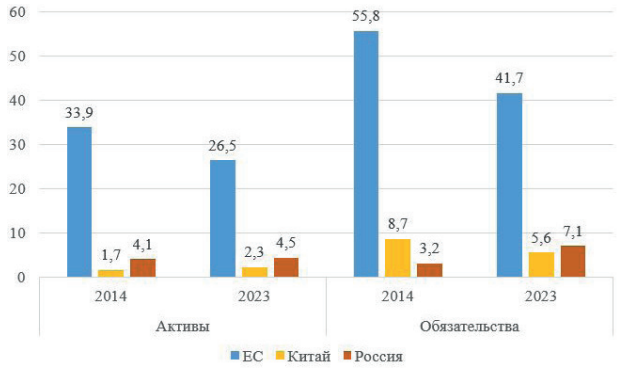


Рисунок 5. Изменение удельного веса ЕС, КНР и России в параметрах международной инвестиционной позиции Казахстана в 2014-2023 годах[7].

инвестициях, потреблении сырья (в том числе производимого странами ЦА), и в результате роста значимости новых центров экономической силы, прежде всего ведущих азиатских экономик, происходит закономерное смещение акцентов сотрудничества государств региона к этим центрам. Эти процессы отражаются в рассмотренных в статье экономических показателях и, очевидно, будут продолжаться и укрепляться, особенно в условиях становления и развития проектов и инициатив, направленных на дальнейшую активизацию сотрудничества, таких, как BRI, ЕАЭС, BRICS+, при отсутствии таковых со стороны прежних лидеров мировой экономики.

Литература

1. Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual // Data centre. UNCTAD Statistics // https://unctadstat.unctad.org/datacentre
2. Total and urban population, annual // Data centre. UNCTAD Statistics // https://unctadstat.unctad.org/datacentre
3. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual // Data centre. UNCTAD Statistics // https://unctadstat.unctad.org/datacentre
4. Merchandise: Total trade and share, annual // Data centre. UNCTAD Statistics // https://unctadstat.unctad.org/datacentre
5. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // https://stat.gov.kz/official/industry/31/statistic/6

[7] Рассчитано автором по данным следующего источника: International Investment Position. National Bank of Kazakhstan. https://www.nationalbank.kz/en/news/mezhdunarodnaya-investicionnaya-poziciya

6. Международная инвестиционная позиция. Статистика внешнего сектора // Национальный банк Казахстана // https://nationalbank.kz/ru/news/mezhdunarodnaya-investicionnaya-poziciya
7. Статистика внешней, взаимной торговли и товарных рынков // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/
8. Net flow of direct investment in Kazakhstan (in the dynamic) // National Bank of Kazakhstan // https://www.nationalbank.kz/en/news/pryamye-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya
9. International Investment Position // National Bank of Kazakhstan. https://www.nationalbank.kz/en/news/mezhdunarodnaya-investicionnaya-poziciya

Пархомчик Лидия
Институт мировой экономики и политики (ИМЭП)
Программа «Евразийских исследований» главный эксперт
Казахстан, Алматы

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СВЯЗАННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

Абстракт: *Современная логистика вынуждена адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Влияние последствий COVID-2019, а также неустойчивая геополитическая ситуация требуют быстрой реакции и новых подходов к постоянно возникающим проблемам.*

Повышение конкурентоспособности транспортной отрасли становится одним из ключевых приоритетов для Казахстана и стран Центральной Азии в целом. Регион находится в фокусе внимания таких транспортных инициатив, как китайский проект «Пояс и путь» и европейский проект Global Gate Way. В итоге транспортно-логистический сектор стран региона нуждается в большей гибкости по отношению к меняющейся конъюнктуре рынка.

В данном контексте в статье рассматриваются региональные аспекты транспортного взаимодействия между странами «центральноазиатской» пятерки. Проводится анализ «совместимости» национальных транспортных систем друг с другом, а также влияния внерегиональных игроков на формирование транспортной повестки.

Ключевые слова: *транспортная связность, транспортные коридоры, Транскаспийский международный транспортный маршрут, проект «Пояс и путь», Global Gateway, Центральная Азия, Европа.*

В современных условиях потребность в новых перспективных трансконтинентальных транзитных коридорах продолжает возрастать. Казахстан, как и остальные страны Центральной Азии, четко обозначил

текущие приоритеты – развиваться как надежный региональный транзитный хаб. В этом контексте стремление выстроить координацию транспортных систем стран региона с глобальной транспортной системой выглядит вполне закономерно.

Из-за особенностей географического положения страны Центральной Азии не имеют прямого доступа к морским транспортным коридорам. Это обстоятельство предполагает, что к начальной стоимости экспортируемых и импортируемых товаров прибавляется дополнительная стоимость на транспортные услуги.

Так, согласно оценке Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), транспортно-транзитные расходы государств региона достигают 60% стоимости импортируемых товаров [1, с. 12]. При этом континентальность снижает темпы роста стран Центральной Азии на 1,5% по сравнению со странами, имеющими выход к морю [2, с. 2].

В итоге эффективность региональной транспортной системы Центральной Азии остается недостаточно высокой. Наблюдаются противоречия в подходах к выстраиванию транспортной политики на национальном уровне.

Согласно проведенному исследованию Всемирного банка, страны Центральной Азии являются одними из наименее «соединенных» экономик в мире. Индикатор связанности в регионе в среднем составляет менее 60% по коэффициенту транспортного доступа в отношении к глобальному ВВП – это самый низкий показатель по данной шкале [3].

За последние несколько десятилетий страны Центральной Азии направили значительные средства в развитие инфраструктуры. Только Казахстан за последние 15 лет инвестировал в транспортную отрасль порядка $35 млрд. Однако регион по-прежнему отстает от других стран как по объемам инфраструктурных инвестиций, так и по поддержанию эксплуатационного состояния инфраструктуры. Наглядным тому подтверждением являются результаты последнего Индекса эффективности логистики (LPI) Всемирного банка.

В 2023 году наилучшую позицию в регионе по-прежнему занимал Казахстан – 79-е место в рейтинге из 160 стран. За ним следуют Узбекистан – 88-е место, Таджикистан – 97-е место, Кыргызстан – 123-е место.

Таблица 1. Динамика развития индекса эффективности логистики стран Центральной Азии.

	2010		2023	
	Позиция	Индекс	Позиция	Индекс
Казахстан	62	2,83	79 ↓	2,7 ↓
Узбекистан	68	2,79	88 ↓	2,6 ↓
Таджикистан	131	2,35	97 ↑	2,5 ↑
Кыргызстан	91	2,62	123 ↓	2,3 ↓

Источник: Logistics Performance Index (LPI).

Несмотря на действия стран региона по развитию транспортной инфраструктуры, индекс LPI снизился по сравнению с 2010 годом практически во всех странах Центральной Азии, кроме Таджикистана. Фактически наблюдается **транспортный парадокс.**

Анализ ситуации в регионе демонстрирует четкую связь между инвестициями в инфраструктуру и валовым региональным продуктом. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР), за последние два десятилетия валовый внутренний продукт (ВВП) стран Центральной Азии превысил $405 млрд, увеличившись в 6 раз, а средний темп экономического роста составил 6,2% – быстрее, чем в развивающихся странах, и более чем в 2 раза быстрее, чем в мире в целом.

Проведенные исследования показывают, что улучшение качества транспортной инфраструктуры в целом на 1% в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане позволит увеличить объемы экспорта на 9,15%, а импорта – на 5,12% [4, с. 6].

Однако рост экономического благосостояния региона и увеличение объемов транспортных перевозок не влекут за собой ожидаемого роста транспортной связности.

Пример Казахстана говорит об имеющихся «искажениях». Так, несмотря на рост ключевых макроэкономических показателей, за последнее десятилетие сфера транспорта и логистики не демонстрировала серьезных структурных изменений, сохраняя свою долю в ВВП страны на уровне средних значений (чуть более 7%). Для сравнения в развитых странах доля транспортной логистики достигает 13-14% от ВВП.

Характерной проблемой казахстанской транспортной отрасли остается высокая доля логистических расходов. Для Казахстана данный показатель составляет порядка 25%, тогда как в развитых экономиках – 11%. С учетом высокой изношенности инфраструктуры экономика страны несет транспортную нагрузку в 2 раза выше, чем в других странах. Подобные проблемы характерны для всех стран Центральной Азии.

Можно резюмировать, что ключевыми вызовами для налаживания транспортной связанности в Центральной Азии являются: проблемы низкой производительности государственных предприятий, которые доминируют в транспортных перевозках всех стран региона; необходимость гармонизации стандартов содействия транспортным перевозкам и торговле, повышения качества инфраструктуры на местном, национальном и региональном уровнях, а также улучшения систем управления процессами и повышения их эффективности.

Центральная Азия – ядро нового Евразийского транспортного каркаса

Несмотря на наличие целого ряда сложностей для повышения эффективности эксплуатации транспортной инфраструктуры в регионе, Центральная Азия имеет возможность стать точкой пересечения сети **сопрягающихся широтных и меридиональных международных транспортных коридоров и маршрутов,** обеспечивающих реализацию транзитного потенциала коридоров, связывающих Китай, Европу и Ближний Восток.

Согласно выводам исследования ЕАБР, Центральная Азия представляет собой транспортный перекресток, через который проходит большинство евразийских транспортных коридоров и маршрутов. Фактически развитие мультимодальных транспортных и транзитных коридоров для стран Центральной Азии является безальтернативным решением, так как формирование транспортного перекрестка позволяет увеличить объемы международных, в том числе транзитных, перевозок и связанных с этим доходов для стран региона. По прогнозу ЕАБР, объемы перевозок грузов по ключевым коридорам, проходящим через Центральную Азию, возрастут к 2030 году в 1,5 раза (до 95 млн тонн). При этом контейнерный трафик вырастет еще значительнее — почти на две трети – до 1,7 млн контейнеров двадцатифутового эквивалента (ДФЭ) [5, с. 8].

Идею того, что Центральная Азия может стать ключевым элементом нового Евразийского транспортного каркаса, разделяют и страны региона, что отразилось в обновленных национальных транспортных стратегиях.

Так, в утвержденной в 2022 году Концепции развития транспортно-логистического потенциала Республики Казахстан до 2030 года была поставлена четкая цель – увеличить объемы транзита через территорию страны до 35 млн тонн, в том числе контейнерного транзита – до 2 млн ДФЭ в 2030 году. При этом было отмечено, что за последние 5 лет ключевыми маршрутами прироста транзита через Казахстан выступили направления «КНР – ЕС – КНР», а также «КНР – ЦА – КНР», «Россия – ЦА – Россия» и Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) – порядка 31% темпов прироста трафика [6].

При этом Ташкент в рамках Стратегии развития транспортной системы Республики Узбекистан до 2035 года поставил себе цель увеличить объемы транзитных перевозок грузов всеми видами транспорта к обозначенному периоду до 16 млн тонн, а при реализации региональных проектов по развитию международных транспортных коридоров – до 23 млн тонн. Особое внимание Узбекистан намерен уделять развитию маршрутов в южном направлении. Так, подчеркивается важность эффективного задействования трансрегионального маршрута «Центральная Азия – Персидский залив», скорейшего формирования Трансафганского коридора с выходом на Южную Азию, а также строительства коридора «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» [7].

Подобные примеры показывают, что страны региона демонстрируют намерение в самом ближайшем будущем реализовать ряд перспективных логистических коридоров. Партнерами по созданию трансевразийских коридоров выступают Китай, Россия, Турция, страны Южного Кавказа и Персидского Залива, а также Южной Азии.

В настоящее время Казахстан особое значение придает расширению транзитных и логистических возможностей в рамках Транскаспийского маршрута. Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) обладает потенциалом стать реальной альтернативой Северному коридору грузоперевозок между Китаем и Европейским Союзом.

В 2024 году объем грузоперевозок по ТМТМ планируется увеличить до 4,2 млн тонн против 2,7 млн тонн в 2023 году. В настоящее время ТМТМ имеет потенциал для грузоперевозок 6 млн тонн в год с последующим увеличением до 10 млн ежегодно.

По итогам семи месяцев 2024 года объемы перевозок увеличились в среднем на 50% как в транзитном сообщении, так и в экспортном и импортном, в сравнении с аналогичными показателями прошлого года.

Таблица 2. Характеристики ключевых транспортных коридоров в Центральной Азии.

Коридоры	Протяженность	Маршрут	Пропускная способность (в год)
Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ)	11 000 км	Китай, Казахстан, Азербайджан, Грузия, Турция/Украина	6 млн тонн, расширение до 20 млн тонн
Международный транспортный коридор «Север – Юг»	6 165 – 7 992 км (в зависимости от маршрута)	Россия, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Иран, Индия	14,7-24,5 млн тонн, расширение до 30 млн тонн
Коридор «Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман»	2 910 км	Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Оман	17 млн тонн
«Лазуритовый коридор»	3 050 – 3 280 км	Афганистан, Туркменистан, Азербайджан, Грузия, Турция	17 млн тонн
Коридор «Китай – Кыргызстан – Узбекистан»	300-500 км	Китай, Кыргызстан, Узбекистан	7-13 млн тонн
Трансафганский коридор (железная дорога «Мазари – Шариф – Герат – Чабахар»)	2 265 км	Узбекистан, Афганистан, Иран	7 млн тонн
Центральноазиатский экономический коридор «Север – Юг» (Трансафганская железная дорога «Мазари – Шариф – Кабул – Пешавар»)	5 900 – 6 340 км (в зависимости от маршрута); (600 км)	Россия, Казахстан, Узбекистан, Афганистан, Пакистан, Индия (Узбекистан, Афганистан, Пакистан)	20 млн тонн

Источник: составлено автором.

По информации национального железнодорожного оператора «Қазақстан Темір Жолы», за первые семь месяцев 2024 года перевозки по ТМТМ составили 2,56 млн тонн, что на 63% больше, чем в аналогичный период прошлого года (1,57 млн тонн). При этом китайский транзит вырос более чем в 14 раз. Наравне с экспортом и транзитом отмечается рост на 50% и импортного грузопотока.

Правительством РК ведется работа по реализации Дорожной карты по устранению «узких мест» и развитию ТМТМ до 2027 года между Казахстаном, Азербайджаном, Турцией и между Казахстаном и Грузией, что позволит увеличить пропускную способность коридора до 10 млн тонн в год.

Если говорить о контейнерном трафике, то после вступления в силу соглашения между правительствами Казахстана и КНР по развитию Транскаспийского международного транспортного маршрута была поставлена задача к 2040 году обеспечить рост перевозок контейнеров до уровня 470 тыс. ДФЭ [8].

Однако при этом доля грузов, перевозимых через ТМТМ в Казахстане по этому коридору, составляет менее 1% от общего объема грузоперевозок железнодорожным и морским транспортом. В итоге можно наблюдать недозагруженность маршрута, даже несмотря на наличие руководящего органа в лице Международной ассоциации «Транскаспийский международный транспортный маршрут», которая обеспечивает регулирование тарифной сетки и налаживает логистические сервисы.

Нужно подчеркнуть, что каждый из действующих или планируемых транспортных коридоров, проходящих через страны Центральной Азии, сталкивается с рядом вызовов.

Во-первых, трафик на большей части маршрутов остается комбинированным – железнодорожным и автомобильным транспортом (морской транспорт задействован при движении по МТК «Север – Юг», ТМТМ и «Лазуритовый коридор»). Подобные сложности возникают из-за отсутствия целых сегментов железнодорожного сообщения.

Так, к примеру, коридоры с наличием трансафганского сегмента – Центральноазиатский экономический коридор «Север – Юг» и Трансафганский коридор – находятся в «тестовом» режиме из-за невозможности проводить перевозки через Афганистан железнодорожным транспортом.

Для полноценного формирования коридора «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» необходимо реализовать проект железной дороги через кыргызскую территорию по маршруту Торугарт – Арпа – Макмал – Джалал-Абад.

Бесшовный трафик по коридору «Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман» невозможен без финализации проекта железной дороги Захедан – Чабахар на иранской территории.

Транспортировки товаров по «Лазуритовому коридору» из Афганистана через Туркменистан в направлении Европы затруднены из-за отсутствия сегментов железной дороги по маршруту Герат – Тургунди и Имамназар – Акина – Андхой.

В итоге ни один из обозначенных маршрутов не загружен в соответствии с расчетной пропускной способностью.

Во-вторых, сроки и объемы инвестиций, необходимые для запуска транспортных коридоров на их полный расчетный пропускной потенциал, остаются неопределенными. Необходимый для строительства коридора бюджет во многом зависит от географических особенностей маршрута.

Так, на развитие инфраструктуры МТК «Север – Юг» было инвестировано $2,1 млрд, до 2030 года будет инвестировано еще $1,5 млрд. При этом потребуется завершить строительство железнодорожных участков Решт – Астара, Решт – Энзели и Захедан – Чабахар.

Строительство проекта железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» может занять около 3-4 лет и будет стоить порядка $5 млрд. На строительство железнодорожной ветки Мазари – Шариф – Кабул – Пешавар планируется потратить от $5 млрд до $8 млрд. Строительство инфраструктуры «Лазуритового коридора» предполагает инвестиции в размере $2 млрд. Строительство Трансафганского коридора по линии железной дороги Мазари – Шариф – Герат – Чабахар оценивается в $4,8 млрд.

Однако данные цифры и сроки не являются окончательными, так как финальная стоимость может быть определена лишь по завершении технико-экономического обоснования проекта. Более того, недостаток финансовых средств на строительство вынуждает обращаться к внешним заимствованиям через механизмы крупных международных банков: Всемирный банк, Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, Исламский банк развития и др. Эта необходимость также приводит к затягиванию сроков реализации проектов.

Очевидно, что дальнейшее функционирование коридоров будет зависеть от эффективности их организационного управления. Ни один коридор пока не готов к созданию единой управляющей логистической компании. Наличие межгосударственных соглашений о формировании коридора не позволяет «сводить» в единую статистику общие объемы грузопотоков на маршрутах. Нужно признать, что практическая работа по согласованию тарифной политики в рамках маршрута без управляющей компании излишне зависима от бюрократических процедур и не поспевает за изменениями ценовой конъюнктуры на рынке.

Исключением можно считать прогресс, который был достигнут участниками ТМТМ. Изначально для развития маршрута была образована

Международная ассоциация, в которую вошли представители железнодорожных и портовых администраций Казахстана, Азербайджана, Грузии и Турции. В ноябре 2023 года для увеличения объемов перевозок грузов железнодорожные организации Казахстана, Азербайджана и Грузии создали совместное предприятие Middle Corridor Multimodal Ltd., которое позволит оказывать услуги в формате «единого окна» [9].

В целом можно заключить, что текущий набор проблемных аспектов, с которыми сталкиваются страны Центральной Азии при создании новых транспортных коридоров, может быть разрешен при наличии устойчивого интереса к маршрутам у внерегиональных партнеров.

Очевидно, что при запуске маршрутов по направлению Север – Юг произойдет полное перераспределение торговых потоков с Южной Азией, в первую очередь с Пакистаном и Индией. Заинтересованность Китая в развитии пакистанских портовых мощностей является дополнительным стимулом для данного логистического направления, так как увеличивается вероятность перенаправления части китайских грузов в южном направлении через страны Центральной Азии.

На популяризацию транскаспийских перевозок продолжают работать такие маршруты, как ТМТМ, «Лазуритовый коридор» и коридор «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Именно на маршрутах по линии Восток – Запад наблюдается потенциал для кооперации между европейскими и китайскими грузоотправителями, которые заинтересованы в расширении количества альтернативных трансевразийских логистических коридоров.

Потенциал сопряжения китайского проекта «Пояс и путь» и европейской инициативы Global Gateway

В настоящее время Китай продолжает приоритезировать трансевразийские сухопутные коридоры и не собирается отказываться от евразийских маршрутов транзитных перевозок в ЕС. Пекин готов расширять количество маршрутов в рамках сервиса грузовых железнодорожных перевозок Китай – Европа (CEFT). Сегодня сеть грузовых поездов Китай – Европа охватывает 223 города в 25 европейских странах и соединяет более 100 городов в Азии, включая регион Центральной Азии [10].

По данным China State Railway Group, в 2023 году было отправлено более 17,5 тыс. контейнерных поездов в сообщении Китай – Европа, что на 6% выше уровня 2022 года. При этом объем перевозок контейнерными

поездами по сообщению Китай – Европа в 2023 году вырос на 18% в сравнении с уровнем 2022 года.

Фактически китайская сторона демонстрирует готовность при необходимости скорректировать распределение «европейского» трафика из-за снижения транзитных возможностей маршрута через Россию и Беларусь.

В свою очередь запущенная в декабре 2021 года Европейской комиссией инициатива Global Gateway также ставит на повестку дня вопрос развития транспортных коридоров в направлении Европы. Учитывая геополитические риски, связанные с использованием Северного коридора из-за российско-украинского конфликта, ЕС готов сделать ставку на развитие альтернативных маршрутов через страны Центральной Азии.

Так, в рамках данной инициативы в ЕС поставили цель провести масштабное исследование для выявления наиболее устойчивых транспортных коридоров, соединяющих страны Центральной Азии с Трансевропейской транспортной сетью (TEN-T) Европейского союза, и планирования действий по развитию этих транспортных коридоров. Презентованные Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) в мае 2023 года результаты исследования показали, что Центральная Азия обладает значительным транзитным потенциалом в европейском направлении. Прогнозные оценки утверждают, что к 2040 году транзитный потенциал региона может быть увеличен до 865 тыс. ДФЭ.

Однако при этом исследование выявило потребность в серьезных инвестициях в инфраструктуру по всему региону (модернизация/реконструкция существующих железных дорог, увеличение пропускной способности портов, обновление подвижного состава, создание логистических центров, складских помещений) – всего 33 проекта для инвестирования.

По предварительным оценкам ЕБРР, для сопряжения центральноазиатской инфраструктуры с Трансевропейской транспортной сетью потребуется дополнительное инвестирование порядка €18,5 млрд [11, с. 5].

В свою очередь в постпандемийный период Китай пересмотрел свои приоритеты в рамках инициативы «Пояс и путь» по вопросам финансирования. Китайские власти начали ужесточение процедур оценки рисков реализуемых транспортных проектов, что привело к поиску софинансирования со стороны государств-партнеров.

Так, именно определение модели финансирования стало основной проблемой для продвижения проекта железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Китайская сторона не готова выступать в качестве единственного спонсора. В итоге, согласно подписанному в июне 2024 года соглашению, доля Пекина в уставном капитале Совместной проектной компании (СПК) по строительству коридора составит только 51%. Хотя китайская сторона согласилась на выделение кредита в размере $2,3 млрд для СПК, Бишкек и Ташкент также взяли на себя обязательства по финансированию проекта [12].

В этом контексте сопряжение китайской и европейской транспортной инициативы в отношении региона может проходить через призму решения вопросов финансирования проектов. С появлением игрока в лице Европы у китайской стороны отпадает необходимость единолично выступать в качестве кредитора и грантодателя.

На Форуме инвесторов Global Gateway по транспортной взаимосвязанности Европейского Союза и Центральной Азии в январе 2024 года было объявлено о намерении инвестировать €10 млрд в Транскаспийский международный транспортный маршрут. При этом Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) подписал меморандумы о взаимопонимании по софинансированию проектов с Казахстаном, Кыргызской Республикой, Узбекистаном и Банком развития Казахстана на сумму €1,47 млрд. Ожидается, что в перспективе сумма поддержки банком устойчивых транспортных путей в регионе возрастет до €3 млрд.

Пекин и Брюссель также заинтересованы в том, чтобы повысить пропускную способность ТМТМ. В рамках оценки Европейским банком транзитного потенциала стран Центральной Азии именно коридор через Казахстан стал наиболее перспективным маршрутом, позволяющим соединить регион со странами Европы.

С 2023 года Китай активизировал усилия для того, чтобы качественно улучшить сервис на маршруте ТМТМ. В частности, было подписано соглашение между Казахстаном и Китаем по развитию Транскаспийского международного транспортного маршрута, в том числе для контейнерных поездов сообщением Китай – Европа. Также в июле 2024 года национальный железнодорожный оператор «Қазақстан Темір Жолы» и представители «Порта Ляньюньган» подписали соглашение об инвестировании в строительство контейнерного хаба на базе порта Актау.

В свою очередь Европейская комиссия и Казахстан летом 2024 года запустили координационную платформу Транскаспийского транспортного коридора. В задачу созданной платформы будут входить шаги по улучшению транспортной инфраструктуры, повышению безопасности и устойчивости транспортных коридоров.

Заключение

Отчетливо видно, что необходимые условия для повышения внутрирегиональной транспортной связности стран Центральной Азии возникнут только при сочетании подходов развития внутренних транспортных артерий, а также строительства инфраструктуры в рамках международных транспортных коридоров.

Неотъемлемым элементом данного процесса должно стать формирование региональных соглашений, направленных на официальную интеграцию региональных сетей железных дорог, автодорог и сухих портов в единую сеть.

Обнародованные плановые показатели развития транспортной отрасли стран Центральной Азии на ближайшие годы показывают, что в регионе не ожидают скачкообразного увеличения объемов грузового трафика. Для того чтобы в полной мере воспользоваться глобальным переформатированием логистических цепочек, из-за войны в Украине странам предстоит устранить «узкие места» инфраструктуры.

Для Казахстана речь, в частности, идет о реализации проекта строительства линии Достык – Мойынты. Маршрут позволит увеличить пропускную способность участка в 5 раз, тем самым обеспечив рост объема транзитных перевозок между КНР и Европой. Этот проект является составной частью программы развития ТМТМ.

Более того, необходимо обеспечить расширение контейнерного терминала на переходе Достык. В планах к 2025 году увеличить мощность перегруза контейнеров на станции с сегодняшних 344 тыс. ДФЭ до 1,7 млн ДФЭ в год. К этому сроку также планируется завершить строительство контейнерного хаба на базе порта Актау, который уже к 2025 году обеспечит рост контейнеропотока до 300 тыс. ДФЭ в год.

С учетом текущей неопределенности в мировом сегменте логистики доставка через транзитные коридоры в странах Центральной Азии

становится более востребованной. Можно заключить, что именно благодаря транспортной отрасли страны региона способны еще больше интегрировать свою национальную экономику в глобальное экономическое пространство.

Литература

1. UNCTAD. Review of Maritime Transport 2021 // UNCTAD. – 2021. – November 18 // https://unctad.org/system/files/of ficial-document/rmt2021_en_0.pdf.
2. Винокуров Е., Ахунбаев А., Бабаджанян В., Бердигулова А. Экономика Центральной Азии: новый взгляд // Алматы, Бишкек, Москва: Евразийский банк развития. – 2022. – Доклады и рабочие документы. – 22/3 // https://eabr.org/analytics/special-reports/ekonomika-tsentralnoy-azii-novyy-vzglyad/
3. Группа Всемирного Банка. Улучшение транспортной связанности в Центральной Азии требует комплексного подхода // Всемирный банк. – 2021. – Пресс-релиз №: 2021/ECA/77 // https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2021/04/02/improving-transport-connectivity-in-central-asia-requires-a-coherent-approach
4. Karymshakov K., Sulaimanova B. The impact of infrastructure on trade in Central Asia // Asia Europe Journal. – Springer, vol. 19(1), 2021. – P. 5-20.
5 Винокуров Е., Амангельды С., Ахунбаев А., Забоев А. Евразийский транспортный каркас // Алматы: Евразийский банк развития. – 2024. – Доклад 24/6 // https://eabr.org/upload/iblock/6ce/Evraziyskiy-transportnyy-karkas.pdf
6. Концепции развития транспортно-логистического потенциала Республики Казахстан до 2030 года // Управление пассажирского транспорта и автомобильных дорог Акмолинской области. – 2023. – 5 июня // https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-upt/documents/details/478254?lang=ru (Был доступен 15 сентября 2024).
7. Мавланов И.Р. Формирование архитектуры транспортных потоков Узбекистана и Центральной Азии // Logistika. – 2023. – 9 января // https://www.logistika.uz/news/14358
8. Аскаров А. До 470 тысяч контейнеров сможет проходить через ТМТМ к 2040 году // Kapital. – 2024. – 29 мая // https://kapital.kz/economic/126227/do-470-tysyach-konteynerov-smozhet-prokhodit-cherez-tmtm-k-2040-godu.html
9. Бурцева А. Трехстороннее сотрудничество: как функционирует Middle Corridor Multimodal Ltd // Altainews. – 2024. – 10 марта // https://altainews.kz/ru/rubriki/novosti/52858-trehstoronnee-sotrudnichestvo-kak-funkcioniruet-middle-corridor-multimodal-ltd.html.

10. Eurasian Rail Alliance Index (ERAI). Континентальные железнодорожные грузоперевозки Китай – Европа // ERAI. – 2024. – июнь // https://index1520.com/analytics/kontinentalnye-zheleznodorozhnye-gruzoperevozki-kitay-evropa/
11. European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). Sustainable transport connections between Europe and Central Asia Final Report // EBRD. – 2023. – June 30 // https://www.ebrd.com/documents/comms-and-bis/sustainable-transport-connections-between-europe-and-central-asia-pdf.pdf.
12. Нурматов Э. Бишкек выделит более 11 млрд сомов для компании по строительству ж/д дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» // Azzatyk. – 2024. – 14 сентября // https://rus.azattyk.org/a/33120069.html

Голунов Сергей
Сулейман Демирель Университет
доктор политических наук,
профессор
Казахстан, Алматы

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА ЕС И АСЕАН

Абстракт: *Статья посвящена оценке применимости интеграционного опыта ЕС и АСЕАН в условиях Центральной Азии. На основе проведенного анализа автор делает вывод о том, что ни одна из этих двух моделей не может быть полноценно перенесена на центральноазиатскую почву. Вместе с тем отдельные элементы обеих моделей могут быть очень полезны при разработке учитывающих местную специфику подходов к региональной интеграции.*

Ключевые слова: *региональная интеграция, ЕС, АСЕАН, Центральная Азия, разноскоростная интеграция, spillover effect.*

Введение

После распада СССР перспективы реинтеграции стран Центральной Азии, ранее объединенных в едином политико-экономическом пространстве, активно обсуждаются политиками и экспертами. Хотя за тридцать лет независимости значительных успехов в этом направлении достичь не удалось, сегодня наблюдается новый всплеск интереса к этой теме. Промежуточные последствия российско-украинской войны и обострение конфликта между РФ и Западом побуждают государства Центральной Азии к более тесной координации действий для укрепления политической автономии и смягчения последствий частичного разрушения трансконтинентальных логистических связей.

При обсуждении путей углубления интеграции встает вопрос о применимости зарубежного опыта, особенно опыта Европейского союза (ЕС) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). ЕС представляет собой объединение, добившееся наиболее глубокой интеграции без поглощения стран-членов. В свою очередь АСЕАН, несмотря на разнородность экономик, культур и политических систем участвующих государств, демонстрирует более медленный, но при этом устойчивый прогресс, избегая острых разногласий.

В настоящей работе рассматривается опыт ЕС и АСЕАН с их сильными и слабыми сторонами. Особое внимание уделяется применимости этого опыта к гипотетической интеграции в Центральной Азии. Данные вопросы рассматриваются в специально отведенных для этого разделах статьи после краткого обзора проблем и перспектив интеграции в регионе.

Перспективы центральноазиатской интеграции

Проблеме интеграции в Центральной Азии посвящено множество научных и публицистических работ. В значительной их части отмечается, что интеграция стран региона имеет под собой объективные основания. Аналитики указывают на такие благоприятствующие факторы, как общие исторические и культурные идентичности, а также советское наследие в виде взаимосвязанной производственной и транспортной инфраструктуры. Подчеркивается общность интересов и проблем, требующих совместного решения: сопротивление геополитическому давлению великих держав, преодоление логистической изоляции (отсутствие выхода к океанам), потребность в совместном использовании ограниченных ресурсов (воды, ископаемого топлива, сельскохозяйственных земель) в условиях роста населения и глобального потепления, диверсификация сырьевой экономики, привлечение крупных иностранных инвестиций и урегулирование региональных конфликтов (например, кыргызско-таджикского) [1; 2; 3; 4]. Страны региона уже имеют определенные достижения на пути к интеграции, включая механизмы и соглашения, выработанные в рамках Центрально-Азиатского экономического сообщества и Центрально-Азиатского сотрудничества в период с 1994 по 2005 годы.

Вместе с тем многие эксперты скептически оценивают перспективы региональной интеграции, указывая на многочисленные препятствия. Среди наиболее серьезных проблем упоминаются слабые торговые связи между странами Центральной Азии и их ориентированность в основном на внерегиональных партнеров, недостаточное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, различные политические и экономические интересы центральноазиатских стран, а также деструктивное влияние внешних центров силы на интеграционные процессы (например, Россия фактически разрушила Центрально-Азиатское сотрудничество в 2000-х, а сейчас часть стран региона связана жесткими обязательствами в рамках Евразийского экономического союза) [5; 6; 7]. По мнению скептиков, препятствия для региональной интеграции значительно серьезнее предпосылок для ее развития.

Следует учитывать, что цели и практики интеграции могут быть гибкими, а международный опыт показывает, что при наличии политической воли возможно достижение хотя бы частичных результатов даже в неблагоприятных условиях. На первых порах участники интеграционных процессов необязательно должны ставить перед собой такие амбициозные и всеобъемлющие цели, как создание зоны свободной торговли, таможенного союза или общего рынка, и стремиться к их быстрому достижению. Как будет показано далее, интеграция может начаться с ограниченного числа сфер и растянуться на десятилетия.

Для интеграции не являются непреодолимыми препятствиями разногласия между участниками объединения и принципиальное нежелание некоторых из них поддерживать интеграционные инициативы: принцип «разноскоростной интеграции» предполагает возможность реализации инициативы только частью членов объединения при условии, что она не наносит ущерб интересам всего сообщества. Международный опыт также показывает, что положительные результаты возможны даже при слабых экономических и инфраструктурных связях внутри объединений (можно привести примеры Африканского союза, ЭКОВАС и некоторых других организаций), участии в интеграции авторитарных и коррумпированных режимов, резком контрасте в уровнях экономического развития и наличии неурегулированных конфликтов. Например, отношения между Германией и другими участниками европейской интеграции были поначалу довольно настороженными, а территориальный спор между членами АСЕАН Таиландом и Камбоджей периодически выливается в вооруженные столкновения.

В рамках настоящей работы невозможно охватить все ключевые нюансы позитивного и негативного опыта всех крупных международных интеграционных объединений. Поэтому основное внимание будет далее сосредоточено на применимости к центральноазиатским реалиям опыта двух объединений – Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Если опыт ЕС представляет особую ценность, ввиду глубины и разноплановости достижений на пути к интеграции, то опыт АСЕАН в некоторых отношениях более релевантен реалиям Центральной Азии. При анализе достижений и неудач ЕС и АСЕАН автор исходит из того, что негативные уроки интеграции не менее ценны, чем положительные.

Опыт Европейского союза

Несмотря на многочисленные проблемы, Европейский союз остается самой успешной моделью интеграции, в которой участники сохраняют

государственный суверенитет, делегируя при этом часть полномочий наднациональным органам. Ни одно другое интеграционное объединение не достигло столь значительных успехов в создании общего рынка (с устранением барьеров для движения товаров, капитала и рабочей силы), валютного союза, визового пространства, выработке объединенной аграрной политики и политики выравнивания регионального развития.

Нынешние достижения ЕС – это результат не одномоментных всеобъемлющих соглашений, а длительного процесса, начавшегося еще в 1950-е годы. Интеграция началась с двух сфер – угольной и сталелитейной промышленности, – что выразилось в создании Европейского объединения угля и стали в 1952 г. Успех этого проекта уже в 1957 г. привел к образованию Европейского экономического сообщества, поставившего целью создание таможенного союза (что было достигнуто в 1968 г.) и общего рынка (достигнуто лишь в 1990-е гг.). Быстрое распространение интеграции из узкого круга сфер на другие отрасли вдохновило американского политолога Э.Б. Хааса на разработку концепции «эффекта распространения» (spillover effect), согласно которой успех интеграции в одной области ведет к ее дальнейшему расширению [8]. Отсюда напрашивался вывод о том, что для успеха интеграции ее следует начинать с решения ограниченного круга реалистичных задач. Хотя последующая история европейской интеграции с длительным периодом стагнации поставила под сомнение некоторые идеи Хааса, его концепция spillover effect сохраняет актуальность до сих пор.

История ЕС включает не только впечатляющие достижения (переход к общему рынку и валютному союзу, создание Шенгенской зоны), но и длительные периоды стагнации, работу над ошибками и преодоление многочисленных кризисов [9]. Уже в 1954 г. европейская интеграция столкнулась с первой крупной неудачей, когда французский парламент отклонил проект Европейского оборонительного сообщества. В 1965-1966 гг. возник «кризис пустого кресла», когда Франция бойкотировала работу Европейской комиссии. Еще одна крупная политическая неудача постигла Евросоюз в середине 2000-х, когда проект Конституции ЕС был отвергнут на референдумах во Франции и Нидерландах. С конца 2000-х ЕС столкнулся с серией острых кризисов, каждый из которых угрожал его существованию: долговой кризис (2009 г. – конец 2010-х гг.), миграционный кризис (острая фаза которого происходила в 2015-2016 гг.), Брексит (2016-2020 гг.), пандемия COVID-19 (вызвавшая экономический спад и меры по ограничению мобильности в 2020-2022 гг.) и энергетический кризис

2022-2023 гг. (связанный с резким сокращением поставок российского газа). Тем не менее ЕС в целом сумел преодолеть эти кризисы и сохранить единство в своих рядах.

Такая устойчивость ЕС к внешним шокам и способность извлекать уроки из прошлых ошибок во многом объясняются тем, что за время своей эволюции ЕС разработал, хотя внешне и громоздкую, но очень гибкую систему консультационных механизмов, позволяющую учитывать широкий круг значимых интересов в процессе принятия решений. Эта система поддерживает устойчивый баланс полномочий между Европейским советом (органом, состоящим из глав государств), Советом ЕС (в котором заседают министры по профилю рассматриваемых вопросов), Европейской комиссией (автономным органом исполнительной власти), Европейским парламентом (члены которого избираются прямым голосованием) и Европейским судом. Существующие механизмы позволяют привлекать к консультациям перед принятием решений неправительственные организации, бизнес-структуры и других влиятельных акторов.

Одной из особенностей европейской интеграции является последовательная опора на либеральные принципы и ценности, такие как защита прав человека и приверженность политической демократии. ЕС также предпочитает децентрализованную и многоуровневую систему управления, привлекая к решению проблем как официальные структуры разных уровней, так и негосударственные организации. Эти принципы, наряду с жесткими экологическими стандартами, Европейский союз активно продвигает в международных соглашениях о партнерстве, предлагая партнерам преференции в случае согласия с этими условиями [10].

Однако во многом именно акцент, который Евросоюз делает на демократии, правах человека и децентрализации, побуждает многих комментаторов говорить о неприменимости опыта ЕС к центральноазиатским реалиям с их авторитарными режимами и централизованными системами управления. Кроме того, модель управления ЕС предполагает делегирование странами-участницами значительной части суверенитета наднациональным органам с возможностью принятия обязательных решений квалифицированным большинством, даже вопреки возражениям отдельных участников. Перспектива утраты части суверенитета может быть воспринята центральноазиатскими правительствами крайне болезненно, тем более что взамен они не получают, как в случае с ЕС, беспрепятственного доступа к одному из самых привлекательных мировых рынков.

Тем не менее не стоит недооценивать применимость опыта ЕС к центральноазиатским условиям. Помимо демократии, соблюдения прав человека, децентрализации управления и делегирования правительствами значительной части суверенитета наднациональным структурам, этот опыт включает и многие другие заслуживающие внимания элементы и практики, такие как:

- постепенность процесса интеграции, который начался лишь в нескольких сферах (Европейское объединение угля и стали) и впоследствии распространился на другие сферы. Данный процесс растянулся на десятилетия, участники интеграции не стремились достичь максимально амбициозных целей в кратчайшие сроки;
- развитая система консультационных механизмов с участием не только Европейской комиссии и представителей органов власти государств-членов, но и парламентариев, представителей бизнеса и неправительственных организаций. Такая система облегчает принятие решений, учитывающих интересы и опасения широкого круга влиятельных акторов и представителей стран-участниц. Это особенно важно, поскольку, как подчеркивает постфункционалистская теория интеграции, любой интеграционный процесс неизбежно создает группы, которые могут ощутить экономические потери или увидеть в этом процессе угрозу национальному суверенитету и культурной идентичности [11]. Учет мнений тех, кто может оказаться недовольным ходом интеграции, критически важен для закрепления устойчивых результатов;
- применение принципа разноскоростной интеграции, который позволяет реализовывать проекты (такие как валютный союз, шенгенская зона, оборонные инициативы и т. п.) только частью стран-членов, при условии, что эти проекты не противоречат интересам объединения в целом;
- прозрачная система конкурсной поддержки проектов в таких сферах, как развитие отстающих регионов, сельское хозяйство, приграничное сотрудничество и т. п. Такая поддержка предоставляет реальные выгоды перспективным проектам и тем уязвимым сообществам, которые способны эффективно использовать полученные средства. Важно учитывать, что ЕС располагает значительно бóльшими ресурсами для подобного финансирования по сравнению с другими интеграционными объединениями и что организация конкурсов должна обеспечивать прозрачное, справедливое и эффективное распределение средств.

Как представляется, более подходящие к условиям Центральной Азии элементы опыта ЕС могут быть применены отдельно от менее подходящих, что при должном учете местной специфики может существенно повысить эффективность интеграции.

Опыт Ассоциации государств Юго-Восточной Азии

Формальные достижения АСЕАН значительно скромнее, чем у ЕС. На данный момент АСЕАН достигла лишь стадии зоны свободной торговли с сохранением таможенного контроля между странами-участницами и даже некоторых ограничений в режиме свободной торговли, особенно применительно к сложной для интеграции сфере сельского хозяйства. Реализация более амбициозных проектов, таких как создание общего рынка и единого визового пространства, а также развитие укрепляющей связанность интеграционного пространства транспортной инфраструктуры пока откладывается. Тем не менее шансы на успешное воплощение этих планов сохраняются, что могло бы привести к переоценке эффективности АСЕАН. Пока же по степени интегрированности АСЕАН формально уступает не только ЕС, но и ряду других интеграционных объединений, включая достигшие стадии таможенного союза Евразийский экономический союз, Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), которое, помимо таможенного союза, имеет единую валюту и общую визовую систему, и Южноамериканский общий рынок (Меркосур). Следует, однако, отметить, что во всех этих объединениях интеграционные механизмы функционируют с серьезными сбоями.

Как и в случае с ЕС, интеграция АСЕАН, начавшаяся с ее основания в 1967 году, растянулась на долгие десятилетия, чередуя прорывы и периоды стагнации. Лишь в 1992 году было подписано соглашение о свободной торговле, которое полноценно заработало в 2010-е годы. Во второй половине 1990-х годов состав АСЕАН почти удвоился за счет вступления бывших социалистических стран.

Несмотря на относительно медленный темп интеграции в рамках АСЕАН, ряд аспектов ее опыта привлекает некоторых экспертов и дает им основания считать эту модель предпочтительной для центральноазиатской интеграции [12]. В частности, можно выделить следующие ключевые аспекты этого опыта:

- способность АСЕАН относительно стабильно продвигаться по пути интеграции, несмотря на культурную и историческую разнородность своих членов (часть государств относится к буддийской традиции, другая — к мусульманской; при этом на протяжении нескольких десятилетий значительная часть нынешних членов АСЕАН находилась в социалистическом лагере), а также на присутствие в организации авторитарных, централизованных режимов с высоким уровнем коррупции.

При этом душевой ВВП АСЕАН (16,2 тыс. долл.) сопоставим с показателем Центральной Азии (15,7 тыс. долл.), а разрыв между душевыми ВВП самой богатой и бедной стран АСЕАН (24 раза) значительно больше, чем в Центральной Азии (8 раз) и тем более в ЕС (4 раза) [13];
- деликатное отношение к суверенитету стран-участниц: принцип невмешательства во внутренние дела является краеугольным для АСЕАН, а решения принимаются на основе консенсуса. Для достижения такого консенсуса проводятся неформальные консультации с учетом интересов колеблющихся и недовольных стран;
- международный авторитет АСЕАН как привлекательного экономического партнера и организации, вносящей конструктивный вклад в урегулирование конфликтов.

Интеграционная модель АСЕАН не лишена, однако, своих уязвимостей и прочих специфических особенностей, которые затрудняют ее эффективное применение в центральноазиатских реалиях:
- консенсусный принцип принятия решений с учетом мнения несогласных и принцип невмешательства во внутренние дела стран-участниц замедляют процесс интеграции, в некоторых случаях растягивая достижение значимых результатов на десятилетия. Кроме того, невмешательство может затормозить унификацию стандартов (например, в сфере таможенного контроля и защиты инвестиций) и нанести ущерб репутации объединения в целом (например, ситуация с правами человека в Мьянме) [14; 15];
- АСЕАН не удалось разработать достаточно эффективные механизмы для коллективной нейтрализации давления великих держав. В частности, членство в организации мало помогло Вьетнаму, Малайзии и Филиппинам в защите своих позиций в споре с Китаем по разграничению акватории Южно-Китайского моря [16];
- основным достижением АСЕАН является создание зоны свободной торговли. В Центральной Азии воспроизведение этого достижения в текущих условиях представляется сложным, так как три из пяти стран региона входят в ЕАЭС с его таможенным союзом. Создание центральноазиатской зоны свободной торговли плохо согласуется с институтами и нормами ЕАЭС, а выход из этой организации был бы для центральноазиатских стран очень ответственным и рискованным шагом, требующим тщательного учета его экономических и политических последствий. Без зоны свободной торговли реальные достижения АСЕАН выглядят уже не столь впечатляющими;
- в АСЕАН на роль лидеров по экономическому потенциалу могут претендовать как минимум пять стран из десяти (Индонезия, Таиланд, Малайзия, Сингапур и Вьетнам), что затрудняет установление гегемонии одного-двух лидеров. В Центральной Азии такими лидерами являются

Казахстан и Узбекистан, которые совместно могут оказывать сильное давление на принятие решений в гипотетической центральноазиатской интеграционной организации.

Как и в случае с ЕС, перечисленные проблемы не означают, что странам Центральной Азии следует отвергнуть опыт АСЕАН. Они, скорее, указывают на необходимость творческого и критического подхода к этому опыту, с учетом как его достоинств, так и недостатков, а также применимости к местным особенностям региона.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в чистом виде модели интеграции ЕС и АСЕАН не в полной мере применимы к центральноазиатским реалиям. Ни одна модель интеграции не может быть полностью перенесена на центральноазиатскую почву из-за уникальных условий региона – таких как состав участников, влияние внешних центров силы, культурные особенности и, главное, степень политической воли к интеграции, которая может оказаться более важным фактором успеха, чем заимствование передовых элементов зарубежных моделей. Вместе с тем по крайней мере некоторые элементы опыта обеих моделей интеграционных образований заслуживают серьезного внимания.

Если страны региона проявят реальную политическую волю к интеграции, практически любые препятствия на пути к достижению прогресса могут быть преодолены. Проблемы, однако, заключаются в сроках достижения этого прогресса и в определении конкретных целей. Если создание зоны свободной торговли, таможенного союза и общего рынка в обозримой перспективе окажется нереалистичным из-за существования ЕАЭС, государствам Центральной Азии следует рассмотреть менее амбициозную интеграцию в тех областях, где между этими государствами нет серьезных противоречий. С точки зрения важности такой областью может стать транспортное сообщение, а с точки зрения бесконфликтности — высокие технологии и возобновляемая энергетика (солнечная и ветровая). Эти отрасли еще предстоит развивать почти с нуля, но их развитие может привести к увеличению производства, снижению экологической нагрузки на города в зимний период и смягчению проблемы водных ресурсов, благодаря внедрению экономных технологий расхода воды, добыче подземных вод, очистке сточных вод и опреснению.

На первом этапе в интеграционных проектах могут участвовать только

наиболее инициативные страны региона. Успех этих начальных проектов может привести к «эффекту перелива», расширяя интеграцию на другие страны и новые сферы.

В случае перехода к стадии конкретной реализации интеграционных проектов странам региона нужно быть готовыми к временному отсутствию впечатляющих и всеобъемлющих результатов, а также к возможной длительной стагнации интеграционного процесса. К сожалению, в условиях текущих политических, экономических и экологических вызовов в распоряжении стран Центральной Азии может и не оказаться нескольких десятилетий для постепенной интеграции, как это было у ЕС и АСЕАН.

Литература

1. Mirzoev N. Economic Integration in Central Asia: State and Prospects. Taiwan International Studies Quarterly. – 2006. – Vol. 2. № 2. – 2006. – P. 43-61.
2. Delovarova L., Davar A., Asanov F., Kukeyeva S. Regionalism and Regionalization in Central Asia // International Journal of Humanities and Social Sciences. – 2013. – Vol. 7. – No. 3. – P. 778-781.
3. Berdiyev B.O. Central Asia: International Relations As A Factor Of Regional Stability And Integration // The American Journal of Political Science Law and Criminology – 2020. – Vol. 2. – № 10. – P. 135-140.
4. Ubaydullaeva S. Some Aspects of Views on the Formation of the Security Interdependence System of Central Asia // Oriental Journal of History, Politics and Law. – 2022. – Vol. 2. № 4. – P. 1-10.
5. Gleason G. Inter-State Cooperation in Central Asia from the CIS to the Shanghai Forum // Europe-Asia Studies. – 2001. – Vol. 53. № 7. – P. 1077-1095.
6. Pataccini L., Malikov N. Transition and Regional Cooperation in Central Asia: What Can They Tell Us about the (Post-)Liberal World Order? // Polity. – 2020. – Vol. 52. № 2. – P. 288-303.
7. Sadri H.A. Integration in Central Asia: From Theory to Policy // Central Asian Survey. – 1997. – Vol. 16. № 4. – P. 573-586.
8. Haas E.B. International Integration: The European and the Universal Process // International Organization. – 1961. – Vol. 15. № 3. – P. 366-392.
9. Кавешников Н.Ю. Европейский союз: история, институты, деятельность. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 368 с.
10. Barbe E. The EU Global Strategy: The Dynamics of a More Politicized and Politically Integrated Foreign Policy // Cambridge Review of International Affairs. – 2019. – Vol. 32. № 6. – P. 753-770.
11. Hooghe L., Marks G. Grand Theories of European Integration in the Twenty-First Century // Journal of European Public Policy. – 2019. – Vol. 26. No. 8. – P. 1113-1133.

12. Iskakova Zh., Sarsembayev M., Kakenova Z. Can Central Asia be integrated as ASEAN? // Opción. – 2018. – Vol. 34. Iss. 85. – P. 152-169.
13. World Bank Open Data // URL: https://data.worldbank.org/
14. Pennisi di Floristella A. The ASEAN Regional Security Partnership: Strengths and Limits of a Cooperative System. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. – 212 p.
15. Spandler K. Regional Organizations in International Society: ASEAN, the EU and the Politics of Normative Arguing. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. – 205 p.
16. Yates R. Understanding ASEAN's Role in Asia-Pacific Order. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2020. – 348 p.

Игамбердиев Бахтияр
Международный Университет Алатоо
кандидат исторических наук,
преподаватель
Кыргызстан, Бишкек

РОЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ МУЛЬТИПОЛЯРНОГО МИРА В РАЗВИТИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСТАНА)

Абстракт: *В рамках этой статьи предпринята попытка осмыслить понятие «мультиполярность» через экономическую призму применительно к региону Центральная Азия. Для лучшего понимания процессов формирования многополярного мира автором первоначально проводится анализ становления институтов однополярного мира совместно с оценкой их роли в увеличении влияния США в мире.*

В частности, в качестве столпов однополярного мира рассматриваются роли доминирующей во всем мире валюты – доллара США – и таких международных финансовых институтов, как Всемирный Банк, Международный Валютный Фонд и Всемирная Торговая Организация. Анализируется процесс дедолларизации, падения эффективности капитала в современных условиях и формирования альтернативных Бреттон-Вудским институтов под эгидой таких организаций, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

Ключевые слова: *мультиполярность, Центральная Азия, международные финансовые институты, экономическая политика, дедолларизация, БРИКС, Международный Валютный Фонд, Всемирный Банк.*

Для более последовательного восприятия процессов формирования мультиполярного мира автору представляется целесообразным оценить ситуацию методом «от противного», показав, что было сутью однополярного мира, как он развивался и как этот однополярный мир повлиял на Центральную Азию и на одну из наиболее либеральных в свое время республик – Кыргызскую Республику. Далее в статье рассматриваются предпосылки к формированию нового многополярного мира, а также оцениваются перспективы развития стран региона, в большей мере на примере Кыргызстана, в рамках зарождающегося многополярного мира.

Если говорить коротко, сутью монополярности стало господство доллара как мировой валюты и международных финансовых институтов, таких как Всемирный Банк (ВБ), Международный Валютный Фонд (МВФ) и Всемирная Торговая Организация (ВТО), созданных в результате Бреттон-Вудских соглашений.

Центральная Азия – пространство, познавшее «все прелести» однополярного мира в различных его вариациях. В основе своего «перехода» к рынку страны Центральной Азии использовали неолиберализм. Где-то в регионе сложились достаточно авторитарные режимы в сопряжении со значительными элементами рынка, как, например, в Казахстане, а где-то произошла приватизация и власти, и собственности лишь в интересах узкого круга лиц, как в Таджикистане. Кыргызстан же, к примеру, с головой окунулся в повестку глобализации и в полной мере постарался применить политику неолиберализма совместно, так сказать, с демократическими принципами [1, с. 25]. Но и в этом случае истинной демократии не получилось, а только все тот же авторитаризм со значительным уровнем коррупции и отсутствием в конечном итоге централизации власти. Неспособность власти контролировать ситуацию в регионах, ввиду более равномерного распределения разграбленного богатства страны между разными кланами, в результате в еще большей мере способствовала революционным волнениям в стране.

Долгое время Кыргызстан, ввиду его либеральной модели, многие рассматривали как «островок демократии», но в долгосрочном плане это словосочетание оказалось несостоятельным по отношению к стране. Среди пятерки стран две страны обвинялись в абсолютном авторитаризме – Туркменистан и Узбекистан [1, с. 25]. И если Туркменистан по сей день считают авторитарным государством без рыночной экономики, базирующимся только на эксплуатации природных ресурсов, то Узбекистан на сегодняшний день фактически является лидером экономического развития в Центральной Азии [2, с. 136-159]. Узбекистан – это страна, где господствует госкапитализм, но уже с работающими принципами рыночной экономики, со значительной диверсификацией экономики и наличием сильной промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг, включая динамично развивающийся туристический сектор [3, с. 8].

Эпоху после распада Советского Союза для Центральной Азии, как и для всего мира, можно назвать также эпохой глобализации. Эту повестку, наряду с неолиберализмом, продвигали институты однополярного мира под лидерством США, такие как Международный Валютный Фонд (МВФ), Всемирный Банк и Всемирная Торговая Организация [4, с. 4-22]. И, как

показал опыт, эта повестка служила развитию безграничной торговли, в большей мере выгодной для крупных корпораций, но не для государств и простых людей. Если в прошлом в основном было принято считать, что глобализация помогала развитым государствам, а развивающиеся оставались в стороне, и условия жизни людей в странах так называемого «золотого миллиарда» улучшались [5], то на сегодняшний день становится очевидным, что интересы, в том числе развитых государств и простых людей, живущих в них, не учитывались в повестке глобализации, поскольку перенос производства в развивающиеся государства, такие как Китай, был выгоден только корпорациям, но не жителям развитых государств [6].

К заслуге руководства Китая, ставшего мировой фабрикой производства, можно отнести то, что оно сумело использовать процесс переноса капитала на свою территорию в интересах своего народа и государства, сократив уровень бедности в стране на 800 млн человек за последние десятилетия [7].

В каждодневной погоне за прибылью корпорации упустили из виду ослабление своих позиций и усиление производственных возможностей китайского государства, а скорее, они были не способны обнаружить эту тенденцию, ведь их целью была максимизация прибыли в кратчайшие сроки [6]. Корпорации не умеют играть вдолгую. По всей видимости, они даже никогда не обращали внимания на философию капитализма, о которой говорит Роза Люксембург, подчеркивая, что капитализм конечен, поскольку ему постоянно нужно расширение рынков [8]. Если все страны и территории уже вовлечены в сферу рыночной экономики, то возможности дальнейшего расширения рынка исчерпаны [9]. Не понимая этой логики, корпорации не задумывались о вероятной нежизнеспособности их модели и максимизировали прибыль, пока это было возможно.

К сожалению, идеи Розы Люксембург не нашли своего развития, ввиду, с одной стороны, нежелания сторонников капитализма слышать что-либо о конечности своей модели, а с другой стороны, из-за конфликта между Владимиром Лениным и Розой Люксембург (в том числе из-за критики Розой Люксембург политики Ленина и большевиков – аграрной реформы, разгона Учредительного Собрания и др. – в ряде ее работ, включая «Die russische Revolution» [10]). А ведь Люксембург в своей работе «Накопление Капитала», впервые опубликованной в 1913 году, оказалась намного более проницательной, нежели большинство авторов XX – начала XXI вв. В частности, оптимистичность Фрэнсиса Фукуямы относительно эпохи мирового единства на базе капитализма, высказанная им в рамках его «Конца Истории», оказалась весьма преждевременной [11] в то время, как

можно наблюдать все больше признаков конца капитализма, как минимум корпоративного [12].

Думаю, глубинные признаки конечности капитализма можно искать в его природе. Ведь основная его задача – максимизация прибыли, которая не может продолжаться бесконечно и ограничена размерами рынка. В противовес капитализму социализм, представителем которого являлась Роза Люксембург, не имеет таких ограничений, поскольку у него в центре – лучший человек и лучшее общество, для которых нет предела совершенству. При этом не надо воспринимать социализм как отказ от рыночных механизмов – они были и в Новой Экономической Политике (НЭП) Ленина, и по сей день их активно использует Китай.

Стремление к максимизации прибыли со стороны корпораций и, как следствие, перенос производств в страны с минимальными издержками на факторы производства (такие как труд и природные ресурсы), за пределы развитых государств (в особенности из США в Китай, государства Восточной Азии, Мексику) значительно повлияли на изменение структуры глобальной экономики. С одной стороны, как и предсказывала Роза Люксембург, рынки были расширены максимально, особенно после распада СССР, и почти все страны и территории были вовлечены в рыночную экономику. Но, с другой стороны, многие корпорации достигли таких масштабов, что фактически была уничтожена конкуренция, формировавшая преимущества капитализма. Таким образом, мир достиг предела, после которого необходимо искать альтернативную модель [13].

Наличие институтов, созданных Бреттон-Вудскими соглашениями, включая такие институты, как МВФ, ВБ и ВТО, а также существование доллара в качестве мировой резервной валюты значительно поспособствовали развитию глобального капитализма и доминированию США в мире [13]. Международные рейтинговые и страховые агентства, в большей мере сконцентрированные в США и Великобритании, также содействовали процветанию однополярного мира [13].

Доллар США стал чуть ли не единственным инвестиционным инструментом. С одной стороны, то, что изначально вслед за окончанием Второй Мировой Войны за долларом США закрепилась роль мировой резервной валюты, было закономерностью: на тот момент лидерство США, обладавших 50% мирового ВВП [14] и запасами золота более 20 000 тонн (70% мировых запасов) [15] и установивших своего рода «золотой стандарт» с возможностью обмена 35 долларов за одну унцию золота [16], было очевидным. Даже демарш 1965 года со стороны президента

Франции генерала Де Голля, обменявшего $1,5 млрд на 1 300 тонн золота (спровоцировавшего дальнейшую волну вывоза золота в обмен на доллары), а затем и так называемый «Nixon Shock» (1971 г.) с отказом от золотого обеспечения доллара [17] (образовался «фиатный» или «декретный», ничем не обеспеченный доллар) не обрушили позиций доллара как мировой валюты. Возможно, отчасти это было связано с образованием «нефтедоллара», когда в 1974 году США согласовали с Саудовской Аравией, ведущим экспортером нефти в мире, продажу нефти только за американские доллары [18]. А вслед за этим и весь нефтяной картель «ОПЕК», и вообще вся торговля нефтью в мире перешли на долларовые операции. В итоге спрос на доллары стал подкрепляться спросом на нефть. И поскольку все страны в мире нуждаются в нефти, доллар получил глобальное распространение.

В конечном итоге после распада СССР мир пришел к такой ситуации, когда даже инвестировать в собственную экономику без наличия долларов стало невозможно. В частности, например, Кыргызстан, подписав соглашение PESAC со Всемирным Банком, обязался не использовать свою национальную валюту для инвестиций в национальную экономику без наличия пропорционального количества долларов на счетах национального банка [19, С. 46-48].

В целом мировая экономическая система в рамках Бреттон-Вудских институтов выглядела достаточно логичной и обоюдно выгодной для участников мирового сообщества. Страны «центра» предоставляли финансовые инвестиции и несли технологии в страны «периферии», где в результате появлялись рабочие места. Везде были свои выгодополучатели. Так, например, США являлись основным финансовым центром мира, печатающим доллары, формирующим «правила игры» и контролирующим всю пирамиду посредством всевозможных финансовых институтов (МВФ, ВБ, ВТО, рейтинговых агентств); Европа служила альтернативой с ее (производной от доллара) валютой, технологиями и финансовыми институтами (включая страховой бизнес Лондона), она получала сравнительно дешевые ресурсы; Россия и другие экспортеры ресурсов имели предсказуемые и сравнительно высокие цены на ресурсы; Китай как «фабрика мира» всегда имел сбыт своей продукции [20]. В развивающихся же странах не все понимали сущность и разрушительность неолиберальной модели, часто имела место коррумпированная элита. При отказе «играть по правилам» военная «дубина» США решала проблемы (вспомним Ирак, Ливию) [21].

В конечном итоге неустойчивость мировых рынков в период кризисов, в частности Азиатского в 1997 г., Мирового в 2008-2010 гг., периода пандемии

КОВИД-19, породила множество вопросов относительно современного экономического мироустройства [22; 23; 24]. Арест же российских трехсот миллиардов долларов после начала войны в Украине в 2024 году еще больше обострил назревавшие вопросы, в частности о завышенной роли доллара в мировой экономике и рисках его использования как экономического рычага в политической борьбе со стороны США [25]. Ведь в реальности на сегодняшний день США уже не обладают теми масштабами экономики, как на заре Бреттон-Вудской системы. Их ВВП по производству на сегодня по паритету покупательной способности составляет 15,5% [26], а по потреблению – 29% [27]. Долг США превысил 35 триллионов долларов: за один год он вырос на $2,3 триллиона, составив 122% к ВВП и $103,8 тысяч на человека; на обслуживание долга ежедневно уходит $2,4 миллиарда [28]. Уровень технологий уже не является самым передовым [29]. (По тем же 5-G технологиям, по электромобилям и т. д. Китай не уступает США). Соответственно, США и как источник технологий, и как рынок сбыта становятся все менее привлекательными.

При этом использование своих преимуществ доминирования в мировых финансах у многих вызывает опасения. Поэтому ряд стран, включая крупнейшие альтернативные для большой Семерки так называемые страны БРИКС, начали активно координировать свою политику, чтобы обезопасить себя. Их целью стала минимизация рисков, связанных с использованием доллара в качестве мировой валюты, формирование альтернативных финансовых систем и создание новых торговых путей [30]. Таким образом, на сегодняшний день страны БРИКС более 90% торговых операций друг с другом осуществляют, минуя доллары, в национальных валютах. Недавно было объявлено о процессе создания альтернативной СВИФТ межбанковской системы операций [30] и предстоящем выходе стран БРИКС из МВФ и ВБ [31].

На текущий момент БРИКС уже очень внушительная организация, состоящая из пяти исконных (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и пяти новых государств (Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Эфиопия), обладающая порядка 46% мирового населения, 36% мирового ВВП, контролирующая 45% мирового производства нефти, 50% мирового продовольствия, 86% редкоземельных металлов [32]. При этом количество стран, стремящихся присоединиться к БРИКС, не сокращается. В списке новых кандидатов – Малайзия, Таиланд [33].

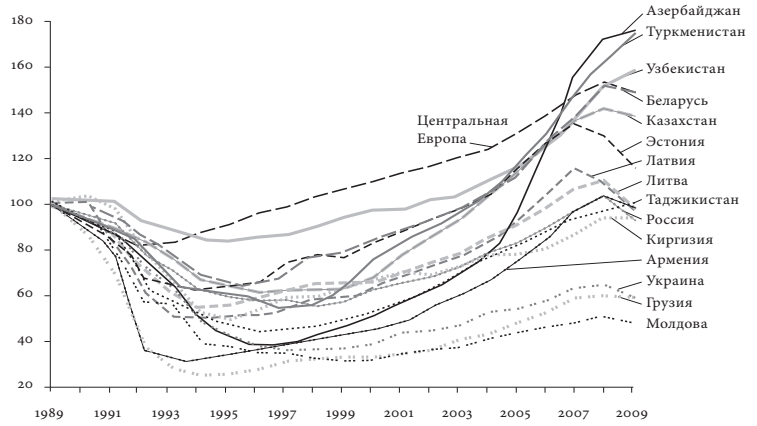
На этом фоне перспективы превосходящих по финансовым возможностям США и G-7 блекнут. Но для стран «третьего мира», действующих в рамках альтернативных организаций, таких как Шанхайская Организация

Сотрудничества (ШОС – включает Китай, Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Индию, Пакистан, Иран, Белоруссию) и Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС – включает Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россию), перспективы значительно улучшаются.

Ввиду неолиберальной политики, в том числе закрепленной в соглашениях со Всемирным Банком, все предыдущие десятилетия Кыргызстану перманентно не хватало твердой валюты, и, соответственно, эти соглашения ограничивали возможности развития Кыргызстана. Более того, в сложившихся институциональных рамках внутри страны все внешние займы и гранты разворовывались, и поэтому население было вынуждено существовать в мизерных рамках – менее чем 1 000 долларов ВВП на человека в год [19, С. 161].

Совокупное падение ВВП в результате неолиберальных реформ в Кыргызстане составило почти 50%. Так, в 1995 году осталось только 50,6% ВВП относительно 1990 года [19, С. 48] (график: рис. 1 Динамика ВВП в бывших республиках СССР). При этом промышленность ужалась на 2/3. Так, в 1995 году осталось только 35% промышленного производства по отношению к 1990 году и 31,3% – к 1991 году [19, С. 151].

Рисунок 1. Динамика ВВП бывших республик СССР



Динамика ВВП в бывших советских республиках, 1989 г. = 100%

Источник: EBRD, Transiton Report за разные годы.

Если говорить о всем регионе Центральной Азии, то только в Узбекистане падение было незначительным: ВВП Узбекистана в 1995 году составил

89% к 1990 году, затем последовал активный рост. Но Узбекистан был единственной страной региона, не последовавшей доктрине «Шоковой терапии». В Казахстане минимум составил порядка 60% относительно 1990 года в 1995 году, в Таджикистане он был порядка 45% в 1996 по отношению к 1990 году, а в Туркменистане был достигнут минимум в 1997 году, и он был немногим более 50% [34, С. 15].

В условиях отсутствия возможности финансирования экономики в национальной валюте размер государственного долга в Кыргызстане с момента приобретения независимости перманентно нарастал.

Рисунок 2. Размер государственного долга Кыргызской Республики

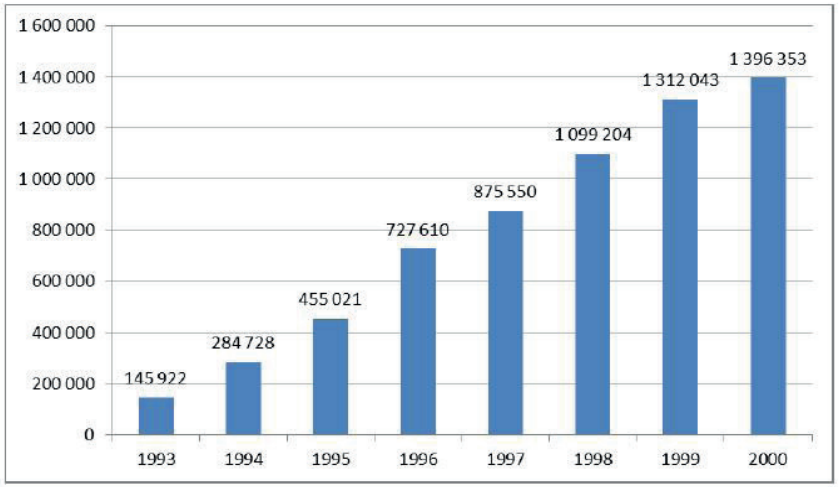


График составлен автором по данным текущего архива НБКР

Отток населения за первые десять лет был огромным для маленького Кыргызстана. Так, с 1991 по 1999 годы из Кыргызстана эмигрировало более полумиллиона человек [19, С. 153]. В эти же годы Кыргызстан «выбился в лидеры» по уровню коррупции. Так, в рамках исследования Всемирного Банка, более 90% компаний в Кыргызстане признались, что они вовлечены в дачу взяток, будь то на получение лицензий (15,2%), уклонение от налогов (53,5%) или какие-то другие «государственные услуги» [35, С. 37].

Коррупция, проистекающая из неолиберальной политики государства, стала причиной институциональной деградации государства; «коррупционные схемы стали подменять официальные законы и принципы государственного управления» [36, С. 57]. На этой стадии развития государство уже было не

способно выполнять поставленные задачи, так же, как и формулировать их. Фактически Кыргызстан потерял управляемость. Государство было разрушено как таковое [36, С. 115-116]. Не последнюю роль в формировании неустойчивой политической среды в республике сыграли неолиберальная повестка и институты, обслуживавшие повестку однополярного мира [19, С. 114].

Приход к власти текущего руководства страны под президентством Садыра Жапарова, на мой взгляд, совпал с начальной стадией активного разрушения устоев однополярного мира. И это способствует развитию Кыргызстана так же, как может способствовать развитию других стран региона, если правильно пользоваться складывающимися возможностями.

В чем же прелести текущего состояния? Ввиду нарастания угрозы конфликта для Китая с США по поводу Тайваня [37], а также и без того нарастающего санкционного противостояния между США и Китаем, Центральная Азия стала важна в качестве безопасных маршрутов как для Китая, так и для России, и, соответственно, для их партнеров и для других игроков в регионе [38; 39], поэтому все больше развиваются коридоры «восток – запад» и «север – юг», в том числе через Кыргызстан. По этой причине наконец сдвинулся с мертвой точки проект железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, который будет соединять регион Центральной Азии с Южной Азией и, возможно, с Африкой, а далее, через Туркменистан и страны Южного Кавказа – с Европой [40]. Учитывая время от времени возникающие сложности взаимоотношений с Казахстаном, это также может стать альтернативным маршрутом торговли с Россией [41].

В рамках складывающихся тенденций страны региона и сами более склонны к кооперации, в связи с нарастающей ролью таких организаций, как Евразийский Экономический Союз и ШОС.

Наблюдается все больше фактов взаимодействия внутри стран региона – по вопросам безопасности, экономики, энергетики, использования полезных ископаемых, экологии. Одним из примеров такого тесного взаимодействия можно назвать решение Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана о совместном строительстве и использовании ГЭС Камбар-Ата-1 [42]. Также Кыргызстан впервые за многие десятилетия в полной мере разрешил вопросы границ с Узбекистаном и на текущей стадии активно решает вопросы делимитации границ с Таджикистаном [41]. Наконец, Кыргызстан получил возможность в полной мере определять свою экономическую политику, исходя из национальных интересов [41]. Пусть не все страны пользуются этой возможностью и проводят соответствующие

институциональные реформы, но на примере Кыргызстана и Узбекистана можно видеть, что эти возможности есть.

Например, в Кыргызстане сформировалось правительство, нацеленное на экономическое развитие, начали активно решаться вопросы границ, в значительной мере устраняются проблемы коррупции, повышается эффективность государственного управления. Все это происходит в том числе посредством устранения господствующих криминальных групп в республике и задержания и наказания текущих коррупционеров и тех, кто был замечен в фактах коррупции в прошлом: при задержании был убит лидер ОПГ Камчи Кольбаев; находится под арестом мультимиллионер (по некоторым данным – миллиардер) Раимбек Матраимов, который разбогател, не имея бизнеса, на госслужбе, на позиции зампредседателя таможенной службы республики [41]. Все люди, связанные с ними, были отстранены от государственной службы. Даже бизнесменов, причастных к их поддержке, государство наказывает [41]. Как результат – только за 6 месяцев 2024 года Госкомитет Национальной Безопасности вернул государству 70 миллиардов сомов (более $800 миллионов по текущему курсу) [43].

После 2020 года государство активно создает лучшие условия для бизнеса, устраняет коррупционные риски в системе, в частности проводится политика цифровизации в налогообложении, таможенной сфере, сфере транспортировки грузов, документообороте и даже в сфере контроля за соблюдением правил дорожного движения [44]. Лишние бумаги устраняются за ненадобностью, теперь все может быть проконтролировано в Сети; и поэтому, с одной стороны, становится выгодно работать с минимизацией бюрократической волокиты, с другой стороны, у тех, кто привык воровать, больше не будет такой возможности, поскольку при обнаружении нарушений последует наказание в виде крупных штрафов или уголовного преследования [44].

Государство в значительной мере перешло к госкапитализму и, с одной стороны, старается максимально привлечь инвесторов, как внутренних, так и внешних, дает возможность амнистии капиталов (для тех, кто согласен перейти на работу «в чистую»), а с другой стороны, само активно инвестирует в национальную экономику, восстанавливая дорожную и социальную инфраструктуру (включая школы и больницы), способствует получению жилья госслужащими и работниками социальной сферы (включая учителей, врачей, работников спецслужб, военных) [44]. Немало было тех, кто говорил о рисках инфляции, ввиду повышения зарплаты, но этого в Кыргызстане не происходит, несмотря на рост оплаты труда и пенсий, потому что активно стимулируется расширение производства

внутри страны. Возросший платежеспособный спрос удовлетворяется растущим производством в стране, а также возможностями импорта в условиях дедолларизации, инициированной Россией и Китаем в рамках таких организаций, как БРИКС и ШОС; Кыргызстан больше не использует доллары в торговле с Россией, Китаем и странами-соседями, такими как Узбекистан и Казахстан [45].

Из-за санкций против России некоторые платежные системы, использовавшиеся в торговле с Россией, пострадали, но Кыргызстан активно разрабатывает свое программное обеспечение (ПО) для карты «Элкарт», которое позволит продолжить использование российской карты «Мир» без оглядки на западные компании, контролирующие сегодня ПО для «Элкарт» [45].

Говоря объективно, в Кыргызстане вырос товарооборот со странами-партнерами. И хотя больше увеличился импорт, нежели экспорт, но это не является тревожным фактом, поскольку преимущественно вырос импорт средств производства, включая оборудование для новых заводов, – это способствует расширению производства внутри страны и в дальнейшем улучшению торгового баланса республики [46].

В Кыргызстане массово строятся промышленные и социальные объекты, новые электрогенерирующие мощности. В частности, два автозавода, множество малых ГЭС, солнечные и ветряные электростанции, фабрики… В планах – строительство мощных ГЭС и АЭС малой мощности [46].

К 100-летию основания Кара-Кыргызской автономной области в 2024 году государство планирует открыть 100 предприятий и 100 социальных объектов [47]. Государство начало заботиться о своем населении, повышая пенсии [48] и заработную плату для военных, учителей, врачей, госслужащих [49] и предоставляя льготные ипотечные кредиты (сроком до 25 лет под 4% годовых – для госслужащих и под 8% годовых – для прочих нуждающихся категорий населения) [50]. Уже к текущему моменту экономика Кыргызстана показывает внушительный рост: в 2021 г. – 6,9%, в 2022 г. – 7%, в 2023 г. – 7%, в первом полугодии 2024 г. – 8,1% [51]. Доля промышленности в экономике возросла до 40%, с целевыми показателями к 2030 году в 60%.

В рамках дедолларизации Кыргызстан активно накапливает вместо доллара золото в резервах Национального Банка (уже более 52 тонн), в последние месяцы идет укрепление курса национальной валюты, который, вероятно, придется в будущем несколько скорректировать для улучшения

экспортных условий [45]. Но на текущий момент при активном импорте оборудования извне сильная национальная валюта – это, скорее, плюс, чем минус, поскольку оборудование обходится дешевле.

Если говорить о странах-соседях, то, например, Узбекистан, у которого всегда были сильные государственные институты, на сегодняшний день все больше развивает условия рыночной экономики. Если Кыргызстан идет от работающих рыночных механизмов к добавлению эффективного государства, то Узбекистан к работающему государственному аппарату добавляет все больше рыночных механизмов. В результате экономика Узбекистана также испытывает бурный рост.

Конечно, невозможно судить обо всем регионе лишь по одной или двум странам. Везде есть свои обстоятельства. В частности, Таджикистан и Туркменистан продолжают оставаться странами с жестко авторитарными режимами без каких-либо институциональных преобразований. А у Казахстана переход от «старого» «Назарбаевского» к «новому» осложнен внутренними противоречиями и трудностями взаимоотношений с внешним миром из-за большой привязанности к институтам однополярного мира и, следовательно, необходимости балансировать между западной санкционной политикой и встраиванием в структуры зарождающегося многополярного мира. Но в целом пример Кыргызстана и Узбекистана показывает, что есть значительные перспективы для развивающихся государств в условиях формирования многополярного мира.

Литература

1. Cooley A., Heathershaw J. Dictators without Borders. Power and Money in Central Asia. – Yale University Press, 2017. – 290 p.
2. Попов В.В. Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2013. – № 1 (21). – С. 136-159.
3. Spechler M.C., Ahrens J., Hoen H.W. State Capitalism in Eurasia. – World Scientific Publishing Company, 2017. – 156 p.
4. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. – W. W. Norton & Company, New York, 2001. – 288 p.
5. Reinert E. How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. – Public Affairs, New York, 2008. – 365 p.
6. Death By China: How America Lost Its Manufacturing Base// DeathByChina. – 2016. – April 10 // https://www.youtube.com/watch?v=mMlmjXtnIXI)
7. Lifting 800 Million People Out of Poverty – New Report Looks at Lessons from China's Experience// World Bank Group. – 2022. – April 1 // https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/04/01/lifting-800-million-people-out-of-poverty-new-report-looks-at-lessons-from-china-s-experience
8. Luxembourg R. The Accumulation of Capital. – Martino Fine Books, 2015. – 476 p.
9. Фурсов А. Единственный вариант будущего, который остался // Экономика. – 2020. – 2 августа // https://www.youtube.com/watch?v=sksWccZsgY4
10. Лукач Г. Критические заметки к брошюре Розы Люксембург «Русская революция» // MIA. – 2011. – 1 марта // https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1923/history_class/09.htm
11. Fukuyama F. End of History and the Last Man. – Penguin; Re-issue edition, 2012. – 418 p.
12. Хазин М. Воспоминания о будущем. Идеи современной Экономики. – Рипол-Классик, 2019. – 584 с.
13. Хазин М. Существует ли Объединенный Запад, и кто бенефициары современных войн? // ZonaKZ. – 2024. – 7 июня // https://www.youtube.com/watch?v=3solrWzpWSM
14. A short history of America's economy since World War II: Meet the modern economy, 1946-Present // The Wilson Center. – 2014. – June 23 // https://medium.com/the-worlds-economy-and-the-economys-world/a-short-history-of-americas-economy-since-world-war-ii-37293cdb640
15. Wen Y., Reinbold B. The Changing Relationship between Trade and America's Gold Reserve // Federal Reserve Bank of St. Louis. – 2020. May 4 // https://www.stlouisfed.org/publications/regional-economist/first-quarter-2020/changing-relationship-trade-americas-gold-reserves
16. The Bretton Woods System // The world Gold Council. – No Date // https://www.gold.org/history-gold/bretton-woods-system
17. Pollock A. Fifty Years without Gold // R Street. – 2021. Aug. 16 // https://www.rstreet.org/commentary/fifty-years-without-gold/
18. Saudi Arabia to Terminate Its 50-Year-Old Petrodollar Deal With United States // CNBC-TV18. – 2024. – June 14 // https://www.youtube.com/watch?v=NVNMjzAOaMo
19. Игамбердиев Б. Экономическая Политика Кыргызстана 1991-2010: Опыт и Результаты. – Б.И., Бишкек, 2016. – 228 с.
20. Хазин М. Конец эпохи доллара // Вестник Кавказа. – 2024. – 23 июля // https://www.youtube.com/watch?v=4GNLU6WKxkw
21. Perkins J. Confessions of an Economic Hit Man. – Plume, 2005. – 303 p.
22. Flynn N. Miracle to Meltdown in Asia: Business, Government and Society. – Oxford University Press, 2000. – 180 p.
23. Jianying Zh. Global Economy and World Order in the Post-COVID-19 Era. – Routledge, 2023. – 302 p.
24. Stiglitz J. The Road to Freedom: Economics and the Good Society. – W. W. Norton & Company, New York, 2024. – 384 p.

25. Игамбердиев Б. Конец эпохи доллара? Что это может значить для Кыргызстана? // Акипресс. – 2023. – 11 апреля // https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:30501/?from=mnenie&place=authors
26. GDP based on PPP, share of world// International Monetary Fund. – No Date //https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD
27. Global Consumption// The World Counts. – No Date // https://www.theworldcounts.com/economies/global/global-consumer-spending
28. $35 TRILLION DEBT WALL: Historic National Debt Surges, US Pays $2.4 Billion in Interest Daily// USDebtClock. – No Date // U.S. National Debt Clock : Real Time (usdebtclock.org)
29. U.S. is dangerously behind China in key technologies, says manufacturing president // MSNBC. – 2023. – March 2 // https://www.youtube.com/watch?v=h_capAEsSPE
30. BRICS Officially Announces Financial System Similar to SWIFT| What's Next? // We Love Africa. – 2024. – July 29 // https://www.youtube.com/watch?v=9oGEvqMOoyw
31. BRICS No to World Bank: What's going on? // Fastepo. – 2024. – July 31 // https://www.youtube.com/watch?v=XWBcZ1FkQdY
32. Banque de France Bulletin, Expansion of BRICS: what are the potential consequences for the global economy? // Banque de France. – 2024. – July 31 //https://www.banque-france.fr/en/publications-and-statistics/publications/expansion-brics-what-are-potential-consequences-global-economy
33. BRICS' STRATEGIC WIN: Malaysia Joins BRICS, Russian FM Visits Malaysia as NATO Views Southeast Asia // Lena Petrova. – 2024. – July 30 // https://www.youtube.com/watch?v=lt7sFxTbq9A; Thailand seeks BRICS membership at October summit. World Business Watch // WION. – 2024. – June 21 // https://www.youtube.com/watch?v=pGKPdBqaJ3I
34. Попов В. Стратегии экономического развития. Рекомендации ООН и российские реалии. – Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, Москва, 2011. – 336 с.
35. Hellman J. S., Jones G., Kaufmann D. Measuring Governance, Corruption, and State Capture. How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economies, EBRD and the World Bank, 2000. 04.30.
36. Абдырахманов Т.А. Кыргызская Республика в период демократического транзита: власть и общество. – Б.И., Бишкек, 2009. – 290 с.
37. Scott L. Tensions in the Taiwan Strait // Medium. – 2024. – Jan 9 // https://medium.com/@scottlawless12/tensions-in-the-taiwan-strait-8c21fb500568; China would 'fight to the end' to stop Taiwan independence// DW. – 2022. – Jan 6 // https://www.dw.com/en/chinas-defense-chief-warns-beijing-would-fight-to-the-end-to-stop-taiwans-independence/a-62103890

38. Центральная Азия станет транзитным узлом для новых транспортных магистралей // XS.uz – 2021. – 20 сент. // https://xs.uz/ru/post/tsentralnaya-aziya-stanet-tranzitnym-uzlom-dlya-novykh-transportnykh-magistralej
39. Средний коридор*, проходящий через Центральную Азию и Кавказ, может содействовать расширению торговли, усилению связности и устойчивости цепочки поставок // Группа Всемирного Банка. – 2023. – 27 ноября //https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2023/11/27/middle-corridor-through-central-asia-caucasus-can-boost-trade-connectivity-and-supply-chain-resilience
40. Новости Кыргызстана // Алатоо 24. – 2024. – 3 августа // https://www.youtube.com/live/8J-WLM30xZU
41. Игамбердиев Б. Есть ли у Кыргызстана своя стратегия развития? // Акипресс. – 2024. – 19 января // https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:38222/?from=mnenie&place=authors
42. Камбар-Ата – 1. Подписана дорожная карта по реализации проекта // 24kg. – 2023. – 6 янв. // https://24.kg/ekonomika/255030_kambar-ata-1_podpisana_dorojnaya_karta_porealizatsii_proekta/
43. Глава ГКНБ заявил о возвращении в казну более 70 млрд сомов с начала года // Azattyk.kg. – 2024. – 12 июля // https://rus.azattyk.org/a/33033855.html
44. Игамбердиев Б. Стратегия президента Жапарова по возвращению и легализации капиталов как курс на укрепление экономики Кыргызстана // Акипресс. – 2024. – 16 февраля // https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:38573/?from=mnenie&place=authors
45. Игамбердиев Б. Почему падает доллар? // Акипресс. – 2024. – 8 июля // https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:40506/?from=mnenie&place=authors
46. Садыр Жапаров и деколонизация Кыргызстана // Акипресс. – 2023. – 20 августа // https://mnenie.akipress.org/unews/un_post:35839/?from=mnenie&place=authors
47. Акылбек Жапаров рассказал о планах к 100-летию Кара-Кыргызской автономной области // Vesti.kg. – 2024. – 30 марта // https://vesti.kg/zxc/item/122413-akylbek-zhaparov-otkroem-100-zavodov-i-100-sotsobektov.html
48. В Кыргызстане пенсии повысят в два этапа: с 1 июля и с 1 октября // Akchabar.kg. – 2024. – 28 июня // https://www.akchabar.kg/ru/news/v-kyrgyzstane-pensii-povysyat-v-dva-etapa-s-1-iyulya-i-s-1-oktyabrya/
49. Садыр Жапаров рассказал о росте зарплат в Кыргызстане // Kaktus. – 2024. – 23 мая // https://kaktus.media/doc/501872_sadyr_japarov_rasskazal_o_roste_zarplat_v_kyrgyzstane.html; Жапаров С. Зарплату медикам поднимут на 50% // Akchabar.kg. – 2024. – 1 июля // https://www.akchabar.kg/ru/news/zarplatu-medikov-podnimut-na-50-sadyr-zhaparov/; Назван размер средней зарплаты в Кыргызстане // Kaktus. – 2024. – 13 мая // https://kaktus.media/doc/501173_nazvan_razmer_sredney_zarplaty_v_kyrgyzstane.html#

50. Условия Ипотеки // Государственная Ипотечная Компания. – 2024 // https://gik.kg/ru/products-detail/1/
51. Итоги – 2022. Экономика росла вопреки всему, но цены ее перегнали // 24.kg. – 2023. – 16 января // https://24.kg/ekonomika/255734_itogi_2022_ekonomika_rosla_vopreki_vsemu_notsenyi_eeperegnali/; Акылбек Жапаров: Экономический рост Кыргызстана демонстрирует устойчивое развитие // Кабинет Министров Кыргызской Республики. – 2024. – 31 июля // https://www.gov.kg/ru/posts/24429-minkab-toragasy-akylbek-zaparov-kyrgyzstandyn-ekonomikalyk-osusu-turuktuu-onuguunu-korsotuudo

Konstantin Syroyezhkin,
Doctor of Political Science, Professor
Almaty, Kazakhstan

CENTRAL ASIA IN A POLYCENTRIC WORLD: EXTERNAL FACTORS

Abstract
As a scientific category or concept, multipolarity/polycentricity is implicitly present in the discourse. Why has the idea of multipolarity now turned into an illusion? What is coming to replace it, and can we expect the modern world to be able to reach a consensus among competing interests? The article parses the threats and challenges of the modern world order, the change in the "rules of the game" in global politics and international relations, and the mounting rivalry among the centers of power both globally and in Central Asia. The author likewise explores the external threats and challenges for the Central Asian region as pivotal in terms of shaping a new regional security architecture, the interests of external centers of power and their influence on regional security processes, especially the expanding might of China and its aspirations for a more significant role globally, but foremost in the Eurasian space.

Keywords: multipolarity, polycentricity, threats and challenges, centers of power.

Sultan Akimbekov,
Candidate of Historical Sciences, Director, Institute of Asian Studies,
Almaty, Kazakhstan

REGIONALIZATION IN CENTRAL ASIA AGAINST THE BACKDROP OF CURRENT SITUATION IN AFGHANISTAN

Abstract
The article investigates the regional geopolitical situation in Central Asia amidst exposure to the events in Afghanistan. In addition to underscoring the ongoing shifts in global political processes and their influence on the plight of Central Asian states, the author examines the agency of the region's countries in liaising with competing great powers, including transport corridors as a competition factor. The article likewise contemplates the regionalization of Central Asia and the possibilities for the region's members to coordinate their efforts.

Keywords: Afghanistan, Central Asia, Taliban, regionalization, geopolitical competition.

Nargiza Murataliyeva,
Candidate of Political Science, Associate Professor, American University of Central Asia, Department of International and Comparative Politics, Bishkek, Kyrgyzstan

THE C5+1 AS A REGIONALIZATION FORMAT IN CENTRAL ASIA COUNTRIES: CONTEXT, OPPORTUNITIES, RESTRICTIONS

Abstract
The article discusses the reasons driving the expansion of the pool of countries promoting the C5+1 format, as well as analyzes the platform's strengths. The investigation of the geopolitical context comprises the arguments for other formats either being not as effective or not in adequate demand. The author reviews the experiences of the most active C5+1 promoters, opportunities and restrictions associated with such form of engagement, as well as scrutinizes the platform's sustainability, and external geopolitical environment effects on its performance and cooperation tracks.

Keywords: C5+1, Central Asia, platform, format opportunities and limitations, China, Russia, USA, EU.

Eldaniz Gusseinov,
Research Assistant, Haydar Aliyev Center for Eurasian Studies at Ibn Khaldun University,
Istanbul, Turkey

FOREIGN POLICY OF MIDDLE POWERS IN CENTRAL ASIA IN A MULTIPOLAR WORLD SETTING: COOPERATION AND CONFLICT POTENTIAL

Abstract
Central Asia has been inviting attention of not only major powers like Russia, China and the EU, but also middle powers, including Turkey, Iran, GCC countries, Japan, South Korea, India, Pakistan, and the UK. The study aimed to dissect the interests and roles of these powers in the region, eliciting both cooperation opportunities and conflict possibilities. Key areas of interaction include energy security, infrastructure development and economic integration. Turkey, South Korea and Japan have been actively supporting transport and energy projects complementing Russian and Chinese initiatives. Whereas Iran and India have been promoting alternative corridors such as Port Chabahar and the North-South International Transport Corridor, Pakistan and the GCC countries may be more interested in trans-Afghan routes. Geopolitical competition for resources and influence, especially in relation to rare-earth metals, may heighten tensions. Competition among middle powers can exacerbate the situation, complicating their liaising with major powers. It is important that Central Asian countries cast their own formats of cooperation with middle powers, including coalitions and joint project clusters, to consolidate their positions in the international arena and cultivate economic ties.

Keywords: middle powers, Central Asia, multipolar world, geopolitics, economic integration, energy security, foreign policy.

Rustam Burnashev,
Candidate of Philosophical Sciences, Master of Sociology, Kazakh-German University, Department of World Politics,
Almaty, Kazakhstan

CENTRAL ASIA IN THE MODERN WORLD: READING THROUGH THE PRISM OF REGIONAL SECURITY COMPLEX THEORY

Abstract
The annual Consultative Meetings of Central Asian Leaders held since 2018 and intensifying interactions with non-regional partners under the C5+1 format have brought the possibility of regional cooperation and even integration in Central Asia back to the agenda. Based on the regional security complex theory (RSCT), the article examines the maturity of institutional arrangements necessary for such in-depth regional interplay in Central Asia. The article argues that, despite the recent changes, Central Asia still remains a "quasi-region", i.e. a nominal complex the unity of which reposes more on the conventional perception or concept of "Central Asia" as well as its application rather than on its actual regional framework.

Keywords: regional complex, regional internal structure, region boundaries, buffer, insulator.

Sherali Rizoyon,
Candidate of Political Science
Dushanbe, Tajikistan

REGIONALIZATION POTENTIAL AND OPPORTUNITIES IN CENTRAL ASIA: DUSHANBE PERSPECTIVE

Abstract
The article examines the potential and peculiarities of regionalization in Central Asia, specifically the current cooperation capacity, including features of interaction in political and security spheres, trade, transit and transport, water sector; challenges posed by climate change; lessons learnt from previous integration experiences and regionalization "bottlenecks" in the region; as well as the factors of multi-vector foreign policy and balancing the relations with the North and South, the East and West. In conclusion, the article contemplates the conditions predetermining the plausible scenarios in terms of the overall development as well as regionalization in Central Asia in the immediate future.

Keywords: Central Asia, regionalization, integration, foreign policy, regional cooperation, Consultative Meetings.

Mirzokhid Rakhimov,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Department Head,
Uzbekistan's Contemporary History Coordination and Methodological Center, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

CENTRAL ASIA IN THE REMIT OF REGIONALISM AND MULTIPOLARITY

Abstract
The course of history in the newly independent states of Central Asia is a constituent element of complex world processes. Inside the region, the formation of interstate multilateral relations has always been and remains complicated with alternating successes and failures. Central Asia is hosting an array of multilateral initiatives and institutions with inconsistent interests pursued by the leading international actors. Hence, the forging of a balanced multifaceted system of relations with the leading states of the world, international and regional organizations as a major factor of regional security and stability. Contemporary history requires further examination using different approaches in the context of linkages between national and regional development and global trends. Modernity events should be subject to triple-tier analysis of national, regional and global aspects with the account of historical interconnectedness of universal human civilization's advancement. This will allow identifying and projecting the expected – both mid- and long-term – trends in the development of the state and society, as well as the priorities of interstate relations in Central Asia in light of regional and global processes. To ensure sustainability of bi- and multilateral ties, Central Asia countries should intensify and combine their efforts on implementing integration projects and manufacturing new multilateral partnership mechanisms. Further expansion and deepening of interstate political and economic collaborations will be essential for guaranteeing security and stable progress of Central Asia.

Keywords: Central Asia, regionalism, multipolarity, civilization, stability, partnership.

Vyacheslav Dodonov,
Doctor of Economics, Chief Researcher,
Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies,
Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the RK,
Almaty, Kazakhstan

ECONOMIC PREREQUISITES FOR CENTRAL ASIAN COUNTRIES' POSITIONING IN THE MULTIPOLAR WORLD

Abstract
The positioning of Central Asian states, as well as the region in its entirety, in the global economy as well as the regional integration prospects are largely constrained by the multipolar world formation processes incorporating the strengthening of new economic power centers, in their turn bending bilateral and regional cooperation trajectories towards themselves. Central Asia has been demonstrating the corresponding trends manifested in increasingly closer economic ties with the leading economies of the Orient, in particular the PRC, and with Russia, against

their weakening with Europe. Holding the position of the largest Central Asian economy and accounting for the bulk of regional foreign economic cooperation expansion, over the past decade Kazakhstan has clearly shown the same dynamics in the form of increased engagement with China and Russia along the core economic tracks, including foreign trade and mutual investment, against the backdrop of their noticeable decline in its dealings with EU countries. The shifts in Central Asia's external economic cooperation contour are accompanied by some upturn of intra-regional ties, however still insufficient in most and even practically lacking in certain key areas, in particular mutual investment. The limited economic potential of the region's countries and poor connectivity of their economies make it impossible to assert the success of hypothetical projects of Central Asian integration. Yet, the growing presence of new global economy centers in the region can further boost their connectivity and regional cooperation, even in absence of integration initiatives.

Keywords: regional integration, international economic cooperation, foreign trade, foreign investment, multipolar world.

Lydia Parkhomchik,
Lead Expert, Eurasian Studies Program,
Institute of World Economy and Politics (IMEP),
Almaty, Kazakhstan

TRANSPORT CONNECTIVITY DYNAMICS IN CENTRAL ASIA AMIDST DEVELOPING NEW INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS

Abstract
Modern logistics is forced to adapt to continually altering conditions. The impacts of COVID-19 and unstable geopolitical situation require quick response and novel approaches to constantly emerging challenges. Boosting the transport industry's competitiveness has become one of the top priorities for Kazakhstan and other Central Asia states. The region is in the heart of such transport projects as China's Belt and Road Initiative and EU's Global Gateway Strategy. This fact demands higher flexibility in the face of changing market conditions on behalf of the national transport and logistics sectors. Against this background, the article deliberates certain regional aspects of transport linkages among the members of the "Central Asian Group of 5", considers the mutual compatibility of their domestic transport systems, as well as evaluates the influence that non-regional actors exert on the emerging transportation agenda.

Keywords: transport connectivity, transport corridors, Trans-Caspian International Transport Route, Belt and Road Initiative, Global Gateway, Central Asia, Europe.

Sergey Golunov,
Doctor of Political Science, Professor, Suleyman Demirel University,
Almaty, Kazakhstan

PROSPECTS FOR CENTRAL ASIAN INTEGRATION BASED ON THE EU AND ASEAN EXPERIENCES

Abstract
The article assesses the applicability of the EU and ASEAN integration experience in Central Asia. Based on the analysis, the author concludes that neither of the models can be fully transferred to the Central Asian context. However, certain elements of both models can become instrumental in designing regional integration approaches acknowledging local specifics.

Keywords: regional integration, EU, ASEAN, Central Asia, high-speed integration, spillover effect.

Bakhtiyar Igamberdiyev,
Candidate of Historical Sciences, Lecturer,
Ala-Too International University,
Bishkek, Kyrgyzstan

THE IMPACTS OF AN EMERGING MULTIPOLAR WORLD ON THE DEVELOPMENT OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES: KYRGYZSTAN CASE

Abstract
The article is an attempt to examine the concept of "multipolarity" through the economic prism as it applies to the Central Asia region. To better comprehend the processes associated with the shaping of a multipolar world, the author starts off with investigating the formation of unipolar

world institutions simultaneously assessing their role in extending the global influence of the United States. In addition to analyzing the roles of the world's dominant currency, i.e. the US dollar, as well as international financial institutions like the World Bank, International Monetary Fund and World Trade Organization as the pillars of the unipolar world, the article likewise considers de-dollarization, declining capital performance in modern conditions and rising institutions alternative to these established under the Bretton Woods Agreement under the auspices of such organizations as the BRICS, SCO and EAEU.

Keywords: multipolarity, Central Asia, international financial institutions, economic policy, de-dollarization, BRICS, International Monetary Fund, World Bank.

ROSA LUXEMBURG STIFTUNG CENTRAL ASIA

Фонд Розы Люксембург (RLS) является одним из семи политических фондов Федеративной Республики Германия. Он тесно связан с немецкой левой партией Die Linke. Основной задачей Фонда является проведение гражданского просвещения. RLS осуществляет свою деятельность в традициях движений за права трудящихся, за права женщин, антифашистского и антивоенного движений, отстаивая идеи демократического социализма.

RLS был основан в 1990 г. как некоммерческая организация. Фонд способствует критическому анализу общества и поддерживает деятельность, направленную на развитие социально справедливого и инклюзивного общества. Фонд содействует сотрудничеству и поддержанию равноправного диалога и занимается развитием концепций и практик гражданского просвещения. Таким образом, фонд привержен идеям и политическому наследию Розы Люксембург, предполагающему критику капитализма, противодействие империализму, войнам и продвижению ценностей демократии, социальной справедливости и солидарности.

RLS осуществляет свою деятельность в регионе Центральная Азия через свое представительство, открытое в г. Алматы в 2019 году. Программа финансируется Парламентом ФРГ через Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития (Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung – BMZ). Основанная на идеях демократического социализма, программа способствует укреплению экономических, социальных, культурных, экологических и гражданских прав, а также развитию регионального и межрегионального сотрудничества в Центральной Азии и за ее пределами.

Представительство Розы Люксембург в Центральной Азии
Адрес: Казахстан, Алматы, 050022,
ул. Масанчи, 98а
Телефон: +7 (727) 224-55-21

Информацию о Фонде Вы сможете найти по ссылкам:
https://www.rosalux.de
https://ru.rosalux-ca.org/

Подготовлено при спонсорской поддержке Фонда Розы Люксембург на средства Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии. Материалы публикации могут использоваться третьими лицами при условии ссылки на оригинальную публикацию.

Sponsored by the Rosa Luxemburg Stiftung with funds of the Federal Ministry for Economic Cooperation and Development of the Federal Republic of Germany. This publication or parts of it can be used by others for free as long as they provide a proper reference to the original publication.

Формирование нового мирового порядка: место и роль Центральной Азии в мультиполярном мире. Сборник статей

Ответственный редактор-составитель:
Ирина Черных

Редактор-корректор:
Екатерина Баркова

Компьютерный дизайн:
Алмас Окен

Подписано в печать
Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16
Условных печатных листов 10,25

Отпечатано в типографии Uniprint
Республика Казахстан, г.Алматы, ул.Жумалиева 60, н.п.39
Тел. +7 (727)2 222 000
info@uniprint.kz

Тираж 150 экземпляров

ISBN 978-601-08-4601-2

ISBN 978-601-08-4601-2